

Краснодарский университет МВД России

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА**

Материалы
XX Международной научно-практической конференции
(2 октября 2025 г.)

Краснодар
2026

УДК 340+08
ББК 67.2+94
Т338

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

И. В. Яблонский, кандидат исторических наук, доцент (председатель);

В. В. Денисенко, доктор юридических наук, профессор
(заместитель председателя);

С. Г. Денисенко, кандидат юридических наук
(ответственный секретарь);

К. Д. Рыдченко, кандидат юридических наук, доцент;

Т. Г. Саградова

Теория и практика административного права и процесса [Электронный ресурс] : материалы XX Междунар. науч.-практ. конф., 2 окт. 2025 г. / редкол.: И. В. Яблонский, В. В. Денисенко, С. Г. Денисенко и др. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-9266-2260-4

Содержатся материалы XX Международной научно-практической конференции «Теория и практика административного права и процесса», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 2 октября 2025 г.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340+08
ББК 67.2+94

ISBN 978-5-9266-2260-4

© Краснодарский университет
МВД России, 2026

Содержание

Денисенко В.В. Эволюция административного права в эпоху цифровых технологий	5
Майоров В.И. Контроль (надзор) за реализацией органами местного самоуправления полномочий в области обеспечения безопасности дорожного движения	14
Анисифорова М.В. Практика привлечения к административной ответственности с применением результатов оперативно-розыскной деятельности	22
Бондарь О.О., Макаренко А.И. Проблемы реализации права собственности сотрудников органов внутренних дел и его защиты в особых правовых режимах военного времени	26
Галустян А.Г. Организация деятельности по подготовке водителей транспортных средств в образовательных организациях системы МВД России: проблемы и перспективы	31
Гапоненко О.Ю., Силантьев В.М. Актуальные вопросы правовой защиты российского предпринимательства от недобросовестных иностранных партнеров: современное состояние, анализ судебной практики.....	36
Голубихина Н.В. Взаимодействие полиции и органов публичной власти в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних	42
Гонезжук Б.М. Обеспечение общественного порядка при проведении массовых мероприятий административно-правовыми средствами	48
Денисенко С.Г. Институты административно-процессуального права нового поколения	51
Журавлев В.В. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие дисциплинарную ответственность сотрудника органов внутренних дел	57
Заброда Д.Г. Признаки массовых мероприятий, влияющие на состояние общественного порядка и определяющие деятельность полиции во время их проведения	61
Затолокин А.А. Модели построения полицейских систем (международный опыт)	65
Золотько П.С. Конституционные права и гарантии, регулирующие применение цифровых технологий в деятельности полиции	73
Карсюк Д.С. Запрет поворота к худшему при новом рассмотрении дела об административном правонарушении в административно-деликтном процессе Республики Беларусь.....	77

Костюк А.С. Реализация принципа добросовестности в процессе привлечения должника к административной ответственности за уклонение от явки к судебному исполнителю в Республике Беларусь	80
Курышкин А.Н., Кузьменко А.В. К вопросу об административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел: анализ изменений и возможные новеллы	85
Кушхов Х.Л. Особенности административно-правового регулирования деятельности религиозных объединений в Вооруженных Силах и иных силовых структурах Российской Федерации	88
Лапов И.Н. Административно-правовые основы специальной дееспособности водителей транспортных средств	92
Матюхин Д.С. Привод как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях	97
Нехай А.Ю. Основные нарушения прав человека при осуществлении административных функций органов внутренних дел	101
Носиров М.М. Административное принуждение в Республике Таджикистан: понятие и классификация мер	105
Оздоева Л.А. Регулирование цифрового пространства на маркетплейсах	110
Поделякин А.А. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения, совершаемые лицами в состоянии опьянения: теоретико-прикладные аспекты	117
Савочкина Д.О. Особенности квалификации административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ	122
Телятицкая Т.В. Сравнительно-правовое исследование административной ответственности: от европейских моделей к белорусскому контексту	126
Ушаков Р.М. Совершенствование законодательства о государственно-частном партнерстве: публично-правовой аспект ...	132
Чунихина Е.И. Инфодемия как угроза духовно-нравственным ценностям	137
Шарлова М.Н. Квалификация административных правонарушений в сфере общественной безопасности	141
Шевченко В.М. О соотношении административной и уголовной ответственности в сфере интеллектуальной собственности	151
Янчин В.О. К вопросу о применении административного ареста в отношении родителей, совершивших насильственные действия против несовершеннолетних детей	158

Денисенко Виктор Васильевич,
профессор кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Мы живем в период, который по масштабу институциональных сдвигов сопоставим с переходом от сословного государства к бюрократическому: цифровые технологии меняют не только «технику» администрирования, но и сами основания административного права как отрасли, организующей публичную власть в ее повседневном взаимодействии с человеком. Если в классической модели административное право во многом «держалось» на документе, личном присутствии и материально фиксируемой процедуре, то в цифровой среде юридически значимыми становятся данные, их происхождение, контекст обработки и логика алгоритмического выбора. Тем самым трансформация носит не декоративный, а онтологический характер: меняется то, что считается фактом, доказательством, актом и надлежащей процедурой. В этой ситуации описывать происходящее продуктивнее не как «оцифровку услуг», а как перестройку публичного управления в трех взаимосвязанных слоях – инфраструктурном, процедурном и уровне принятия решений. Такой аналитический каркас позволяет удерживать целостность картины: увидеть, где именно возникают юридические риски, какие гарантии должны «переехать» в цифровую среду без потери смысла и какие новые гарантии необходимо сконструировать.

На инфраструктурном уровне цифровое администрирование опирается на правовой режим информации и персональных данных, на механизмы идентификации и доверительные услуги – электронную подпись, отметку времени, верификацию происхождения документа, а также на реестровую архитектуру, в которой запись приобретает значение юридического факта. С теоретической точки зрения здесь происходит сдвиг от документно-ориентированного права к праву, организующему доверие как институт. В традиционном правопорядке доверие обеспечивалось прежде всего через материальность носителя и «ритуалы» процедуры: печать, подпись, личное присутствие, вручение. В цифровой среде доверие становится производной от атрибутов подлинности и неизменности, которые должны быть воспроизводимы и проверяемы технически и юридически. Отсюда вытекают два принципиальных следствия. Первое – равнозначность форм: электронный акт, при соблюдении установленных реквизитов доверия, должен обладать той же юридической силой, что и бумажный, иначе государство фактически закрепляет дискриминацию по форме коммуникации.

Второе – машиночитаемость как новая нормативная добродетель: опубликованные государством данные и юридически значимые сообщения должны быть пригодны для автоматической обработки без утраты юридической достоверности. Это не «требование удобства», а предпосылка равного доступа к праву в условиях, когда значительная часть взаимодействий посредством цифровыми интерфейсами и платформами.

Однако именно здесь обнаруживается тонкий момент, важный для административно-правовой теории: машиночитаемость не тождественна юридической определенности. Данные могут быть формально структурированы, но семантически неопределенны; могут быть полными с точки зрения реестра, но ошибочными с точки зрения реальности; могут быть «официальными», но полученными с нарушением правовых оснований обработки. Поэтому юридическая сила цифровой инфраструктуры неизбежно должна сопровождаться требованиями к качеству данных, их происхождению, актуальности и процедурной верифицируемости. Иначе право рискует превратиться в «производную» от данных, а не в систему, которая данные упорядочивает и ограничивает. В этом смысле корректна формула: плохие данные не должны порождать плохие акты – и это утверждение одновременно технологическое и нормативное, поскольку оно связывает эффективность государства с принципом законности и с обязанностью публичной власти действовать добросовестно и разумно.

На процедурном уровне цифровизация проявляется как переход от «услуг» к сквозным цифровым процессам. Государство выстраивает «одно окно», экстерриториальность, межведомственный обмен сведениями и принцип «просим данные у ведомства, а не у гражданина». Если ранее в центре модели стояло личное обращение и бумажный документооборот (гражданин приносит справку, ведомство выдаёт справку), то сегодня процедура превращается в цепочку операций над данными, где инициирование, проверка и исполнение распределены между информационными системами и органами власти. Теоретически это означает, что административная процедура все в большей степени становится «кодом» – не только в техническом смысле, но и в смысле формализованной логики, встроенной в регламент, интерфейс и маршрутизацию. При этом ускорение процесса и снижение транзакционных издержек не отменяют его правовой природы: цифровая процедура остаётся механизмом легитимации публичного решения, а значит, должна включать в себя гарантии участия и контроля.

В классическом административном праве процедурная справедливость часто описывается через принцип «быть услышанным», обязанность мотивировать решение, доступ к материалам и эффективное обжалование. В цифровой среде эти гарантии не исчезают, но меняют форму. Право быть услышанным должно работать через онлайн-слушания, видеоконференции, а также через асинхронные объяснения и возражения, когда человек может направить позицию в пределах разумного срока без необходи-

мости очного присутствия. Но именно здесь цифровизация выявляет новую категорию рисков: технические сбои, цифровое неравенство, зависимость от платформенного интерфейса и его «скрытых» настроек. Для административного права это означает необходимость учитывать технологическую уязвимость как юридически значимое обстоятельство. Если срок пропущен из-за недоступности сервиса, если уведомление не доставлено по причине сбоя или если интерфейс вводит в заблуждение, правопорядок должен иметь процессуальные механизмы коррекции, иначе цифровая форма станет источником фактического ограничения прав.

Существенно усложняется и вопрос мотивировки. В бумажной бюрократии мотивировка часто была избыточной и «тяжелой», но предназначалась человеку и суду. В цифровой среде появляется соблазн заменить мотивировку машинным кодом: «не соответствует критериям», «выявлено несоответствие» – без раскрытия, какие именно данные и правила применены. Между тем мотивировка – это не декоративная часть акта, а инструмент подотчетности публичной власти и условие разумного обжалования. Поэтому требование «мотивировка должна быть понятной человеку, а не только машине» становится центральным. Иными словами, цифровая процедура должна обеспечивать двойную адресацию: техническую (чтобы система могла исполнять и проверять) и гуманитарную (чтобы человек мог понять смысл вмешательства государства в его сферу свободы). Здесь административное право соприкасается с идеями «понятного права» и «доступности нормы», которые в теории связываются с принципом правовой определенности и запретом произвольного вмешательства.

На уровне доказательств процедурная цифровизация рождает новую доказательственную базу: логи, метаданные, цифровые следы, записи о событиях в информационных системах. Их значение трудно переоценить: в цифровом государстве именно они фиксируют «кто, когда и что сделал», а значит, определяют возможность контроля. Но признание цифровых следов доказательствами требует нормативной определенности: статуса, сроков хранения, правил доступа, порядка проверки подлинности, требований к целостности и цепочке хранения. Без этого цифровой след легко превращается либо в «непроверяемую истину» (когда системе верят по умолчанию), либо в «непригодную информацию» (когда суд и участники процесса не имеют процедурных инструментов его верификации). Следовательно, административное право должно институционализировать цифровое доказательство так же, как оно институционализировало бумажный документ: через формализованные критерии допустимости и достоверности.

Именно на уровне решений цифровая трансформация становится наиболее заметной и одновременно наиболее чувствительной. Ключевым институтом здесь выступает электронный административный акт – властное волеизъявление, созданное, подписанное и доведённое до адресата в электронной форме и порождающее правовые последствия без бумажного

дубля. В прежней модели бумажный акт воспринимался как единственно «надёжный» носитель решения: материальный объект, который можно предъявить, хранить, исследовать. В цифровой модели носителем становится запись, снабжённая атрибутами доверия: идентификацией органа, отметкой времени, проверяемой подписью, реестровым подтверждением. Тем самым проверяемость и воспроизводимость решения должны обеспечиваться не «вещественностью», а комплексом юридико-технических реквизитов, единообразие которых необходимо закрепить нормативно. Иначе неизбежны фрагментация практик, спорность статуса электронных сообщений и рост транзакционных издержек уже на стороне защиты прав.

Рядом с электронным актом развивается феномен алгоритмически поддержанных решений (ADM), где цифровые системы участвуют в оценке фактов, проверке условий, ранжировании рисков или даже формировании предложения решения. Теоретически ADM можно понимать как новую форму административного усмотрения, опосредованного моделями и данными. При этом усмотрение не исчезает: оно «перемещается» из головы должностного лица в архитектуру данных, критерии модели, пороги срабатывания, выбор обучающей выборки и метрики качества. Отсюда возникает риск «ошибочной автоматизации», когда сложные социальные ситуации подгоняются под формальные признаки; риск предвзятости данных и дискриминации; риск «чёрного ящика», когда даже орган власти затрудняется объяснить логику вывода.

Минимизировать эти риски возможно лишь при выполнении ряда условий, которые в цифровом административном праве должны стать не рекомендациями, а юридическими стандартами.

Во-первых, там, где затрагиваются существенные права и законные интересы (выплаты, штрафы, лицензии, ограничения доступа к деятельности), последнее слово должно оставаться за человеком: ADM может готовить предложение, но не подменять ответственность публичной власти.

Во-вторых, весь ход принятия решения должен быть прослеживаем: какие данные использованы, какая версия регламента или модели применена, по каким шагам система пришла к выводу. Здесь принцип прозрачности приобретает операциональный смысл: прозрачным является не «алгоритм вообще», а конкретная траектория применения алгоритма к конкретному делу.

В-третьих, качество данных и моделей должно проверяться до запуска и регулярно после: не только формальная валидация, но и оценка воздействия на права, выявление систематических ошибок, контроль дрейфа данных и корректность обновлений.

В-четвертых, гражданину необходимо предоставить понятное объяснение и ясную процедуру обжалования, включая право на человеческое вмешательство и пересмотр. Иначе цифровая эффективность будет куплена ценой дефицита справедливости и доверия.

Важный аспект цифровой трансформации связан с «теневой стороной» администрирования: бесконтактным принуждением и расширением наблюдения. Если классическое административное принуждение ассоциировалось с физическими мерами (задержание, изъятие, ограничение свободы передвижения), то цифровая среда порождает меры иного типа: блокировка учётных записей, ограничение доступа к цифровым ресурсам, приостановление действия электронных разрешений, «заморозка» операций. Эти меры могут быть столь же эффективными, как и традиционные, а иногда – более болезненными, потому что действуют мгновенно и затрагивают инфраструктурные возможности человека (доступ к услугам, коммуникациям, экономической активности). С теоретической точки зрения это означает, что публичная власть получает «мягкие» по форме, но жесткие по эффекту инструменты, а значит, нуждается в специальном правовом режиме их применения: четких основаниях, пределах воздействия, требованиях пропорциональности и механизмах оперативного обжалования. Иначе бесконтактное принуждение рискует стать областью «быстрого права», где скорость решения подменяет процессуальную справедливость.

Параллельно обостряются вопросы границ контроля и наблюдения. Системы распознавания лиц, геолокационный мониторинг, цифровые профили поведения при слабых гарантиях способны превратить административный контроль в тотальное наблюдение. В терминах политико-правовой теории это возвращает нас к проблеме баланса публичного интереса и автономии личности, но уже в новой технической конфигурации: государство не просто «видит» больше, оно видит непрерывно и связывает разрозненные данные в единый профиль. Отсюда следует принципиальная задача административного права: удержать наблюдение в границах законности, необходимости и минимизации, превратить обработку данных из фактической возможности в юридически ограниченную практику. Здесь особое значение приобретают принципы законности обработки, целевого ограничения, минимизации данных, безопасности и прозрачности, а также эффективные механизмы доступа человека к сведениям о себе и их исправления. В противном случае цифровая инфраструктура становится не инструментом сервиса, а технологией дисциплинирования, где контроль «растворён» в повседневных интерфейсах и потому труднее оспаривается.

Цифровизация меняет и административную ответственность. Все чаще она наступает на основе данных, зафиксированных техническими средствами, а автоматически сформированный протокол превращается в ядро доказательств. Возникают вопросы подлинности цифрового следа, распределения ответственности за ошибки алгоритмов и допустимости таких доказательств. Нормативный ответ не может быть исключительно технологическим («у нас надёжная система»). Он должен быть процессуальным: формализованные правила верификации, аудит источников, стандарты калибровки и сертификации, надлежащий порядок хранения, понятная

цепочка доступа и изменения. Иначе у лица, привлекаемого к ответственности, исчезает реальная возможность опровергнуть доказательство, поскольку спор ведётся не с должностным лицом, а с «выпиской из системы». Именно поэтому признание цифрового следа доказательством должно сопровождаться гарантией проверяемости – то есть возможностью независимой экспертизы и воспроизводимости результата.

Существенные изменения происходят в контрольно-надзорной деятельности, где наблюдается переход от модели «поймать и наказать» к профилактике через риск-ориентированное управление. Профили риска, чек-листы, дистанционные инспекции, проактивные рекомендации снижают нагрузку на добросовестных и фокусируют усилия на опасных практиках. С теоретической точки зрения это отражает более общий тренд «управления рисками», характерный для позднемодерных обществ: государство стремится предотвращать вред, а не реагировать постфактум. Однако легитимность этой модели зависит от трех опор. Во-первых, цифровые следы должны признаваться полноценными доказательствами, но на прозрачных правилах сбора и хранения. Во-вторых, качество и происхождение данных должны быть нормативно значимыми: государство не вправе строить вмешательство на заведомо «грязных» или невалидированных массивах. В-третьих, применение предиктивной аналитики при планировании проверок должно иметь четкие границы: понятные критерии, недопустимость дискриминационных факторов, возможность оспаривания риск-профиля и независимый аудит. Иначе риск-модель превращается в непрозрачное ранжирование, которое де-факто предопределяет отношение государства к субъекту, но де-юре остаётся «внутренней аналитикой», не подлежащей контролю.

В условиях быстрого технологического развития особое значение приобретают экспериментальные правовые режимы (регуляторные песочницы) как «эволюционный клапан» правовой системы. Их смысл – внедрять инновации без ломки общего регулирования: заранее задаются метрики безопасности, объяснимости и результативности, оценивается эффект для граждан и бизнеса, а успешные решения получают «мост» в общее регулирование, неуспешные – аккуратно сворачиваются. Для административного права песочницы важны не только как инструмент инноваций, но и как способ научить правопорядок работать с неопределённостью: признавать, что новое регулирование требует проверки, а проверка требует процедур и критериев. Особенно актуально это для АДМ и новых цифровых процедур, где ошибка может носить системный характер и затрагивать широкий круг лиц. Право, допускающее эксперимент, одновременно должно усиливать требования к мониторингу, отчётности и обратной связи – иначе эксперимент рискует стать зоной сниженных гарантий.

Сквозной линией всех этих изменений выступают права человека и процессуальные гарантии «в цифре». Принципиально важно подчеркнуть:

цифровой формат не отменяет процессуальные права, а, напротив, делает их более необходимыми, поскольку увеличивает скорость и масштаб административных воздействий. Право на информирование и доступ к данным должно реализовываться не формальным размещением документов на сайте, а реальной доступностью машиночитаемых наборов и понятных уведомлений. Право быть выслушанным должно включать синхронные и асинхронные каналы участия. Право на мотивированное решение – предполагать человечески понятное объяснение даже в случаях применения модели ИИ, иначе мотивировка превращается в технический ярлык. Право на эффективную защиту – сочетать быстрое электронное обжалование с судебным контролем, признающим электронную доказательственную базу и умеющим работать с ней. При этом особое место занимают права в сфере персональных данных: законность, минимизация, безопасность и прозрачные правовые основания обработки. Именно здесь цифровое административное право соприкасается с тем, что в современной теории иногда называют «цифровым конституционализмом»: попыткой перенести конституционные стандарты достоинства, свободы и равенства в инфраструктурную логику данных и платформ.

Практика уже показывает, где цифровизация приносит ощутимый результат и одновременно где концентрируются риски. Проактивные выплаты демонстрируют, что когда право гражданина подтверждается по данным реестров, решение может формироваться автоматически – при условии понятного уведомления, корректного основания обработки данных и возможности возражения. Дистанционные инспекции с фото- и видеофиксацией, телеметрией и датчиками позволяют снизить административную нагрузку, но требуют регламентов верификации источников и статуса таких сведений как доказательств. ИИ-проверка документов действительно экономит время и повышает качество сервиса, если соблюдены условия безопасности: человек в контуре, журналирование, аудит модели и ясная процедура обжалования. Во всех этих примерах видно, что эффективность возникает не из «самой технологии», а из правильно устроенного правового режима доверия, ответственности и контроля.

Если попытаться представить карту эволюции административного права в более обобщённой форме, то обнаруживается последовательный переход по нескольким осям. Носитель решения меняется от бумажного административного акта как единственно надёжного носителя к электронному акту, приобретающему юридическую силу при наличии доверительных атрибутов и реестровой фиксации. Формат взаимодействия смещается от ведомственной ориентации на личное обращение к сквозным цифровым процедурам «одного окна», экстерриториальности и межведомственного обмена, где государство запрашивает данные само, а не перекладывает эту нагрузку на гражданина. Статус данных меняется радикально: из вспомогательного ресурса они превращаются в юридический факт, способный

порождать права и обязанности без бумажного дубля, что требует нормативного закрепления машиночитаемости и достоверности наборов данных. Процессуальные гарантии трансформируются: очные заседания и бумажные мотивировки уступают место цифровым гарантиям – онлайн-слушаниям, асинхронным объяснениям, признанию логов и метаданных доказательствами – и одновременно требуют регламентов хранения и проверки цифровых следов, а также учета технических сбоев. Принятие решений эволюционирует от полностью «ручного» усмотрения к ADM, но именно это порождает потребность в предохранителях: человеческое вмешательство, прослеживаемость данных и версии модели, регулярная валидация, понятная объяснимость и процедура обжалования. Контроль и надзор уходят от карательной логики к риск-ориентированной профилактике, что требует правил допустимости предиктивной аналитики и критериев качества данных. Меры принуждения переходят от преимущественно физического воздействия к бесконтактным цифровым мерам мгновенного эффекта, нуждающимся в специальном правовом режиме и срочном обжаловании. Доказательства меняют центр тяжести: протокол должностного лица уступает место техфиксированию и цифровому следу, что требует формализованного аудита источников, верификации подлинности, цепочки хранения и ясного распределения ответственности. Наконец, нормотворчество и внедрение новаций смещаются от практики «сразу в закон» к экспериментальным режимам, позволяющим праву эволюционировать через проверку, снижая регуляторный риск. За всем этим стоит смена философии отрасли: процедура всё чаще мыслится как код, акт – как данные, контроль – как аналитика, однако ядро административного права должно оставаться прежним – законность, открытость, защита прав и запрет произвола.

Из этого следует и практическая повестка дальнейшего развития, которую можно сформулировать как общий знаменатель предложений.

Во-первых, требуется легальная дефиниция электронного административного акта с обязательными реквизитами, презумпцией равнозначности форм и реестровой моделью хранения, обеспечивающей проверяемость и воспроизводимость.

Во-вторых, необходима специальная процедура обжалования ADM-решений: право на человеческое вмешательство, стандарты объяснимости и правила доказывания, учитывающие версию модели и метрики её качества.

В-третьих, нужно закрепить единые требования к качеству данных и логированию по всей траектории – от межведомственного обмена до вынесения акта, включая требования к происхождению и актуальности данных.

В-четвертых, важна гармонизация доверительных сервисов (подписи, отметки времени, электронные атрибуты) с лучшими практиками совместимости – межведомственной и межсекторной, чтобы электронные до-

казательства и электронные акты могли циркулировать без потери юридической силы.

В-пятых, в сфере надзора следует институционализировать аудит алгоритмов: независимую оценку рисков, критерии допустимости предиктивной аналитики, понятные правила для бизнеса и эффективные механизмы оспаривания риск-профилей.

В конечном счете цифровая трансформация административного права – это не «перевод бумаги в электронный вид». Это изменение юридической материи управления: акт становится данными, процедура – кодом, контроль – аналитикой. Чтобы эта перестройка оставалась легитимной и справедливой, административному праву важно удерживать три критерия, которые можно рассматривать как нормативный минимум цифрового государства. Первый – правомерность: решения должны оставаться законными, проверяемыми и ответственными, а цифровая инфраструктура не может служить оправданием для размывания компетенции или мотивировки. Второй – объяснимость: гражданин должен понимать не только «что произошло», но и «почему», причём в форме, доступной человеку, а не лишь разработчику системы. Третий – полезность: цифровые механизмы должны реально снижать издержки и повышать качество сервиса, не подменяя социальную цель администрирования технологической демонстрацией эффективности. И если перефразировать классическую для правовой философии мысль о праве как живом организме, то административное право действительно обязано приспосабливаться к новым условиям, но не растворяться в них: в эпоху, когда инструменты государства меняются быстрее, чем правовые привычки, именно отрасль административного права должна стать местом, где скорость и удобство уравниваются достоинством личности и процедурной справедливостью.

Майоров Владимир Иванович,
профессор кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Тюменского института повышения
квалификации сотрудников ОВД,
старший научный сотрудник
кафедры конституционного и
административного права ЮУрГУ (НИУ),
доктор юридических наук, профессор

КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Обеспечение безопасности дорожного движения (далее – БДД) представляет собой публично-правовую функцию, реализация которой осуществляется в рамках разграничения предметов ведения между Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями. В данной системе распределения компетенций органы местного самоуправления (далее – МСУ) выступают субъектом, ответственным за повышение БДД на автомобильных дорогах местного значения.

В сети автомобильных дорог Российской Федерации доля дорог местного значения составляет более 50 %. Вместе с тем традиционно отмечаются недостатки их транспортно-эксплуатационного состояния и низкое соответствие нормативным требованиям¹. Данный сегмент дорожной сети обладает особой социальной значимостью, поскольку формирует повседневную дорожную среду, с которой ежедневно взаимодействуют миллионы граждан. В этой связи контроль за деятельностью органов МСУ в области обеспечения БДД обладает большим значением для защиты и обеспечения конституционных прав граждан на безопасность и благоприятную окружающую среду.

Государственный контроль (надзор) за реализацией органами МСУ полномочий, связанных с обеспечением БДД и соблюдением требований в области обеспечения БДД (далее – контроль за реализацией полномочий), осуществляется Госавтоинспекцией МВД России в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 384 и был закреплён в законодательстве относительно недавно. Указанное Постановление Правительства, утвердившее положение о контроле за реализацией полномочий, в 2025 г. претерпело ряд изменений и дополнений, гораздо более полно раскрывших содержание рассматриваемой деятельности. В частности, был

¹ Полянская С.В., Ульзетуева Д.Д. Анализ состояния автомобильных дорог регионального значения Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2024. № 2 (182). С. 160-178.

уточнен объект контроля, которым стала «деятельность контролируемых лиц по реализации полномочий в области обеспечения безопасности дорожного движения на производственных объектах (автомобильные дороги регионального или межмуниципального значения, местного значения, включая дороги, улицы, дорожные сооружения, в том числе элементы обустройства) и (или) территориях, на которых расположены производственные объекты»¹.

Для уточнения того, что представляет собой «деятельность по реализации полномочий» представляется необходимым проанализировать полномочия органов МСУ в области обеспечения БДД. Правоведами постоянно акцентируется внимание на данной проблематике, поскольку на данный момент органы МСУ играют ведущую роль в обеспечении БДД в рамках конкретных муниципальных образований².

Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ) определяет местное самоуправление как признаваемую и гарантируемую Конституцией Российской Федерации форму самоорганизации граждан для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения³. При этом закрепление органов МСУ в качестве элемента единой системы публичной власти, не относящихся к органам государственной власти, создает правовую основу для развития особой модели контроля, сочетающей элементы государственного надзора и общественного контроля. Данное обстоятельство требует научного осмысления и разработки адекватных правовых механизмов контроля, соответствующих новой конституционно-правовой природе местного самоуправления.

¹ Постановление Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 384 «Об утверждении Положения о государственном контроле (надзоре) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».

² См. Пивоваров А.С. Обеспечение безопасности дорожного движения как функция органов местного самоуправления: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 180 с.; Калужный Ю.Н. Содержательная характеристика основных элементов системы обеспечения безопасности дорожного движения // Право и политика. 2018. № 7. С. 36-46; Шаповалова А.М., Чемаев Н.А. Проблемы обеспечения безопасности дорожного движения на уровне местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 186-191; Гаджиев А. Ш. К вопросу о компетенции органов местного самоуправления в обеспечении безопасности дорожного движения // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 4. С. 38-42.

³ Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

В ст. 32 Закона № 33-ФЗ обеспечение БДД, дорожная деятельность и организация дорожного движения отнесены к группе полномочий, которые «могут осуществляться органами МСУ в целях обеспечения жизнедеятельности населения в соответствии с законом субъекта Российской Федерации», а при отсутствии такого закона осуществляются органами власти субъекта РФ. Однако данная статья вступает в силу лишь с 1 января 2027 г. Исходя из этого в 2026 г. должно быть проведено комплексное обновление законодательства в части установления полномочий субъектов всех уровней в области БДД, которое давно назрело.

Анализ научных исследований и нормативных правовых актов позволяет конкретизировать сущность полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения БДД. Эти полномочия носят публично-правовой характер, поскольку реализуются в интересах местного сообщества и направлены на обеспечение общественного блага – безопасности дорожного движения. Они включают осуществление мероприятий по обеспечению БДД, ежегодное утверждение перечней аварийно-опасных участков дорог, разработку первоочередных мер, направленных на устранение причин и условий совершения дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) на автомобильных дорогах местного значения.

Исходя из этого, качество реализации полномочий органов МСУ может быть определено через снижение показателей аварийности и смертности в ДТП на территории муниципального образования. С учетом того, что осуществление дорожной деятельности на дорогах местного значения также входит в полномочия органов МСУ, именно безопасность дорожной инфраструктуры должна являться основным показателем эффективности реализации их полномочий в исследуемой сфере. Это в полной мере согласуется с перечнем «производственных объектов» в определении объекта контроля¹, на которых осуществляется обеспечение БДД – дороги, улицы, дорожные сооружения и др.

Особенностью текущей муниципальной реформы применительно к исследуемой проблематике является то, что полномочия по обеспечению БДД на дорогах местного значения получают статус делегируемых органами государственной власти субъекта РФ органам местного самоуправления. Соответственно, региональные органы государственной власти смогут осуществлять дополнительный контроль за реализацией переданных полномочий.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 384 «Об утверждении Положения о государственном контроле (надзоре) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, финансовое обеспечение делегированных полномочий, согласно ч. 14 ст. 32 Закона № 33-ФЗ, будет осуществляться путем перераспределения доходов из бюджетов субъектов РФ. Передача необходимых для осуществления полномочий материальных ресурсов и финансовых средств органам МСУ является обязательной и должна быть закреплена в законе субъекта РФ о перераспределении полномочий.

Переходя к контролю Госавтоинспекции за реализацией полномочий в области БДД, следует указать, что его законодательную основу составляют положения ст. 30 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – Закон № 196-ФЗ). В ч. 13 данной статьи определено следующее: «государственный контроль (надзор) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и положением, утверждаемым Правительством Российской Федерации, а также с учетом особенностей, установленных пунктами 14 и 15 настоящей статьи»¹.

На основании данной нормы можно утверждать о выделении самостоятельного вида государственного контроля (надзора): государственный контроль (надзор) за реализацией органами исполнительной власти субъектов РФ и органами МСУ, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением БДД и соблюдением требований в области БДД. Однако часть 1 рассматриваемой статьи не включает данный вид контроля (надзора) в содержание контроля (надзора) в области БДД. В этом имеется определенное противоречие, не позволяющее четко охарактеризовать правовую природу контроля за реализацией полномочий.

Предметом данного контроля (надзора) является реализация исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами (далее – контролируемые лица) полномочий, связанных с обеспечением БДД и соблюдением требований в области обеспечения БДД, установленных законодательством РФ, актами, составляющими право Евразийского экономического союза, и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами РФ.

Изучение Постановления Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 384 показывает, что основные контрольные (надзорные) и профилактические мероприятия контроля за реализацией полномочий соответствуют

¹ Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».

положениям Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ)¹. Вместе с тем у контроля за реализацией полномочий имеется своя специфика в сравнении с федеральным государственным контролем (надзором) в области БДД, также осуществляемым МВД России.

Во-первых, двойственная природа объекта контроля, выражающаяся в том, что сотрудниками Госавтоинспекции проверяется не только соблюдение установленных требований, но и качество реализации публично-правовых полномочий органов МСУ.

Во-вторых, особый процедурный режим, характеризующийся отсутствием плановых КНМ. Основаниями для проведения внеплановых КНМ, согласно ч. 13 ст. 41 Закона № 33-ФЗ, являются «обращения граждан, юридических лиц и информация от государственных органов о фактах нарушений законодательства Российской Федерации, влекущих возникновение чрезвычайных ситуаций, угрозу жизни и здоровью граждан, а также массовые нарушения прав граждан»².

В-третьих, важную роль играют органы прокуратуры, с которыми необходимо проводить согласование любых КНМ во взаимодействии с контролируруемыми лицами.

В-четвертых, при контроле за реализацией полномочий не применяются проверочные листы, индикаторы риска обязательных требований, категории риска, для него не установлены ключевые показатели вида контроля и их целевые значения, на основании которых осуществляется оценка эффективности и результативности.

В-пятых, отсутствует программа профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям, не проводится ежегодный обзор правоприменительной практики относительно осуществленных профилактических мероприятий. На официальном сайте МВД России в разделе, посвященном контролю за реализацией полномочий, имеется лишь один подраздел: «Нормативные правовые акты, регулирующие осуществление государственного (контроля) надзора»³.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Государственный контроль (надзор) за реализацией органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения // МВД России: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/plan_checks/контрольно-надзорная-деятельность-в-бдд/гк-бдд (дата обращения: 25.09.2025).

По нашему мнению, имеется определенное противоречие в том, что в отсутствие плановых КНМ приоритет должен отдаваться профилактической работе, однако она осуществляется без системной основы и ограничивается лишь тремя видами профилактических мероприятий: информирование, консультирование контролируемого лица, объявление контролируемому лицу предостережения. Основным инструментом выявления нарушений становится наблюдение – через анализ данных из государственных информационных систем, сети «Интернет», с использованием автоматических технических средств. Как отмечает Н.И. Побежимова, цели контроля и надзора должны достигаться преимущественно при помощи менее затратных методов, которые не предполагают непосредственного взаимодействия с контролируемым лицом¹.

В рассматриваемом виде контроля (надзора) прослеживаются черты надведомственного контроля за законностью и эффективностью деятельности органов МСУ, направленного на обеспечение единства правового пространства на территории страны и соблюдения установленных норм при осуществлении переданных публичных функций в области обеспечения БДД.

При выявлении нарушений по итогам проверок сотрудники Госавтоинспекции вправе выдать предписание об устранении выявленных нарушений либо привлечь лиц, допустивших нарушение при реализации полномочий в области обеспечения БДД, к административной ответственности.

Анализ предпринимаемых мер показывает их «реактивный» характер и применение только после выявления нарушений, что ограничивает возможности профилактики нарушений и предупреждения их возникновения. Меры ответственности, предусмотренные КоАП РФ в отношении органов МСУ, несоразмерны серьезности последствий нарушений в области БДД. Ответственность за невыполнение в установленный срок предписания органов контроля (надзора) закреплена в ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ и для должностных лиц выражается в наложении административного штрафа в размере от одной до двух тыс. руб.

Также имеется специальная норма, закрепляющая санкцию за невыполнение предписания органа, осуществляющего федеральный государственный надзор в области обеспечения БДД, в виде штрафа от 30 до 50 тыс. руб. (ч. 27 ст. 19.5 КоАП РФ). Следует указать, что в ней используется устаревшее название вида надзора, поскольку последняя редакция нормы датируется 2017 г. – до проведения массового реформирования контрольно-надзорной деятельности. К тому же неопределенный статус контроля за реализацией полномочий затрудняет использование норм, применяемых к контролю (надзору) за юридическими лицами, осуществляющими дея-

¹ Побежимова Н.И., Щербаков Н.С. Государственный контроль в сфере организации и функционирования публичной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 2. С. 99-107.

тельность в области дорожного движения. Полагаем, что ч. 27 ст. 19.5 КоАП РФ следует изложить в новой редакции, заменив «федеральный государственный надзор в области обеспечения БДД» на «контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения» в соответствии с формулировкой из ст. 30 Закона № 196-ФЗ.

В 2024 г. практика реализации контроля за реализацией полномочий впервые была включена в ежегодный обзор Научного центра БДД МВД России, в котором указано на проведение 333 внеплановых проверок за указанный год. Абсолютное большинство (93,1 %, или 310) из них проведено в отношении органов местного самоуправления, из которых 249 – выездные, 61 – документарные проверки. По результатам данных проверок органам МСУ выдано 328 предписаний об устранении выявленных нарушений, из которых 83 предписания не были исполнены в установленный срок¹. Также в рамках контроля за реализацией полномочий в 2024 г. возбуждено 4 823 дела об административных правонарушениях.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что контроль за реализацией полномочий в области БДД является частью контрольно-надзорной деятельности МВД России как федерального органа исполнительной власти Российской Федерации. Несмотря на то, что, согласно ч. 2 ст. 2 Закона № 248-ФЗ, положения данного нормативного правового акта не распространяются на контроль за деятельностью органов государственной власти и МСУ при реализации ими властных полномочий, основные формы и методы контроля за реализацией полномочий в области БДД соответствуют общему законодательству о контрольно-надзорной деятельности.

Значимость контроля за реализацией полномочий заключается в создании механизма обеспечения вертикальной ответственности органов МСУ за осуществление переданных полномочий, что соответствует принципу единства публичной власти, закрепленному в ст. 132 Конституции Российской Федерации. При этом сохраняется баланс между определенной самостоятельностью МСУ и необходимостью повышения уровня БДД на территории всей страны для достижения поставленных целей по снижению аварийности и смертности в дорожном движении.

На наш взгляд, рассматриваемый вид контроля необходимо признать частью контроля (надзора) в области БДД в ст. 30 Закона № 196-ФЗ. Его неоправданное неотнесение к контролю (надзору) в области БДД затрудняет определение статуса контроля за реализацией полномочий, противоречит его сути и содержанию как контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции, являющейся основным субъектом обеспечения БДД. В качестве обоснования данного тезиса отметим следующее. В социотехниче-

¹ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев и др. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. С. 76.

ской системе дорожного движения выделяются три ключевые подсистемы, которые находятся в иерархической связи и взаимодействии: 1) непосредственно обеспечивающая удовлетворение транспортной потребности – пространственное перемещение людей и грузов; 2) подсистема подготовки и обслуживания дорожного движения, образуемая деятельностью организаций по созданию условий дорожного движения; 3) подсистема органов публичной власти, наделенных управленческими функциями по отношению к подсистемам первого и второго уровней¹.

Госавтоинспекция осуществляет полномочия по контролю и надзору на всех уровнях (подсистемах) дорожного движения: на низовом уровне действует надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства; второй уровень соответствует федеральному государственному контролю (надзору) в области БДД; и наконец, третий уровень, частью которого является деятельность органов государственной власти субъектов РФ и органов МСУ, наделенных полномочиями в области БДД, находится в сфере воздействия контроля за реализацией данными органами полномочий.

Длительное время существовала правовая неопределенность в механизме осуществления рассматриваемого вида контроля (надзора), в силу чего КНМ Госавтоинспекцией не проводились, официальная статистика не велась. Данные за 2024 г. свидетельствуют о частоте выявления нарушений и низкой исполнительской дисциплине органов МСУ (четверть всех выданных предписаний не исполнена в установленный срок), на основании чего можно сделать вывод о недостаточной эффективности предпринимаемых Госавтоинспекцией мер и отсутствии действенных механизмов обеспечения исполнения предписаний. На нарушения в области обеспечения БДД ведомство реагирует уже по факту их совершения – на это указывают основания для проведения внеплановых проверок и отсутствие плановых.

Однако следует учитывать, что любое нарушение способно привести к ДТП, в результате которых наносится вред жизни и здоровью людей, их имуществу. В этой связи считаем необходимым более активное использование профилактических инструментов в рамках контроля за реализацией полномочий, а также применение строгих мер при неисполнении предписаний, в том числе внесение предложенных изменений в ч. 27 ст. 19.5 КоАП РФ для обеспечения ее соответствия нормативным правовым актам в области БДД.

Кроме того, для оценки качества и эффективности реализации органами местного самоуправления своих полномочий необходимо установление ключевых показателей вида контроля с целевыми значениями, отражающими уровень БДД на дорогах, в отношении которых реализуются полномочия органов МСУ.

¹ Майоров В.И. Дорожное движение как сфера общественных отношений / В.И. Майоров // Теория и практика административного права и процесса: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.Д. Сорокина (Небугские чтения). отв. ред В.В. Денисенко, С.Г. Денисенко. 2016. С. 45–50.

Анисифорова Марьям Владимировна,
начальник отдела ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
доцент кафедры административного права и процесса
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
доктор юридических наук, член НАСА

ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ представляет оперативно-розыскную деятельность, прежде всего, в качестве инструмента противодействия преступности, на что указывает системное толкование норм, регулирующих цель и задачи такой деятельности, порядок использования ее результатов, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (статья 1, абзац 2 статьи 2, статьи 8, 11).

В качестве иных вопросов, не связанных с борьбой с противоправными (преступными) посягательствами и для которых могут быть использованы результаты ОРД, в этом же законе, единственно регулирующем осуществление оперативно-розыскной деятельности на территории Российской Федерации, определяются «задачи обеспечения доказывания по судебным искам в рамках гражданского процесса» (статья 8.1), а также возникающие при реализации «полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах...» (абзац 3 статьи 11). Кстати, по второму поводу в 2009 г. на официальном уровне предлагалось принять новый закон взамен Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором среди прочего уточнить отличия в содержании оперативно-розыскных мероприятий и административных процедур, осуществляемых при проведении контрольных и надзорных мероприятий².

И на этом фоне еще более показательно, что проведение оперативно-розыскной деятельности для целей защиты от административных правонарушений также, как и использование полученных в ходе ОРД результатов в производстве по делам об административных правонарушениях, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не предусматривается.

¹ Далее – «Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

² Доклад СФ ФС РФ «Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года. О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики» // СПС КонсультантПлюс.

В таких условиях не остается ничего другого, как признать, что во всех случаях применения результатов оперативно-розыскной деятельности в административно-деликтном производстве, каких сегодня исчисляется десятки и сотни, имеет место если не прямое нарушение положений законодательства об ОРД, то формирование неоднозначной практики, расходящейся с законодательно установленными порядком, основаниями и условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий.

При этом нацеленность оперативно-розыскной деятельности на противодействие преступности не может исключать содержания в ее результатах сведений, необходимых и пригодных для целей, предусмотренных законодательством об административных правонарушениях.

В современную эпоху развития института административной ответственности, для которой характерно расширение числа сфер общественных отношений, защищаемых в административно-правовом порядке, было бы контрпродуктивно сдерживать подобную юридическую практику, что, в основном, субъектами административной юрисдикции и не делается.

Следует признать, что именно она (практика), которую одни ругают, а мы – считаем коллизионной и вынужденной, является ключевым аргументом для того, чтобы поднимать и активно обсуждать данную проблематику.

Здесь также имеет существенное значение оговорка о том, что нами не предполагается (ни фактически, ни в перспективе) осуществление ОРД в целях противодействия административным правонарушениям, а ведется речь исключительно об использовании ее результатов для указанных целей. Более того, когда в ходе оперативно-розыскной деятельности обнаруживается не преступление, а иные виды правонарушений (включая административные правонарушения), в силу положений законодательства об оперативно-розыскной деятельности проведение оперативно-розыскных мероприятий должно быть прекращено. Данный вывод соответствует позициям Конституционного Суда Российской Федерации, высказанным в определениях за прошедшие десять лет (см.: определения от 21 мая 2015 г. № 1182-О, от 27 июня 2017 г. № 1419-О, от 24 октября 2019 г. № 2743-О, от 28 марта 2024 г. № 809-О, от 29 ноября 2024 г. № 2994-О).

Для наглядности, но в урезанном варианте, приведем некоторые примеры применения результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях.

Массовыми признаются случаи применения полученных в ходе осуществления ОРД результатов по делам, предусмотренным статьями 20.3, 20.3¹–20.3⁴ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹. При этом используется информация, которая может быть получена по результатам проведения различных оперативно-розыскных

¹ Далее – «КоАП РФ».

мероприятий, не обязательно связанных со снятием информации с технических каналов связи или получением компьютерной информации.

К примеру, сотрудниками территориальных органов Федеральной службы безопасности в качестве доказательств по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 20.3³, были использованы результаты оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (постановление Октябрьского районного суда г. Липецка); в другом деле – по части 1 статьи 20.3 КоАП РФ – результаты оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» (постановление Кировского районного суда г. Омска); в третьем случае – результаты оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» (постановление судьи Куйбышевского районного суда г. Омска).

Еще один показательный пример – это статья 20.29 КоАП РФ, в соответствии с которой предусматривается административная ответственность за производство и распространение экстремистских материалов. Оперативными сотрудниками были проведены сразу два оперативно-розыскных мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследования» и «Наведение справок», в результате которых была выявлена страница в сети Интернет пользователя социальной сети, на которой в разделе «аудиозаписи» был размещен аудиоматериал, тождественный по своему содержанию аудиоматериалу, признанному экстремистским и внесенному в федеральный список экстремистских материалов Минюста России (постановление Междуреченского городского суда Кемеровской области).

Во всех приведенных примерах вынесены решения о привлечении к административной ответственности (2019–2023 гг.), оставленные впоследствии без изменения вышестоящими судебными органами, которые рассматривали жалобы на принятые постановления, в том числе с аргументацией заявителей о недопустимости использования в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях результатов оперативно-розыскной деятельности.

Распространенной становится практика применения полученных в результате ОРД сведений, содержащих данные, указывающие на наличие событий административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом и потреблением наркотиков. Например, в 2024 г. сотрудниками органов внутренних дел (полиции) факт совершения административного наркоделикта, предусмотренного частью 1.1 статьи 6.13 КоАП РФ, был установлен в ходе проведенного оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение» посредством фиксации размещения лицом на своей персональной странице в телеграмм-канале сообщения, содержащего видеоролик с демонстрацией наркотиков и способов их потребления (постановление Мытищинского городского суда Московской области).

Также наработана практика применения результатов ОРД по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ. Она особо обращает на себя внимание с учетом устоявшейся позиции органов прокуратуры, подкрепленной разработкой и использованием методических рекомендаций по взаимодействию заинтересованных органов, включая органы, осуществляющие ОРД, при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных указанной статьей, и при расследовании дел, касающихся незаконного вознаграждения от имени юридического лица¹.

Таким образом, все указывает на необходимость формирования адекватного и юридически обеспеченного представления об обстоятельствах и условиях, при которых субъекты административной юрисдикции могли бы прибегнуть к применению результатов оперативно-розыскной деятельности в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

¹ Письмо Генпрокуратуры России от 16 февраля 2015 г. № 86-242-2014/Нд4167-15 «Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории» // СПС КонсультантПлюс.

Бондарь Олег Олегович,
старший преподаватель кафедры
конституционного, административного
и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат экономических наук

Макаренко Андрей Иванович,
преподаватель цикла общеправовых
и социальных дисциплин
ЦПП ГУ МВД России
по Запорожской области

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЕГО ЗАЩИТЫ В ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМАХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

На взгляд авторов научной статьи, вопрос социального обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел является одним из наиболее важных для эффективной деятельности правоохранительной системы Российского государства. Эта важность обусловлена несколькими факторами, так в соответствии с п. 1 статьи 2 Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ основным средством существования сотрудника органов внутренних дел является денежное довольствие. Также п. 4 статьи 34 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² подтверждает указанный выше факт прямым запретом на работу сотрудника по совместительству, за исключением творческой, включая научную и педагогическую деятельность.

Меры социальной поддержки сотрудника органов внутренних дел представляют собой достаточно широкий перечень предусмотренных за-

¹ Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (ч. 1).

² Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1).

коном средств защиты их прав. Данные меры регулируются положениями главы 7 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ. В то же время существуют ситуации, когда стандартных мер социального обеспечения и защиты недостаточно для обеспечения нормального процесса реализации их прав. Такие ситуации имеют обобщённое название «Специальные административно-правовые режимы». В рамках данной научной статьи под специальным административно-правовым режимом следует понимать установленный законом порядок регулирования общественных отношений, при котором на определенной территории применяются особые правила или ограничения, отличающиеся от общего правового регулирования Российской Федерации.

Примером может послужить ситуация, возникшая в связи вступлением в законную силу Указа Президента Российской Федерации от 19.10.2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей»¹. В соответствии с п. 1 данного Указа 20 октября 2022 г. введено военное положение на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

Положения данного Указа Президента имеют важное значение для настоящего исследования, так как служба сотрудника органов внутренних дел подлежит защите и социальному обеспечению, а учитывая положения статьи 35 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, в рамках которых служба в органах внутренних дел осуществляется в том числе и во время введения таких специальных административно-правовых режимов, как период военного или чрезвычайного положения, представляется возможным сделать вывод о том что защита прав сотрудника распространяется в том числе и на период действия военного положения.

В соответствии со статьей 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»² под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории РФ или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

В соответствии с данным положением 29 декабря 2022 г. был принят Указ Президента РФ № 972 «О дополнительных социальных гарантиях ли-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 43.

² Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

цам, направленным (командированным) на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области, и членам их семей»¹, в данном нормативно-правовом акте перечисляются такие меры социальной поддержки, как выплаты родственникам сотрудников органов внутренних дел в случае гибели сотрудника или выплаты сотруднику органов внутренних дел в случае его увечья. Особенностью данного указа является отступление от положений статьи 43 ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, в рамках которой указывается, что страховые гарантии, предоставляемые сотруднику полиции, указанные в части 3 настоящей статьи, наступают только в том случае, если вред причинен в связи с выполнением служебных обязанностей либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в полиции. В соответствии с пунктом 8 части 3 статьи 43 ФЗ «О полиции» указывается, что материальный ущерб, причиненный имуществу сотрудника полиции, также должен быть напрямую связан с выполнением обязанностей сотрудника полиции. При этом, согласно статье 68 Федерального закона № 342-ФЗ, сотрудник считается выполняющим служебные обязанности не только на рабочем месте, но и в случаях, когда он следует к месту службы, участвует в мероприятиях по предупреждению правонарушений или находится в иных ситуациях, интересах общества и государства.

Для получения компенсации необходимо установить причинно-следственную связь через служебную проверку, расследование или судебное решение. Если связь не доказана, право на компенсацию от МВД отсутствует — ущерб возмещается по общим правилам гражданского законодательства.

Выплаты регулируются Приказом МВД России от 05.06.2020 № 396 «Об утверждении Порядка выплаты единовременных пособий, ежемесячной денежной компенсации и суммы возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, лицам, проходившим службу в органах внутренних дел».

В тоже время, несмотря на действия государственных органов по дополнительному регулированию прав сотрудников органов внутренних дел в рамках специальных административно-правовых режимов, существуют определенные проблемы. Так, одной из наиболее часто встречающихся форм террористического акта Украинскими военными на территории Российской Федерации является атака населенных пунктов БПЛА (или: беспилотник, дрон) — расшифровывается как «беспилотный летательный ап-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 972 «О дополнительных социальных гарантиях лицам, направленным (командированным) на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области, и членам их семей» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 1 (ч. 1).

парат» — это воздушное судно, управляемое дистанционно, без присутствия человека на борту, БПЛА опасны тем, что могут быстро достичь заданной цели, произвести: съёмку местности (разведывательные) или сброс боевого заряда (ударные), что может привести к гибели или ранению людей, уничтожению материальных объектов. Что подтверждается статьей «Крупнейшие удары БПЛА по России», опубликованной 1 сентября 2025 г. на сайте газеты Коммерсант¹.

Такая атака, как правило, наносит вред не только жизни и здоровью человека, но и зачастую причиняет вред собственности граждан Российской Федерации повреждая или уничтожая их имущество. Так государство берет на себя обязанность по частичному возмещению имущественного вреда причиненного атакой БПЛА по собственности граждан в зоне проведения Специальной военной операции. Где как уже отмечалось Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» введен режим военного положения.

Примером может послужить текст статьи «Как государство компенсирует ущерб, причиненный дронами имуществу граждан» делового журнала Профиль от 10 июня 2025 г. в которой отмечается что Украинские БПЛА часто становятся причиной повреждения имущества граждан и организаций. При этом особых мер по компенсации причиненного имущественного ущерба как таковых не предусмотрено.

Военное положение на территории России было введено указом президента в 2022 году только на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. Вопрос о выплатах гражданам и юрлицам, пострадавшим от беспилотников, решается в соответствии с законами «О противодействии терроризму» и «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Там, где действует режим контртеррористической операции (КТО), вред возмещают из федерального бюджета. Если введен режим чрезвычайной ситуации (ЧС) местного масштаба — из бюджета муниципального при помощи субъекта РФ, а при ЧС регионального характера — из средств субъекта РФ. Правительство финансирует выплаты в случае ЧС федерального или межрегионального значения².

¹ Крупнейшие удары БПЛА по России // Коммерсантъ. — 2025. — 1 сент. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6932208> (дата обращения: 25.09.2025).

² Как государство компенсирует ущерб, причиненный дронами имуществу граждан // Профиль. — 2025. — 10 июня. — URL: <https://profile.ru/society/kak-gosudarstvo-kompensiruet-ushherb-prichinennyj-dronami-imushhestvu-grazhdan-1714955/> (дата обращения: 25.09.2025).

С августа прошлого года в Брянской, Курской и Белгородской областях действует режим КТО, а на территориях Курской и Белгородской областей – еще и режим ЧС федерального значения.

Конкретизация материальной помощи пострадавшим зафиксирована в постановлении Правительства РФ от 28 декабря 2019 г. № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями», в то же самое время какой-либо специальной помощи для сотрудников органов внутренних дел, лишившихся своего имущества, не существует. Таким образом, в действующем законодательстве Российской Федерации имеется правовая лакуна.

В связи со сложившейся ситуацией авторы считают необходимым внести изменения в законодательство о выплате помощи при утрате сотрудниками органов внутренних дел имущества в регионах, где введены специальные административно-правовые режимы, к которым, как мы отметили выше, относятся: военное положение, режим контртеррористической операции и режим чрезвычайной ситуации.

В связи с чем предлагается включить в часть 3 статьи 68 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, в которой определяется, что относится к понятию сотрудника, выполняющего служебные обязанности, а именно в пункт 6, следующий текст: «проходит службу в местности, где введен специальный административно-правовой режим: военного положения, контртеррористической операции или чрезвычайной ситуации».

Галустян Андраник Гайкович,
старший преподаватель кафедры
безопасности дорожного движения
Краснодарского университета МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПОДГОТОВКЕ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В соответствии с данными, представленными Научным центром безопасности дорожного движения¹ Российской Федерации в 2024 году на дорогах страны произошло 132 037 ДТП, в девяти из 10 ДТП усматривается прямая вина водителей транспортных средств².

Действенной мерой улучшения ситуации на дорогах может является повышение качества подготовки выпускников автошкол не зависимо от рейтинговой оценки учебного заведения. Для её реализации необходимо повысить уровень знаний и навыков управления транспортными средствами, необходимых для получения права управления транспортными средствами соответствующей категории. Как показывает практика, нацеленность недобросовестных автошкол исключительно на успешную сдачу экзамена по практическому вождению автомобиля приводит к «накатыванию» экзаменационных маршрутов, заучивание последовательности поворотов, разворотов и остановок, расположению светофоров и дорожных знаков, что в последующем управлении автомобилем на иных маршрутах не позволяет уберечь водителя от участия в ДТП.

В Российской Федерации кандидаты в водители транспортных средств для получения водительского удостоверения соответствующей категории должны пройти ряд этапов:

- Состояние здоровья кандидатов в водители проверяется на специализированной «водительской» комиссии соответствующими специалистами-врачами с выдачей медицинского заключения о годности к управлению транспортными средствами. Срок годности заключения – 1 год;

- Теоретическую часть кандидаты в водители изучают в учебных заведениях «автошколах», имеющих соответствующую лицензию на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального обучения водителей по различным категориям с проведением «внутренних» экзаменов;

- Подразделениями регистрационно-экзаменационной деятельности Госавтоинспекции осуществляется государственная услуга по Приёму гос-

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года, <https://media.mvd.ru/files/embed/8092246>

² Далее-ТС

ударственных экзаменов на право управления транспортом соответствующих категорий и подкатегорий;

– После достижения возраста, определенного статьей 26 ФЗ от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ и успешной сдачи экзаменов – выдачи водительского удостоверения¹.

Краснодарский университет МВД России в рамках подготовки специалистов для подразделений полиции реализует программу Профессиональной подготовки водителей транспортных средств категории «В».

Теоретическое обучение проводится в специально оборудованном учебной аудитории, оборудованной АРМ с необходимым программным обеспечением для профессиональной подготовки водителей ТС категории «В».

На рулевых тренажерах полигона Госавтоинспекции, отрабатываются первоначальные навыки вождения, правильная посадки водителя в транспортное средство и пристегивание ремнем безопасности, ознакомление с органами управления, контрольно-измерительными приборами, отработка приемов управления транспортным средством.

Обучение практическому вождению автомобиля проводится инструкторами производственного обучения вождению и практической езды на учебных автомобилях, закреплённых за кафедрой, в соответствии с графиком вождения, утверждённым начальником университета. Обучение вождению состоит из первоначального обучения и обучения практическому вождению на учебных маршрутах в условиях дорожного движения. Первоначальное обучение навыкам вождения ТС проводится на закрытой площадке.

К обучению практическому вождению в условиях дорожного движения допускаются лица, имеющие первоначальные навыки управления транспортным средством, представившие медицинскую справку установленного образца и знающие требования Правил дорожного движения. Обучение практическому вождению в условиях дорожного движения проводится на учебных маршрутах, утвержденных ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России» и согласованных с отделом Госавтоинспекции Управления МВД России по городу Краснодару.

На занятии по вождению инструктор производственного обучения должен иметь при себе документ на право обучения вождению транспортного средства данной категории, а также удостоверение на право управления транспортным средством соответствующей категории или подкатегории.

Учебные транспортные средства категории "В" представлены механическими транспортными средствами и прицепами (не менее одного), разрешенная максимальная масса которых не превышает 750 кг, зарегистрированными в Государственной инспекции безопасности дорожного

¹ Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024)

движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автомобиль, на котором производится обучение, обязательно должен быть оснащен специальным знаком «учебный автомобиль» в соответствии с ГОСТ Р 55887-2013.

Учебный автомобиль оборудуется дополнительными дублирующими педалями сцепления и тормоза (только тормоза для АКПП), зеркалом заднего вида для обучающего езде и видеорегистратором.

Закрытая площадка, используемая для обучения вождению имеет установленное по периметру ограждение, препятствующее движению по территории транспортных средств и пешеходов, за исключением транспортных средств, используемых для обучения вождению и проведения квалификационного экзамена, и лиц, непосредственно задействованных в проведении квалификационного экзамена.

Освоение образовательной программы завершается итоговой аттестацией в форме квалификационного экзамена, включающего проверку теоретических знаний и практическую езду.

Практическая квалификационная работа при проведении квалификационного экзамена состоит из двух этапов. На первом этапе проверяются первоначальные навыки управления транспортным средством категории "В" на автодроме. На втором этапе осуществляется проверка навыков управления транспортным средством категории "В" в условиях дорожного движения.

Итоговая аттестация проводится экзаменационной комиссией, состав которой определяется и утверждается начальником университета. К проведению квалификационного экзамена привлекаются представители РЭО ОГИБДД ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

Свидетельство о профессии рабочего «Водитель автомобиля» выдаётся после сдачи кандидатом квалификационного экзамена, оформленного протоколом.

Работа по подготовке водителей в университете осуществляется более 20 лет, наработан определённый опыт организации обучения, решены многие технические, материальные и правовые аспекты, однако, ряд проблемных вопросов по-прежнему остается актуальным.

Организация обязательного медицинского освидетельствования водителей (кандидатов в водители транспортных средств) проводится с целью определения наличия либо отсутствия у них медицинских противопоказаний, или медицинских ограничений к управлению ТС. В этом вопросе недоработкой является отсутствие единого информационного ресурса или базы данных, предназначенных для проверки подлинности медицинских заключений и законности выдачи. В следствие чего медицинские заключения, выданные сторонними медицинскими организациями, осуществляющими обязательное медицинское освидетельствование водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств) в соответ-

ствии с п.99. приказа МВД России от 20.02.2021 № 80 (ред. от 05.03.2024) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений»¹, должностным лицом осуществляется формирование запроса, который для подтверждения выдачи медицинского заключения направляется в данную медицинскую организацию, что затягивает возможность оказания государственной услуги. Подтверждение подлинности предоставленного кандидатом в водители медицинского заключения в короткий срок возможно лишь в случае нахождения медицинской организации в зоне обслуживания подразделения Госавтоинспекции.

Курсантам университета рекомендовано в целях не затягивания процедуры сдачи государственного экзамена на право управления ТС категории «В» обязательное медицинское освидетельствование проходить в г. Краснодаре или Динском районе (территория обслуживания МРЭО), в медицинских организациях системы здравоохранения, имеющих соответствующие лицензии.

Существует проблема раннего износа систем и механизмов транспортных средств, используемых для организации практического обучения вождению. На интенсивность износа деталей большое влияние оказывают режим управления и нагрузки, своевременное обслуживание и навыки управления. Учебный автомобильный транспорт работает в режиме переменного движения (много ускорений, замедлений и остановок), что часто связано с остановкой и маневрированием на короткие расстояния. На автодроме учебные автомобили двигаются 90 % времени на 1 передаче.

Срок полезного использования учебного автотранспорта в зависимости от его характеристик по общероссийским классификаторам основных фондов ОК 013-2014² может составлять свыше 3 и до 10 лет включительно. Полагаю, при наличии возможности, исходя из ранее озвученного, на учебные автомобили срок активной эксплуатации считать по нижней планке, после чего автомобиль исходя из его технического состояния передавать в казну либо использовать для иных нужд.

Проблемным вопросом остаётся комплектование инструкторского состава для обучения практическому вождению. Должность инструктора

¹ Приказ МВД России от 20.02.2021 N 80 (ред. от 05.03.2024) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений», https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411245/

² ОК 013-2014 (СНС 2008). «Общероссийский классификатор основных фондов» (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2018-ст) (ред. от 02.05.2024), https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184368/

по штату – старшина полиции, с окладом недостаточным по современным меркам для обеспечения семейно-бытовых потребностей взрослого семейного человека. Мы приглашаем на вакантные должности действующих сотрудников из подразделений ОВД, информируем о наличии вакансии сотрудников, прибывающих в университет на повышение квалификации. Так, переводом из подразделения ППСП прибыл 1 сотрудник, 1 сотрудник из ФСВНГ, но только через увольнение, перевод его, обучение и стажировка заняли около года. Наши предложения стабильного графика работы, без привлечения в наряды и командировки, 5-ти дневная рабочая неделя, заочное обучение в стенах университета для лиц не имеющих высшего образования с последующим переводом на офицерские должности пока не позволили создать конкурс на имеющиеся вакансии. Без достойного материального обеспечения, заполнить штат инструкторов пока не представляется возможным.

В автошколах города Краснодара обучение проводится на коммерческой основе, что позволяет в полной мере комплектовать штат инструкторов практического обучения, более качественно и своевременно отслеживать техническое состояние автотранспорта, приобретать новые автомобили за счёт оборотных средств минуя большое количество бюрократических процедур. По городу Краснодару доход инструктора производственного обучения более 100 т.р., плюс дополнительные занятия. В подразделениях МВД России таких предложений пока нет.

Но не взирая на все возникающие трудности, университет один из немногих Вузов МВД выполняет задачу по качественной подготовке водителей ТС категории «В», для обеспечения дальнейшей служебной деятельности в подразделениях ОВД России. В перспективе второго полугодия текущего года обновление учебного автотранспорта университета, укомплектование вакантных должностей инструкторского состава, в том числе за счёт сотрудников, прибывающих в университет на повышение квалификации.

Гапоненко Ольга Юрьевна,
старший преподаватель кафедры конституционного, административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России

Силантьев Владимир Михайлович,
слушатель факультета по подготовке специалистов для органов предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ИНОСТРАННЫХ ПАРТНЕРОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Российское законодательство регламентирует многообразие видов юридической ответственности для иностранных юридических лиц. Однако, введение обширных международных санкций против РФ в марте 2022 года, как отмечает, например, эксперт ЦМАКП Д. Белоусов, обусловило формирование обширной судебной практики с участием зарубежных субъектов предпринимательской деятельности¹. Масштабные санкционные ограничения, введенные весной 2022 года, спровоцировали массовые отказы иностранных контрагентов от исполнения обязательств перед российскими компаниями, что потребовало усиленной правовой защиты и восстановления нарушенных прав отечественного бизнеса.

Анализ арбитражной практики и дел о банкротстве за последние годы позволил выделить следующие ключевые тенденции:

- Применение доктрины «фактического контроля», позволяющей привлекать к ответственности российскую компанию, входящую в иностранную группу.
- Обращение взыскания на доли и акции иностранных компаний в уставном капитале российских юридических лиц при отсутствии иных активов у ответчика в РФ.
- Исключение иностранной фирмы из состава участников российского общества в целях предотвращения конфликта интересов.
- Инициирование процедур банкротства в отношении иностранных компаний в РФ.

¹ Белоусов Д.Р. Санкции и их влияние на российскую экономику // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 4. С. 3-17.

Правовая конструкция фактического представительства предполагает возложение ответственности за неисполнение обязательств на российскую организацию, являющуюся частью международной группы компаний. Указанный подход способствует разрешению затруднений, связанных с исполнением судебных актов в ситуациях, когда у ответчика отсутствуют активы на территории Российской Федерации.

В качестве иллюстрации применения данной концепции, юристы ссылаются на прецедентное право, где суды привлекали российские компании к ответственности по долгам зарубежных структур, входящих в группы «Google» (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.08.2023 по делу № А40-99493/2022)¹, NORDEA BANK ABP и ООО «Промышленная компания «Весткон» (Решение Арбитражного суда города Москвы от 27.12.2023 по делу № А40-192415/2023)², Linde (Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 20.02.2024 по делу № А56-129797/2022)³ и Siemens Aktiengesellschaft и «Сименс Мобильность» (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2023 по делу № А40-195006/2022)⁴.

В числе критериев, определяющих фактическое представительство, выделяются: унифицированный центр принятия стратегических решений, использование единого бренда и товарного знака, интегрированная корпоративная структура, регламентирование деятельности посредством политики и распоряжений головной организации, соблюдение законодательства иностранных государств по усмотрению головной компании (даже при регистрации дочерних компаний в иных юрисдикциях), публичные заявления о следовании санкционной политике группой компаний, а также фактическое соблюдение санкций российской организацией, входящей в международную группу.

Специалисты подчеркивают, что российская компания, входящая в состав международной группы, потенциально может быть привлечена к ответственности в качестве соответчика в рамках разбирательства с иностранными юридическими лицами, а также стать объектом взыскания для

¹ Арбитражный суд Московского округа (ФАС МО). Постановление от 21 августа 2023 г. по делу № А40-99493/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ogViXJn3331l> (дата обращения: 19.09.2025).

² Девятый арбитражный апелляционный суд (9 ААС). Постановление от 27 ноября 2023 г. по делу № А40-192415/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kPyU0el8A7mL/> (дата обращения: 19.09.2025).

³ Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АС Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Решение от 20 февраля 2024 г. по делу № А56-129797/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/55PKFdgm7GVl/> (дата обращения: 19.09.2025).

⁴ Арбитражный суд Московского округа (ФАС МО). Постановление от 25 августа 2023 г. по делу № А40-195006/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7JLIacALOOHj/> (дата обращения: 19.09.2025).

исполнения судебного решения. Юристы обращают внимание на то, что, несмотря на отсутствие законодательных ограничений, применение практики наложения ареста на акции должника на стадии подачи искового заявления встречается относительно редко (например, глава 8 АПК РФ)¹. Для инициирования данной процедуры необходимо предоставить убедительные доказательства отсутствия у должника иных активов, достаточных для удовлетворения требований кредитора². В противном случае суд может отклонить заявление об обеспечении иска в виде ареста акций, ссылаясь на необходимость соблюдения баланса интересов сторон и принципа соразмерности мер обеспечения заявленным требованиям (ст. 90 АПК РФ).

Развитие практики банкротства иностранных компаний отражается в следующем примере: в рамках судебного разбирательства (№ А56-129797/2022)³ российскому истцу удалось добиться успеха в споре с немецким производителем промышленных газов Linde AG. Согласно материалам дела, в 2021 году ООО «Русхимальянс» и Linde заключили соглашение о совместном строительстве газоперерабатывающего комплекса в Ленинградской области. «Русхимальянс» осуществил предоплату, однако в мае 2022 года Linde уведомила о прекращении участия в проекте, ссылаясь на санкции, введенные Европейским Союзом.

Весной 2023 года «Русхимальянс» инициировал судебный процесс, требуя от подрядчика возмещения убытков по контракту и выплаты процентов на общую сумму 972 млн евро и 7,6 млрд рублей. Истцу удалось аргументировать недостаточность активов Linde в Российской Федерации и добиться обращения взыскания на весь российский сегмент бизнеса международной группы. Арбитражный суд Санкт-Петербурга пришел к выводу о злоупотреблении Linde своей корпоративной структурой. Суд указал, что в соответствии со ст. 48 ГК РФ, злоупотребление формальной самостоятельностью юридического лица требует установления послед-

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: в ред. от 1 апреля 2025 г. № 54-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://study.garant.ru/#/document/12127526/paragraph/1308847/> (дата обращения: 19.09.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 (ред. от 19 ноября 2024 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-17112015_1/ (дата обращения: 19.09.2025).

³ Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АС Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Решение от 20 февраля 2024 г. по делу № А56-129797/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/55PKFdgm7GVI/> (дата обращения: 19.09.2025).

ствий, при которых ответственность несут все компании, входящие в группу Linde, формально владеющие и контролирующие активы в РФ¹.

Прекращение членства в коммерческой организации допускается в случае систематического уклонения иностранного участника (акционера) от участия в общих собраниях без уважительных причин, препятствующего принятию ключевых решений, либо совершения действий, идущих вразрез с интересами организации. Данные основания применяются при условии, что подобные действия нанесли существенный ущерб компании или осложнили ее деятельность.

Юридическая практика позволяет выделить следующие основания для исключения иностранного участника²:

- Неявка на собрания, обусловленная соблюдением санкционных ограничений.
- Утрата заинтересованности в продолжении участия в российском бизнесе.
- Конфликт интересов между компанией и участником, вызванный его резидентством в недружественном государстве.
- Противоречия по вопросам заключения договоров с лицами, включенными в санкционные списки.
- Отказ контрагентов от сотрудничества с компанией ввиду наличия иностранного участника.
- Совершение сделок по инициативе иностранного участника, направленных на фактическое прекращение деятельности компании, включая наращивание долговых обязательств и отчуждение активов.

Недобросовестные должники ранее использовали структуры с участием иностранных юридических лиц для защиты активов, расположенных на территории Российской Федерации, от обращения взыскания. Однако, начиная с 2022 года, наблюдается тенденция к развитию института трансграничного банкротства, предусматривающего возможность инициирования процедур несостоятельности в отношении зарубежного бизнеса на территории России.

¹ Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АС Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Решение от 20 февраля 2024 г. по делу № А56-129797/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/court/55PKFdgm7GVl/> (дата обращения: 19.09.2025).

² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 6 декабря 2023 г. по делу № А40-69912/2023 ; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24 августа 2023 г. по делу № А40-153744/2023 ; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 марта 2023 г. по делу № А40-77843/2022 ; Решение Арбитражного суда Белгородской области от 28 декабря 2023 г. по делу № А08-3688/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).

Одним из первых примеров является дело о банкротстве № А76-31539/2021¹, касающееся Pandora consulting, где суд применил концепцию банкротства имущественной массы, а не непосредственно юридического лица. Впоследствии, российские кредиторы успешно использовали данный подход в делах о несостоятельности Credit Suisse (№ А40-166286/2023), Delvenisto Investments (№ А40-5658/2023), Retail Chain Properties (№ А40-112325/2023) и Garant Bauinvestition GmbH (№ А40-9555/2023)².

Во всех указанных случаях судебные инстанции учитывали наличие тесной связи должника с Российской Федерацией в качестве определяющего критерия. В январе 2024 года Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) подтвердил допустимость применения процедур банкротства в отношении иностранных компаний, установив перечень условий для введения таких процедур. Подробный анализ данных условий представлен на электронном ресурсе Право.ru: «ВС одобрил банкротство кипрской фирмы в российском суде»³.

В заключение представляется возможным сформулировать следующий вывод. Наличие активов иностранного должника на территории Российской Федерации в совокупности с фактом неисполнения обязательств перед российскими контрагентами может рассматриваться судами как показатель недобросовестного использования корпоративной структуры. В подобных ситуациях российские компании, понёсшие убытки вследствие неисполнения обязательств иностранными контрагентами, в том числе в условиях санкционных ограничений, располагают широким арсеналом правовых средств для защиты своих интересов. Применяемые на практике механизмы — от мер обеспечительного характера и оспаривания сделок до предъявления требований в рамках процедур несостоятельности — позволяют кредиторам добиваться реального восстановления нарушенных прав. При этом можно прогнозировать дальнейшее расширение перечня доступных инструментов.

¹ Арбитражный суд Челябинской области. Решение от 22 апреля 2022 г. по делу № А76-31539/2021 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Cw64mO0tBzVO> (дата обращения: 19.09.2025).

² Постановление от 26 октября 2023 г. по делу № А40-166286/2023 ; Решение от 24 апреля 2023 г. по делу № А40-5658/2023; Решение от 9 июня 2023 г. по делу № А40-9555/2023 ; Решение от 4 октября 2023 г. по делу № А40-112325/2023 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).

³ Новости сайта Pravo.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.ru/news/251203/> ; Постановление от 4 мая 2023 г. по делу № А40-248405/2022 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/L1PQ0zU6wDoW> (дата обращения: 19.09.2025).

Сложившиеся за последние несколько лет механизмы уже приобрели устойчивое практическое значение, а судебная практика в данной сфере демонстрирует поступательное развитие. В настоящее время в арбитражных судах рассматривается значительное количество споров с участием иностранных компаний, что указывает на высокую вероятность формирования новых правоприменительных подходов в целях защиты интересов российского бизнеса.

Голубихина Наталья Валерьяновна,
заместитель начальника кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Взаимодействие полиции и органов публичной власти в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних представляет собой один из ключевых аспектов современной системы обеспечения прав и законных интересов детей и подростков. В условиях роста социальной нестабильности, цифровизации повседневной жизни и трансформации семейных ценностей подростковая среда все чаще становится полем для проявления девиантного поведения, в том числе в форме административных правонарушений – таких как мелкое хулиганство (статья 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее – КоАП РФ), распитие алкогольной продукции в общественных местах (ст. 20.20 КоАП РФ), нарушение законодательства о тишине и покое (регулируется региональными законами), порча имущества (ст. 7.17 КоАП РФ), а также нарушение местных норм о комендантском часе, предусмотренных законами некоторых субъектов РФ. При этом эффективное противодействие подобным явлениям невозможно без слаженной координации усилий правоохранительных структур и органов публичной власти на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном.

Правовую основу указанного взаимодействия составляет целый комплекс нормативно-правовых актов, среди которых особое значение имеют Конституция Российской Федерации, закрепляющая приоритет защиты семьи, материнства, отцовства и детства (статьи 38, 39, 43)¹; Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон № 120-ФЗ), задающий правовые и организационные рамки профилактической деятельности²; Кодекс Российской Федерации об административных

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 1993. № 32. Ст. 5610.

² Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ¹; Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»²; а также Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³. Согласно статье 1 Закона № 120-ФЗ, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на принципах приоритета семейного воспитания, индивидуального подхода, конфиденциальности и межведомственного взаимодействия. Статья 5 данного закона прямо определяет органы внутренних дел как неотъемлемую часть системы профилактики, наряду с органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), учреждениями образования, здравоохранения и социальной защиты.

В этой системе полиция выполняет не только контрольно-исполнительную, но и профилактическую, координационную и информационную роль. Согласно пункту 25 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции», органы внутренних дел участвуют в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выявляют несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, и направляют соответствующую информацию в КДНиЗП и органы опеки. Важно отметить, что согласно статье 2.3 КоАП РФ, административной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения правонарушения возраста шестнадцати лет. Однако это не означает, что младшие подростки не подлежат профилактическому воздействию: в отношении них применяются меры, предусмотренные Законом № 120-ФЗ и иными нормативными актами, включая постановку на профилактический учет и разработку индивидуальных планов реабилитации.

Особую значимость в профилактической деятельности имеют участковые уполномоченные полиции и инспекторы по делам несовершеннолетних (ИНН). Именно они осуществляют постоянный контакт с подростками, школами, семьями и представителями других ведомств. Согласно приказу МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»⁴, участковые обязаны выявлять несовершеннолетних, склонных к правонарушениям, и принимать меры по

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7587.

⁴ Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72188134/?ysclid=mjk059yny138756692>.

их профилактике. Аналогичные функции закреплены за ИНН ведомственными инструкциями и методическими рекомендациями МВД России. Помимо реагирования на уже совершенные правонарушения, полиция участвует в просветительских инициативах – проводит беседы в образовательных учреждениях, организует профилактические акции (например, операции «Подросток», «Безопасные каникулы»), принимает участие в межведомственных рейдах, направленных на выявление факторов риска в подростковой среде. Так, согласно данным МВД России за 2024 год, в рамках профилактических мероприятий ежегодно охватывается свыше 2 млн несовершеннолетних, находящихся в группе риска (МВД России, 2025).

Одновременно органы публичной власти обеспечивают необходимую инфраструктурную, организационную и финансовую поддержку профилактической деятельности. На федеральном уровне профильные министерства – внутренних дел, просвещения, труда и социальной защиты – разрабатывают общие стратегии, концепции и методические рекомендации, направленные на снижение уровня правонарушений среди несовершеннолетних. Примером может служить Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358, которая ставит задачу формирования безопасной и благоприятной среды для развития личности ребенка, включая профилактику девиантного поведения¹.

На региональном уровне субъекты Российской Федерации утверждают собственные программы профилактики, регулируют вопросы, связанные с ограничением пребывания несовершеннолетних в ночное время в общественных местах, финансируют социальные проекты и координируют работу межведомственных советов. В ряде регионов успешно функционируют региональные центры профилактики правонарушений, объединяющие усилия всех профильных ведомств.

Наиболее активную роль в повседневной профилактике играют органы местного самоуправления, в частности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, создаваемые в соответствии со статьей 6 Закона № 120-ФЗ. Эти комиссии наделены полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, предусмотренными статьями 20.1, 20.20, 20.21 КоАП РФ, и принятию в отношении них индивидуальных мер – от предупреждений до направления в специализированные учреждения (ст. 5.35 КоАП РФ). Кроме того, муниципалитеты отвечают за содержание досуговых центров, организацию занятости подростков в каникулярный период, контроль за соблюдением законодательства торговыми точками и другими объектами, потенциально опасными для несовершеннолетних.

¹ Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 “О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49230>.

Эффективность взаимодействия полиции и органов публичной власти во многом определяется используемыми формами и механизмами сотрудничества. На практике это проявляется в обмене информацией о семьях и подростках, находящихся в группе риска; проведении совместных рейдов и профилактических операций; создании постоянно действующих межведомственных комиссий, где вырабатываются согласованные решения по конкретным случаям; разработке индивидуальных планов профилактической работы с каждым несовершеннолетним, совершившим правонарушение. В последние годы все большее распространение получает цифровизация взаимодействия: в ряде регионов внедряются единые информационные платформы, позволяющие оперативно обмениваться данными между ведомствами и своевременно реагировать на угрозы.

Несмотря на наличие развитой нормативной базы и наработанных практик, реальное взаимодействие сталкивается с рядом серьезных проблем. Одной из ключевых является фрагментарность системы: отсутствие единого координирующего центра на местах часто приводит к дублированию функций, размыванию ответственности и снижению общей эффективности. Другой проблемой выступает недостаточное финансирование, особенно в малых и сельских муниципалитетах, где отсутствуют ресурсы для создания полноценной профилактической инфраструктуры. Нередко наблюдается и низкий уровень правовой грамотности самих подростков и их семей, которые не воспринимают административные проступки как значимые правонарушения, что снижает воспитательный эффект профилактических мер.

Кроме того, в системе ощущается острая нехватка квалифицированных специалистов – социальных педагогов, психологов, инспекторов по делам несовершеннолетних, что ограничивает возможности для индивидуального подхода. «По состоянию на конец 2022 года в 38% муниципальных образований Российской Федерации отсутствовали штатные должности инспекторов по делам несовершеннолетних (ИНН), а в 52% муниципалитетов наблюдался дефицит педагогов-психологов в общеобразовательных организациях»¹. Наконец, мотивация органов местного самоуправления к активной профилактической деятельности зачастую остается низкой из-за отсутствия четких критериев оценки эффективности и механизма ответственности за результаты работы.

В этих условиях особенно важными становятся перспективы совершенствования взаимодействия. Прежде всего, необходимо укрепить правовой и организационный статус комиссий по делам несовершеннолетних, обеспечив их необходимыми полномочиями, кадрами и ресурсами. В этой

¹ Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка. Ежегодный доклад за 2022 год / Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребёнка. М., 2023. С. 46. URL: https://rbdeti.ru/upload/iblock/7d6/Ezhegodnyy_doklad_2022.pdf.

связи актуальна инициатива Минпросвещения России и МВД России по введению единых стандартов деятельности КДНиЗП на всей территории страны. Перспективным направлением является развитие цифровых инструментов межведомственного взаимодействия на базе Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО), что позволит повысить скорость и точность обмена данными.

Не менее важно расширять практику социального патронажа и наставничества, привлекая к работе с подростками не только специалистов, но и волонтеров, представителей общественных организаций, педагогов и даже сотрудников полиции в роли наставников. В этом контексте значим опыт таких проектов, как «Полицейский наставник», который реализуется в Республике Татарстан с 2021 года и направлен на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних через индивидуальное сопровождение подростков, состоящих на профилактическом учете, сотрудниками полиции¹ и проект «Школа безопасного поведения», который с 2022 года реализуется Комитетом по образованию Санкт-Петербурга и включает просветительские модули для школьников, родителей и педагогов по вопросам кибербезопасности, противодействия буллингу, ПАВ, грумингу и другим рискам².

Следует также уделять больше внимания повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов в области возрастной психологии, педагогики и социальной работы, что позволит им более эффективно выстраивать коммуникацию с подростками и их семьями. Учебные центры МВД России уже включают соответствующие модули в программы подготовки ИНН и участковых, однако масштабирование этих практик на всю страну остается задачей будущего.

Важнейшей задачей будущего становится профилактика правонарушений в цифровой среде с учетом того, что все большее число административных деяний совершается через интернет: от распространения запрещенной информации (ст. 13.15 КоАП РФ), до мошеннических действий, кибербуллинга и участия в деструктивных онлайн-сообществах. В ответ на эти вызовы Минцифры России совместно с МВД и Минпросвещения разрабатывают цифровые образовательные модули по кибербезопасности и цифровой грамотности, которые с 2025 года будут внедряться в школьные программы.

Таким образом, взаимодействие полиции и органов публичной власти в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних – это многоуровневый, динамичный и социально значимый процесс, требующий постоянного совершенствования. Его успех за-

¹ Министерство внутренних дел по Республике Татарстан. Проект «Полицейский наставник» [Электронный ресурс] // Сайт МВД по РТ. URL: <https://21.mvd.pf/news/item/1693770/>.

висит не столько от формальных полномочий отдельных структур, сколько от реальной готовности всех участников к совместной, согласованной и ориентированной на личность подростка работе. Только системный, межведомственный и гуманистически нацеленный подход может обеспечить устойчивое снижение уровня правонарушений среди несовершеннолетних и создать условия для их полноценного развития как гражданского и правосознательного поколения.

Гонежук Бамбет Мугдинович,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

В настоящее время остается актуальным вопрос регулирования деятельности органов внутренних дел в сфере проведения массовых мероприятий. Необходимо отметить, что правовое регулирование в данной сфере отстает от потребностей практики. Уже несколько лет в Российской Федерации сняты все ограничения на проведение массовых мероприятий после пандемии, поэтому снова, как никогда, становятся актуальными и остро стоящими вопросы общественной безопасности на фоне геополитического положения, в котором находится страна.

Взять в качестве примера террористический акт, который произошел 22 марта 2024 года в деловом центре «Крокус-Сити» в подмосковном городе Красногорск, при проведении масштабного культурно-зрелищного мероприятия – концерта. Этот террористический акт наглядно продемонстрировал «антитеррористическую уязвимость» публичных, спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий, в связи с чем крайне актуален вопрос изменения подходов к организации охраны общественного порядка при проведении подобных мероприятий.

После завершения пандемии и связанных с ней ограничений, а также после начала проведения специальной военной операции в научной литературе наблюдается увеличение количества научных работ, посвященных вопросам обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий.

Так, А.Г. Бачурин пишет об административно-правовом режиме обеспечения правопорядка при массовых мероприятиях. По мнению автора, обеспечение общественного порядка при проведении массовых мероприятий является сложным и тяжелым механизмом, который включает в себя мероприятия различного уровня, включая административно-правовые¹. Административно-правовой режим обеспечения общественного

¹ Бачурин А.Г. Административно-правовой режим обеспечения правопорядка на массовых и публичных мероприятиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. №1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoy-rezhim-obespecheniya-pravoporyadka-na-massovyh-i-publichnyh-meropriyatiyah> (дата обращения: 21.02.2025).

порядка при проведении массовых мероприятий представляет собой совокупность административно-правовых средств, применяемых для воздействия на общественные отношения в конкретных ситуациях (в нашем случае – в ситуации проведения массового мероприятия).

Ю.Е. Аврутин¹ под административно-правовым режимом понимает специфический порядок деятельности субъектов права, который направлен на поддержание общественного порядка и общественной безопасности. При этом стоит отметить, что административно-правовой режим охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий предполагает определённые правила поведения, как для субъектов наделённых властными полномочиями, так и нет.

Анализируя научную и учебную литературу, а также нормы действующего законодательства, можно прийти к выводу, что среди современных авторов и исследователей отсутствует единство мнения о понятии административно-правового режима обеспечения правопорядка при проведении массовых мероприятий. Одна часть авторов раскрывает данное определение через «призму» целей и задач по охране правопорядка, иные авторы толкуют данное понятие через его юридическую природу. Во многом такие дискуссии ведутся из-за недостатков действующего нормативно-правового регулирования, так как обозначенный понятийный аппарат не получил своего законодательного закрепления в нормах права.

Можно выделить следующие структурные элементы административно-правового режима обеспечения правопорядка при проведении массовых мероприятий:

- носитель режима;
- административно-правовые средства;
- режимные правила;
- правовые статусы объектов режимного регулирования;
- система организационно-юридических гарантий.

Условно всех субъектов административно-правового режима можно подразделить на три группы:

Первоначальными субъектами выступают лица, непосредственно участвующие в организации массовых мероприятий, которые также участвуют в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, в особенности сказанное касается организаторов массового мероприятия.

Далее – субъекты обеспечения правоохраны в рамках режима (в первую очередь, нагрузка по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий ложится на органы внутренних дел).

¹ Аврутин, Ю. Е. Административно-правовой режим обеспечения общественного порядка как доктринальная категория и категория действующего права // Административное право: развитие теоретических основ и модернизация законодательства : сб. науч. ст. – Сер. «Юбилей, конференции, форумы». – Воронеж, 2013. – С. 227–235.

И наконец, государственные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, которые задействованы в процесс организации и проведения массового мероприятия. Такие субъекты при проведении и подготовки массового мероприятия осуществляют постоянное взаимодействие с органами внутренних дел, что не ограничивается лишь информационным обменом.

Основную функцию по непосредственной охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности выполняют органы внутренних дел, потому в рамках взаимодействия указанных органов с иными органами государственной власти, а также органами местного самоуправления на полицию возлагается решение вопроса о реализации политических прав граждан, в частности обеспечение реализации права на мирное проведение митингов, демонстраций, шествий и пикетирования.

Резюмируя вышесказанное необходимо отметить, что функции по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности возлагаются на органы государственной власти в лице органов внутренних дел. Немаловажную роль в обеспечении соблюдения установленного порядка отводится также органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления. Поскольку общественный порядок и общественная безопасность составляют пласт национальной безопасности, то полиция, в рамках своей компетенции, обязана предпринять любые средства для её обеспечения. Учитывая современные реалии общественно-политической жизни России, основываясь на практике организации и проведения предшествующих мероприятий, а также анализе зарубежного опыта, можно сделать вывод о том, что действующая система законодательства в области регулирования проведения публичных, спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий требует серьёзных доработок. В частности, на мой взгляд, необходимо совершенствовать меры административной ответственности за нарушения порядка организации и проведения массовых мероприятий путем ужесточения санкций. Поскольку массовые мероприятия обладают своими специфическими особенностями, в частности большим количеством участвующих субъектов, масштабом проведения, то ответственность за нарушение порядка проведения различного рода массовых мероприятий должна лишь ужесточаться. В данном случае будет действовать принцип уменьшения количества нарушений установленных требований за счёт увеличения ответственности за совершение противоправного деяния.

Денисенко Снежана Геннадьевна,
доцент кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ИНСТИТУТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Современный этап развития российской правовой системы характеризуется глубокой трансформацией административно-процессуального права под влиянием цифровых технологий, изменений в государственном управлении и новых вызовов обеспечения баланса между эффективностью публичной власти и защитой прав граждан. Традиционные институты административного процесса, сформированные в условиях бумажного документооборота и личного присутствия участников, постепенно уступают место новым правовым конструкциям, отвечающим требованиям цифровой экономики и постиндустриального общества.

В этой связи актуальным представляется комплексный анализ институтов административно-процессуального права нового поколения, их структурных особенностей, правовых оснований и перспектив развития в контексте цифровой трансформации государственного управления.

Под институтами административно-процессуального права нового поколения следует понимать совокупность правовых норм, регулирующих организацию и осуществление административного производства с использованием цифровых технологий, упрощенных процедур и альтернативных механизмов разрешения административных споров, обеспечивающих повышение эффективности публичного управления при одновременном усилении гарантий прав участников процесса.

Ключевыми признаками таких институтов выступают:

технологическая нейтральность норм, допускающая как традиционные, так и электронные формы взаимодействия;

процессуальная экономия за счет сокращения сроков, упрощения процедур и минимизации издержек участников;

ориентация на проактивное предотвращение правонарушений вместо исключительно репрессивного воздействия;

обеспечение прозрачности административных решений через цифровые реестры и публичные информационные системы;

персонализация административного воздействия с учетом степени риска и добросовестности участника оборота.

Данные институты формируются не только в рамках кодифицированного законодательства (Кодекса Российской Федерации РФ (КоАП РФ), Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ)),

но и через подзаконные акты, административные регламенты и корпоративные стандарты цифровых платформ государственного управления.

Цифровая трансформация производства по делам об административных правонарушениях прошла несколько этапов развития. Первоначально речь шла лишь об электронной подаче жалоб и ходатайств через портал госуслуг. Современный этап характеризуется комплексной интеграцией цифровых технологий на всех стадиях административного производства.

С 1 июля 2025 года вступили в силу изменения в КоАП РФ, предоставляющие участникам дел об административных правонарушениях право направлять государственным органам и должностным лицам любые процессуальные документы в электронном виде, включая доказательства, ходатайства и возражения. Одновременно судебные и надзорные органы получают возможность формировать процессуальную документацию как в бумажном, так и в электронном виде, что создает предпосылки для перехода к полностью безбумажному административному производству.

Особое значение приобретает расширение возможностей удаленного участия в производстве по делам об административных правонарушениях. Действующая редакция КоАП РФ предусматривает проведение отдельных процессуальных действий (в том числе рассмотрения дела) в формате видеоконференцсвязи без обязательного личного присутствия участника, что особенно актуально для лиц, проживающих в отдаленных регионах или имеющих ограниченные возможности передвижения.

Перспективным направлением развития выступает внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в производство по делам об административных правонарушениях. В ряде субъектов РФ уже тестируются системы автоматической классификации административных правонарушений, прогнозирования рецидивов и формирования рекомендаций по выбору меры административного наказания с учетом индивидуальных обстоятельств дела. Однако применение ИИ в административном процессе требует решения сложных правовых вопросов: обеспечения объяснимости алгоритмических решений, предотвращения дискриминации при обработке данных, установления ответственности за ошибки, допущенные искусственным интеллектом.

Не менее важным становится использование распределенных реестров (блокчейн-технологий) для фиксации ключевых процессуальных действий: составления протокола об административном правонарушении, направления копий участникам производства, принятия постановления. Такой подход позволяет создать неизменяемую цепочку доказательств, исключающую манипуляции с документами на любом этапе производства.

Министерство экономического развития РФ разработало концепцию полного перевода административного производства по делам о нарушениях в электронный вид, предусматривающую создание единой цифровой платформы, интегрирующей все этапы административного цикла – от вы-

явления нарушения до исполнения постановления¹. С 2026 года федеральные надзорные органы будут обязаны проводить все административные производства через унифицированную цифровую систему, что обеспечит стандартизацию процедур и прозрачность контрольной деятельности.

Упрощенные административные процедуры представляют собой один из ключевых институтов нового поколения, направленных на снижение административной нагрузки на бизнес и граждан при сохранении эффективности государственного контроля. В основе данного института лежит принцип пропорциональности административного воздействия: чем ниже уровень риска, связанный с деятельностью субъекта, тем проще процедуры контроля и производства по делу.

Административные регламенты, утвержденные федеральными органами исполнительной власти, все чаще предусматривают применение упрощенных административных процедур для добросовестных участников оборота. Упрощенные процедуры применяются в сфере лицензирования, государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, где для субъектов с безупречной историей соблюдения законодательства сокращаются сроки рассмотрения заявлений и уменьшается объем запрашиваемых документов.

Важным элементом упрощенного производства выступает институт административного соглашения – договоренности между контролирующим органом и лицом, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, о добровольном устранении выявленных нарушений без применения формального наказания. Данный институт получил развитие в рамках так называемой «регуляторной песочницы» – экспериментальных правовых режимов, позволяющих тестировать новые подходы к государственному регулированию в отдельных отраслях экономики. Административное соглашение особенно эффективно в случаях, когда основная цель контроля – не наказание, а устранение нарушения и предотвращение его повторения.

Следует отметить, что упрощение процедур для заявителей должно сопровождаться усложнением административных регламентов для исполнителей (должностных лиц контролирующих органов), что обеспечивает баланс между снижением бюрократической нагрузки и предотвращением злоупотреблений со стороны чиновников. В цифровой среде это достигается за счет автоматизации контроля за соблюдением регламентных сроков, фиксации всех действий должностных лиц в электронных журналах и применения алгоритмов выявления аномалий в поведении контролеров.

Досудебное урегулирование административных споров также следует рассматривать как институт нового поколения. Традиционно админи-

¹ Минэкономразвития представило проект перехода административного производства в электронный формат // <https://ru-bezh.ru/gossektor/news/26/01/16/minekonomrazvitiya-predstavilo-proekt-perehoda-administrativnogo>.

стративные споры разрешались исключительно в судебном порядке через подачу жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. Современное развитие административно-процессуального права свидетельствует о формировании самостоятельного института досудебного урегулирования административных споров, включающего несколько взаимодействующих механизмов.

Претензионный порядок, ранее характерный преимущественно для гражданско-правовых отношений, постепенно внедряется в сферу административного производства. Так, при обжаловании решений контролирующих органов в досудебном порядке заявителю предоставляется возможность направить мотивированную претензию вышестоящему должностному лицу или руководителю органа с требованием пересмотреть принятое решение. Срок рассмотрения претензии, как правило, не превышает 15 дней, что значительно быстрее судебного обжалования.

Медиация в административных спорах представляет собой наиболее перспективный, но пока недостаточно развитый механизм. В отличие от гражданских споров, где медиация получила широкое распространение, в административной сфере ее применение ограничено рядом факторов: публично-правовым характером отношений, отсутствием диспозитивности в применении мер административной ответственности, необходимостью соблюдения принципа законности. Тем не менее в отдельных категориях дел (например, споры о применении предупредительных мер вместо административных штрафов, вопросы классификации административных правонарушений) медиация может стать эффективным инструментом достижения компромисса между контролирующим органом и лицом, привлеченным к административной ответственности.

Особое место в системе досудебного урегулирования занимает институт урегулирования споров с использованием цифровых платформ. На портале госуслуг функционирует сервис «Обжалование решений», позволяющий подать жалобу в электронном виде с автоматическим распределением по компетентному органу и отслеживанием статуса рассмотрения в режиме реального времени. По некоторым оценкам, более 60% жалоб, поданных через цифровые сервисы, рассматриваются в досудебном порядке с удовлетворением требований заявителя, что свидетельствует о высокой эффективности данного механизма.

Важнейшим вопросом является обеспечение гарантий прав участников административного процесса в условиях цифровой трансформации. Цифровизация административного производства создает как новые возможности для защиты прав граждан, так и специфические риски, требующие правового регулирования.

Основополагающими гарантиями прав участников в цифровой среде выступают:

право на отказ от электронного формата производства с сохранением возможности личного участия в процессе. Несмотря на активное внедрение цифровых технологий, законодательство сохраняет принцип добровольности использования электронных сервисов: участник производства вправе требовать рассмотрения дела в традиционном формате с личным присутствием;

обеспечение конфиденциальности персональных данных при обработке в информационных системах административного производства;

право на получение информации о применении алгоритмов искусственного интеллекта при принятии административных решений и возможность оспаривания таких решений на основании их необъяснимости или дискриминационного характера;

обеспечение доступности цифровых сервисов для лиц с ограниченными возможностями здоровья через адаптацию интерфейсов, предоставление альтернативных каналов связи (телефонные горячие линии, специализированные центры поддержки).

Особое внимание требует проблема цифрового неравенства – различий в уровне цифровой грамотности и доступа к технологиям между различными категориями граждан. Для преодоления данного барьера в субъектах РФ создаются центры цифровой поддержки населения, где граждане могут получить помощь в использовании электронных сервисов административного производства без потери процессуальных прав.

Перспективы развития институтов административно-процессуального права нового поколения в Российской Федерации связаны с несколькими направлениями:

Создание единой федеральной информационной системы административного производства, интегрирующей данные всех контролирующих органов, судов и органов исполнения постановлений. Такая система позволит отслеживать жизненный цикл административного дела от выявления нарушения до погашения судимости (в случае применения административного наказания, влекущего правовые последствия).

Развитие института административной амнистии и упрощенного прекращения производства по делам о малозначительных правонарушениях с применением цифровых критериев оценки (например, автоматическое прекращение производства при отсутствии рецидивов в течение 3 лет и уплате штрафа в добровольном порядке до вынесения постановления).

Внедрение технологии распределенных реестров для обеспечения неизменяемости процессуальных документов и создания «цифрового следа» всех действий должностных лиц в ходе производства.

Формирование правовой основы применения искусственного интеллекта в административном производстве, включая требования к прозрачности алгоритмов, запрет дискриминации, распределение ответственности

между разработчиком системы и должностным лицом, принявшим решение на основе рекомендации ИИ.

Расширение практики регуляторных песочниц для тестирования новых административных процедур в отдельных отраслях экономики с последующим закреплением успешных моделей в законодательстве.

Подводя итоги рассмотрения заявленной темы отметим, что институты административно-процессуального права нового поколения формируются в условиях глубокой цифровой трансформации государственного управления и отражают переход от репрессивной модели административной ответственности к проактивной системе предотвращения правонарушений и упрощенного урегулирования споров. Ключевыми элементами данных институтов выступают цифровизация всех этапов административного производства, упрощенные процедуры для добросовестных участников оборота, механизмы досудебного урегулирования споров и усиленные гарантии прав граждан в цифровой среде.

Принятие новой редакции КоАП РФ с 1 июля 2025 года, предусматривающей расширение возможностей электронного взаимодействия и удаленного участия в производстве, знаменует переход к качественно новому этапу развития административно-процессуального права.

Однако успешная реализация институтов нового поколения требует решения ряда системных задач: преодоления цифрового неравенства, обеспечения кибербезопасности информационных систем, формирования этических стандартов применения искусственного интеллекта в публичном управлении.

Перспективы развития административно-процессуального права связаны с дальнейшей интеграцией цифровых технологий, созданием единой федеральной платформы административного производства и гармонизацией национальных подходов с международными стандартами цифрового правосудия. При этом фундаментальные принципы административного процесса – законность, объективность, равенство сторон, гласность – должны сохраняться как неизменная основа даже в условиях радикальной технологической трансформации.

Журавлев Владимир Вячеславович,
начальник кафедры административного права
и административной деятельности
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СМЯГЧАЮЩИЕ И ОТЯГЧАЮЩИЕ ДИСЦИПЛИНАРНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В основе производства по делам о дисциплинарных проступках, совершенных сотрудником органов внутренних дел, лежит система принципов, то есть взглядов и идей, выступающих его первоисточником. Как отмечалось автором в ранее проведенных исследования «принципы дисциплинарно-юрисдикционной деятельности объединяют правовые предписания, предопределяющие порядок возбуждения, расследования, рассмотрения дисциплинарного дела, приведения в исполнение принятого по нему решения. Они отражают содержание, порядок и процессуальные особенности правоприменения при совершении сотрудником органов внутренних дел действий (бездействия), нарушающих служебную дисциплину и законность»¹. К числу базовых, общепризнаваемых принципов производства по делам о дисциплинарных проступках следует отнести равенство перед законом, гласность (публичность), объективность и всесторонность, справедливость, гуманизм и др.

Следует признать, что сам факт нормативного закрепления системообразующих правовых предписаний не всегда означает возможность их практической реализации, затрудняемой существующими пробелами и неопределенностями. Не вызывает сомнений, что объективность и всесторонность расследования любого правонарушения предполагает установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, которые находятся в прямой причинно-следственной связи с решением задачи определения справедливой меры наказания. Заслуживающими внимания представляются суждения М.Ф. Мингалимовой, которая, исследуя сущность назначения наказания, пришла к выводу о том, что обстоятельства, смягчающие ответственность, выступают средством ее индивидуализации и имеют своей целью конкретизацию степени общественной опасности де-

¹ Журавлев В.В. Принципы дисциплинарного производства в органах внутренних дел Российской Федерации: организационно-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 91-96.

яния и определение значения личности виновного в его совершении¹. В свою очередь, В.Б. Мишкин отмечает, что обстоятельствами, смягчающими ответственность, выступают конкретизированные законодательные обстоятельства, наступление которых влечет необходимость обязательного смягчения наказания относительно наказания, установленного санкцией соответствующих статей². Обратной стороной нарушения служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел, влекущей назначение более сурового наказания, выступают обстоятельства, отягчающие ответственностью. Как указывает С.П. Пилипенко они «образуют одно из необходимых условий справедливости моделируемой санкции как в количественном, так и в качественном аспекте ее содержания»³, выступают одним из критериев, подчеркивающим обоснованность меры юридической ответственности, примененной к государственному служащему. Отмеченное позволяет констатировать не только теоретическую важность, но и практическую значимость рассматриваемого субъинститута для реализации принципов производства по делам о дисциплинарных проступках, которая осложняется отсутствием какой-либо нормативной конкретизации обстоятельства, смягчающих и отягчающих дисциплинарную ответственность.

Приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161⁴ прямо закрепляет обязанность должностных лиц, проводящих служебную проверку, устанавливать и конкретизировать в заключении обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность сотрудника. Одновременно с этим ни исчерпывающего ни даже примерного их перечня указанный приказ не содержит, что, по нашему мнению, является обстоятельством в значительной степени затрудняющим реализацию принципа объективности и всесторонности производства по делам о дисциплинарных проступках в органах внутренних дел. Отмеченное порождает правовую неопределенность, выступает фактором риска для беспристрастного рассмотрения дисциплинарного дела и назначения справедливого наказания за допущенное нарушение служебной дисциплины (законности).

В целях устранения существующего нормативного пробела предлагается классификация обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность сотрудника органов внутренних дел.

¹ Мингалимова М.Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : Москва, 2019. – С.9.

² Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : Омск, 2013. – С.8.

³ Пилипенко С.П. Институт обстоятельств, отягчающих наказание, в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : Нижний Новгород, 2007. – С.9.

⁴ Приказ МВД РФ от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. – 14.06.2013. – № 127.

Обстоятельствами, смягчающими ответственность сотрудника органов внутренних дел, являются:

- 1) деятельное раскаяние лица, совершившего дисциплинарный проступок;
- 2) добровольное сообщение сотрудником органов внутренних дел, допустившим нарушение служебной дисциплины и законности, о данном факте своему непосредственному или прямому начальнику (руководителю);
- 3) оказание сотрудником органов внутренних дел, привлекаемым к дисциплинарной ответственности помощи и содействия должностному лицу, осуществляющему дисциплинарное производство, в установлении обстоятельств, предусмотренных частью 3 статьи 52 Федерального закона;
- 4) добровольное возмещение сотрудником органов внутренних дел, совершившим дисциплинарный проступок, причиненного ущерба или добровольное устранение причиненного вреда;
- 5) совершение дисциплинарного проступка в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) либо в следствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств;
- 6) совершение дисциплинарного проступка курсантом образовательной организации МВД России, не достигшим возраста 18 лет;
- 7) совершение дисциплинарного проступка беременной женщиной или сотрудником, имеющим малолетнего ребенка;
- 8) совершение дисциплинарного проступка сотрудником органов внутренних дел, находящимся в занимаемой должности менее 1 года;
- 9) совершение дисциплинарного проступка сотрудником органов внутренних дел в течение 1 года после выхода из отпуска по уходу за ребенком;
- 10) отсутствие у сотрудника органов внутренних дел дисциплинарных взысканий за последние 5 лет прохождения службы;
- 11) совершение дисциплинарного проступка впервые;
- 12) совершение дисциплинарного проступка в результате физического или психического принуждения, служебной зависимости, исполнения отданного сотруднику органов внутренних дел приказа;
- 13) противоправность или аморальность поведения третьих лиц, действия которых послужили поводом к совершению дисциплинарного проступка;
- 14) совершение дисциплинарного проступка с неосторожной формой вины.

Перечень обстоятельств, смягчающих дисциплинарную ответственность, не должен носить исчерпывающий характер и может быть дополнен иными юридическими фактами, наступление которых снижает общественную опасность деяния или иным образом положительно характеризует личность лица, в отношении которого ведется производство по дисциплинарному делу.

Обстоятельствами, отягчающими ответственность сотрудника органов внутренних дел, являются:

- 1) продолжение противоправного поведения, несмотря на требование уполномоченных на то лиц прекратить его;
- 2) повторное совершение дисциплинарного проступка в период действия дисциплинарной наказанности, установленной пунктом 53 Дисциплинарного устава органов внутренних дел;
- 3) совершение грубого нарушения служебной дисциплины;
- 4) вовлечение других сотрудников или работников органов внутренних дел в совершение дисциплинарного проступка;
- 5) совершение дисциплинарного проступка группой лиц;
- 6) совершение дисциплинарного проступка в условиях действия специальных административно-правовых режимов;
- 7) совершение дисциплинарного проступка в состоянии опьянения, а равно отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения по требованию уполномоченного должностного лица;
- 8) принятие мер к сокрытию следов дисциплинарного проступка;
- 9) наступление последствий, негативно влияющих на уровень одобрения и поддержки деятельности органов внутренних дел со стороны граждан;
- 10) оказание физического или психического принуждения, использование служебной зависимости, отдача подчиненному сотруднику неправомерного приказа, исполнение которого привело к совершению дисциплинарного проступка.

В заключении отметим, что практическая реализация предложенной инициативы станет одним из шагов к упорядочиванию производства по делам о дисциплинарных проступках в органах внутренних дел, снизит субъективизм как фактор риска для вынесения законного и обоснованного решения, назначения справедливой меры ответственности за допущенное сотрудником нарушение дисциплины и (или) законности.

Заброда Дмитрий Григорьевич,
профессор кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент

ПРИЗНАКИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ВО ВРЕМЯ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ

Кризисные процессы, обусловившие кардинальный пересмотр способов преодоления международных политических и экономических противоречий, в том числе и в форме вооруженной эскалации, а также общемировое противостояние пандемии, вызванной распространением коронавируса SARS-CoV-2, опосредовали принятие в России комплекса мер, обеспечивающих безусловное соблюдение и реализацию прав и свобод граждан как в повседневных, так и чрезвычайных условиях.

В соответствие с положениями отечественного законодательства (федерального конституционного, федерального, субъектов РФ) к правам, реализация которых требует усиленной охраны со стороны государства, относится и право на «проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и иных массовых мероприятий».¹

В связи с этим актуализируются вопросы повышения эффективности деятельности государственных органов, обеспечивающих безопасные условия для реализации гражданами данного права, противодействующих проявлениям экстремизма и терроризму, а также правонарушениям, совершаемых в ходе проведения публичных и иных массовых мероприятий и др.

¹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52163/ (дата обращения 01.09.2025.); Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108751/ (дата обращения 01.09.2025); Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 09.06.2025); Закон Республики Крым от 09 декабря 2014 г. № 25-ЗРК/2014 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW509&n=3772#QUaVcnULxDHrT8f4> (дата обращения: 09.09.2025).

В первую очередь, это касается органов внутренних дел (полиции), как основного государственного органа, обеспечивающего общественный порядок в период массовых мероприятий.

Следует отметить, что административистами достаточно изучена специфика массовых мероприятий, влияющих на организацию деятельности полиции по обеспечению правопорядка во время их проведения.

В данной статье предлагается рассмотреть признаки массовых мероприятий, которые следует учитывать для : формирования управленческих решений, направленных на организацию функционирования органов внутренних дел на начальном, основном и заключительном этапах охраны общественного порядка, учитывающих динамику оперативной обстановки в месте проведения массовых мероприятий различного вида; необходимого материально-технического обеспечения деятельности полиции в обычных условиях и чрезвычайных ситуациях; поддержания взаимодействия между организаторами массового мероприятия и иными субъектами обеспечения правопорядка во время его проведения и др.

Думается, что в основу понимания сущности категории «массовое мероприятие» может быть положено определение этого понятия, сформулированное А.Г. Бачуриным, который, исходя из общего для их разновидностей понятия «массовая акция» как «...формы реализации права граждан на организованное, коллективное, одновременное выражение своих интересов в местах, не запрещенных законодательством, в порядке, определяемом административно-правовыми нормами, для достижения поставленных целей»¹.

Большинство авторов конструирует категорию «массовое мероприятие», основываясь на совокупности признаков (организованность, согласованность, массовость, цель, место проведения, степень доступности (открытости), а также перечислении их основных видов.

Нами выделены следующие группы признаков публичных мероприятий, отраженных в законодательстве и выделенных исследователями:

1) общие признаки, характерные для всех публичных мероприятий: открытость, мирность, безоружность, доступность каждому, результат проявления инициативы как отдельных граждан, так и политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, возможность использования транспортных средств, направленность на выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни

¹ Бачурин А.Г. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения правопорядка в период подготовки и проведения массовых и публичных мероприятий: монография / А.Г. Бачурин. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – С.28; Бачурин А.Г. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения правопорядка в период подготовки и проведения массовых и публичных мероприятий: автореф. дис...канд. юрид. наук: 12.00.14. – Санкт-Петербург, 2019. – С.13.

страны и вопросам внешней политики или информирование депутатами различных уровней избирателей о своей деятельности;

2) специальные, присущие отдельным формам публичных мероприятий: массовость, динамичность, использование средств наглядной агитации и быстровозводимых сборно-разборных конструкций, определённая мест проведения и маршрутов движения участников.

В свою очередь, ученые обращают внимание на следующие признаки «массовых мероприятий» (как совпадающие с нормативными, так и отражающими позицию отдельных авторов): организованность; добровольность участия; планируемость; активность участников; социальный характер совместной деятельности граждан (в отличие от производственных форм взаимодействия между людьми); участие масс (множества, групп) людей; «разрешенность» (санкционированность); мирность; безоружность; возможность вовлечения сторонних лиц (участников, наблюдателей); наличие целей, определённых в нормативных правовых актах; направленность на удовлетворение преимущественно публичных интересов и потребностей; открытость публичных мероприятий и возможность проведения других видов мероприятий в ограниченном пространстве (общих или специально оборудованных зданиях, сооружениях, участках местности с относительно свободным (режимным) типом доступа (спортивных трассах, стадионах и т.п).

При определении такого признака рассматриваемых нами мероприятий как «массовость» в специальной литературе используются термины «группа (большие группы) лиц», «массы», и, как правило, не конкретизируется минимальное и максимальное число участников.

Более того, некоторые из изученных нами определений, предлагают отказаться и от попыток определять «...количественную норму участников мероприятий, и от самого понятия «массовые мероприятия», а использовать только их неоспоримое свойство – публичность»¹.

Отдельно выделяются и признаки современных несанкционированных массовых мероприятий, которые отражают их повышенную общественную опасность. Например, высокая степень организации мероприятия (предварительное согласования мест и времени их проведения с использованием социальных сетей, распространение информации о способах взаимодействия с полицией, порядке поведения при задержании и др.); ориентированность на привлечение значительного числа участников, число которых может спонтанно вырасти; концентрация участников мероприятия на достаточно ограниченной территории, в том числе и где проведение публичных мероприятий запрещено законодательством или не разрешено уполномоченными органами, а также в местах, где усложняется раз-

¹ Бабин С. В. О содержании понятия «массовые мероприятия» // Научный компонент. 2019. №4 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiya-massovye-meropriyatiya> (дата обращения: 01.09.2025).

вертывание сил и средств органов охраны правопорядка; использование различных средств для сокрытия личности участника мероприятия, наглядности, усиления речи и др.; сознательное вовлечение несовершеннолетних; сопровождение противодействием представителям власти и сотрудников правоохранительных органов, провоцированием их сотрудников к использованию силы, а также повреждением имущества граждан и юридических лиц, в том числе и путём поджогов и др.

Таким образом, к признакам массовых, в первую очередь публичных, мероприятий, которые влияют на состояние общественного порядка и, как следствие, организацию деятельности полиции, как основного субъекта его обеспечения, предлагается относить: 1) присутствие значительного числа людей (их масс), безопасность которых требуется обеспечить полицией совместно с другими субъектами охраны правопорядка и его организаторами; 2) относительная определённости числа участников, которые прогнозируются её организаторами и органами публичной власти, с возможностью их ситуационного увеличения; 3) ограниченность территории на которой провидится мероприятие, предусматривающее необходимость: обеспечения соблюдения участниками мероприятия заявленными организаторами целей, места, длительности, маршрута и других условий его проведения; недопущения нарушений общественного порядка, пресечение совершения во время его проведения других правонарушений, устранение факторов, которые могут привести к перерастанию мирной акции в массовые беспорядки или групповые нарушения общественного порядка, принятия мер для предупреждения угрозы террористических актов, снижению рисков для жизни, здоровья граждан, нормального функционирования государственных органов и органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций, а также имущества, в том числе и в результате террористического акта; 4) возможность перемещения участников массового мероприятия (как в пешем порядке, так и с использованием различных видов транспорта), требующая принятия дополнительных мер для обеспечения безопасности дорожного движения; 5) делимость процессов организации и проведения массовых мероприятий, обуславливающая потребность принятия полицией совместно с другими участниками обеспечения правопорядка комплекса мер не только во время его проведения, но и до его начала, и после его завершения; 6) зависимость развития обстановки массового мероприятия от состояния настроения его участников, а также возможность возникновения толпы как формы слабо контролируемого группового поведения большого числа людей.

Затолокин Александр Александрович,
доцент кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ СИСТЕМ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ)

Совершенствование деятельности, повышения эффективности работы сотрудников, а также выбора путей для дальнейшей оптимизации системы и структуры органов внутренних дел, как правило, заботят все мировое сообщество. Органы внутренних дел во всех странах – являются важнейшими государственными органами, наиболее тесно взаимодействующими с обществом в целом и с гражданами в частности, обладая при этом широкими полномочиями по реализации мер принуждения. В различных государствах складываются разные модели построения органов внутренних дел. В настоящей статье приведем результаты исследования существующих моделей построения органов внутренних дел в Западных странах и на постсоветском пространстве. Результаты исследования станут важнейшим материалом для дальнейшего исследования, а возможно и адаптации в условиях отечественных правоохранительных органов, с целью выработки наиболее эффективных направлений оптимизации правоохранительных органов Российской Федерации.

Мнения исследователей по вопросу построения органов внутренних дел в большинстве случаев сводится к тому, что существует лишь несколько типовых моделей. Так, видный теоретик Степанян А.И. утверждают, что в современном мире, органы внутренних дел в различных государствах в большинстве своем строятся исходя из двух существующих глобальных моделей: континентально-европейской и англосаксонской¹. Континентально-европейская модель характерна для таких стран как Германия, Франция, Нидерланды, Италии, Испании, Швеции, Российской Федерации и др. Англосаксонская модель присуща для США, Англии, Австралии, Ирландии и др. Особенностью континентально-европейской модели является ее строгая централизация в отличие от англосаксонской модели, которая характеризуется децентрализацией и наличием многоуровневой системы управления правоохранительными органами и сложной системой их подчинения.

В качестве примера континентально-европейской модели построения правоохранительных органов, обладающей централизацией, можно привести модель построения полиции в Швеции. В подтверждении высказанно-

¹ Степанян А.И. Полицейские системы современных государств: основные подходы к типологии// Общество и право, № 2. 2020. С. 119-122. С. 121.

го тезиса можно сослаться на мнение Усанова Д.О., который отмечает, что произошедшее реформирование (2010-2015 г.г.) полиции Швеции исходило из конституционно-правовых основ и было направлено на повышение ее эффективности, управляемости и централизации¹. Изначально, перед реформированием в Швеции была создана специальная правительственная комиссия, которой и поручалось провести реформу полиции и добиться следующих критериев при реформировании главного правоохранительного органа.

1. Полиция Швеции должна иметь единую структуру, подчиняться центру (при этом, даже в самых периферийных местах, полиция должна быть подчинена центральному органу управления).

2. Полиция Швеции должна иметь тесное взаимодействие и отлаженные механизмы коммуникации с иными правоохранительными органами Швеции, такими как прокуратура, таможенные органы, налоговые службы, пенитенциарная система.

3. полиция Швеции должна находится в тесном взаимодействии с полицейскими органами иных скандинавских государств, а также с правоохранительными органами стран Европейского союза.

Благодаря проведенному реформированию правоохранительной модели построения правоохранительных органов в Швеции, полиция действительно стала ближе к гражданам, а ее управление значительно улучшилось. В настоящее время полиция в Швеции управляется Национальным комиссаром полиции, в его подчинении находятся два полицейских органа – полицейская служба и полиция безопасности. Территория страны разделена на семь полицейских округов, во главе которых находятся полицейские комиссары. Все сотрудники полиции входят в единую централизованную полицейскую систему, что позволяет эффективно осуществлять свои полномочия по защите личности, общества и государства.

Говоря о моделях построения органов внутренних дел иных стран Европейского союза, можно отметить, что ни формально относятся к странам с европейско-континентальной моделью построения правоохранительных органов, но по сравнению с Швецией имеют меньшую степень централизации правоохранительных органов. Так в Германии и Нидерландах модели построения органов внутренних дел практически копируют одна другую. В данных странах органы внутренних дел разделены на федеральные и региональные. Региональные правоохранители хотя и обладают некоторой самостоятельностью, но все же находятся в управляющей зависимости от федеральных полицейских сил. В данных государствах существуют два полицейских органа: Федеральное управление уголовной

¹ Усанов Д.О. Реформа полиции в современной Швеции: конституционно-правовой аспект// Полицейская и следственная деятельность, № 1. 2018. С.92-95. С. 94.

полицейской¹ (аналог ФБР (США) и Следственного комитета Российской Федерации (Российская Федерация) и Федеральная пограничная служба (является самостоятельным органом (аналог отделов по вопросам миграции)).

Таким образом, модель построения правоохранительных органов Германии и Нидерландов практически идентичны, имеют деление на федеральные органы и региональные, причем последние, обладая незначительной самостоятельностью в административно-хозяйственных вопросах, все же находятся в непосредственном управлении федеральных сил. Соответственно данные модели построения также следует характеризовать как модели с высокой централизацией управления.

Следующее государство – Бельгия, находится на Европейском континенте, но модель построения органов внутренних дел более схожа с англосаксонской моделью, поскольку на федеральном уровне действует национальное подразделение уголовной полиции, а на районном уровне существует многочисленная сеть местных полицейских сил, находящихся в непосредственном подчинении мэров городов.

В противоположность рассмотренной выше модели – англосаксонская модель построения органов внутренних дел, как уже было отмечено, является децентрализованной и присуща таким странам как: США, Великобритании, Австралии. При англосаксонской модели каждый штат, каждый город может иметь собственные правоохранительные органы, находящиеся в подчинении либо губернатора, мера или префекта. В США не существует единого (федерального) полицейского органа. Система государственного управления США строится по принципу трех уровней власти – федеральный уровень, уровень штатов и местный уровень. На каждом из указанных уровней могут создаваться различные правоохранительные органы, причем название данных органов и их полномочия могут существенно отличаться от аналогичных полицейских органов, но находящихся в другом штате или местности. Помимо этого, в США существует разветвлённая сеть частных охранных и детективных агентств, которые так же могут обладать правом осуществления правоохранительных функций.

В Англии имеются свои отличительные от США особенности в построении органов внутренних дел. Во всем Королевстве существуют королевские агентства по управлению теми или иными сферами деятельности полиции, а на местном уровне, полицией управляют выборные лица. Подобный подход можно смело назвать системой сдержек и противовесов, когда существует и общегосударственное управление правоохранитель-

¹ Гамзина А.В. Оперативно-разыскное противодействие полиции преступности несовершеннолетних за рубежом (на примере Федеративной Республики Германии) // Вестник Сибирского юридического института МВД России, № 2. 2023. С. 182-185. С. 184.

ными органами, и сама полиция, зачет выборных лиц, становится ближе к людям и обществу в целом¹.

Следующее государство с подобной моделью построения органов внутренних дел – Австралия. Органы внутренних дел Австралии представляют собой нечто общее между моделями построения правоохранительных органов в США и в Англии.

Кроме рассмотренных выше моделей построения правоохранительных органов (континентально-европейской и англосаксонской) выделяется еще одна модель – свойственная для стран бывшего СССР – постсоветская модель построения. Данная модель отличается динамикой в развитии, поиском наиболее оптимального построения, происходящими глобальными процессами по реформированию и оптимизации правоохранительных органов². Большинство стран, расположенных на постсоветском пространстве перешли на наименование основного правоохранительного органа – полиция (Российская Федерация, Украина, Грузия, Эстония и др.), некоторые государства, такие как Казахстан, выбрали нейтральное наименование, а именно – органы внутренних дел, лишь одно государство (Белоруссия) сохранило историческое название правоохранительного органа, существовавшее во времена СССР – милиция. Большинство бывших социалистических республик еще в начале 90-х гг. XX века изменили название милиции на полицию, отказавшись от «ненавистного» им прошлого, связывающего их с коммунистической эпохой их истории. Вместе с тем, более осознанное и вдумчивое реформирование и оптимизация модели построения правоохранительных органов произошла значительно позже.

На постсоветском пространстве реформирование советской модели построения правоохранительных органов началось примерно в конце 90-х годов XX века. Большинство бывших социалистических республик, к концу 90-х годов окончательно перешли на капиталистическую модель государственного управления, в связи с чем анахроничный правоохранительный орган, с его устаревшей моделью построения стал, не востребован. Однако, даже изменив название милиции на полицию, видоизменив органы управления правоохранительной службы, все же большинство государств констатировали, что эффективности службы данный ребрейдинг не добавил. Поэтому некоторые государства на постсоветском пространстве в оптимизации модели построения правоохранительных органов пошли гораздо дальше. В последнее время государственные аппараты все больше интересуют этическая составляющая в деятельности полиции и уровень

¹ Андреева И.А. Полицейская реформа в Англии в конце XX - начале XXI в.// Труды Академии управления МВД России, № 1. 2018. С. 155-158. С. 157.

² Мирзорустамов М.М. Актуальные задачи профессионального отбора кадров на службу в органы внутренних дел Республики Таджикистан// Труды Академии МВД Республики Таджикистан, № 1(25). 2015. С. 173-176. С. 175.

доверия к ней граждан¹. В качестве примера можно привести оптимизацию модели построения правоохранительных органов в Грузии и Эстонии. Проведенное реформирование правоохранительных органов в Грузии широко обсуждалось в отечественных средствах массовой информации. Публикации в средствах массовой информации (СМИ) демонстрируют проведенные преобразования в бывшей социалистической республике с положительной стороны, демонстрируя на сравнительном контрасте негативные образы прежней милиции и положительные преобразования, проведенные в современной полиции. В Грузии при реформировании правоохранительного органа (полиции) в 2004 г. было уволено 90% личного состава и практически все руководство полиции. Современная полицейская модель построения правоохранительных органов в Грузии предусматривает деление полиции на две структуры: криминальную полицию и патрульную службу. Криминальная полиция занимается вопросами раскрытия и расследования преступлений и по своей организационно-правовой сущности близка аналогичной структуре, в США, носящей название ФБР. Патрульная служба вобрала в себя все профилактические функции свойственные таким историческим прототипам из милиции как Государственная автомобильная инспекция и Патрульно-постовая служба. На возможность применения подобного подхода, ранее уже акцентировалось внимание, в предыдущих публикациях². Отмечая важность реформирования и его результативность, следует отметить на специфический подход в его осуществлении – в рядах грузинской полиции практически не осталось лиц, проходивших службу в дореформенные времена. Поэтому они не могут сравнить современную деятельность с предыдущей деятельностью, прежней структуры. Проведенные преобразования позволили повысить эффективность работы, открытость и доступность полиции для граждан в Грузии.

Следующей бывшей социалистической республикой, опыт которой по оптимизации модели построения органов внутренних дел считаем необходимым привести, является Эстония. В данной республике, также, как и в большинстве других, бывших республиках, входивших в СССР, в 1991 г. название милиция была заменена на полицию. Помимо смены названия в Эстонии началась реформа по оптимизации модели построения органов внутренних дел по типу финской модели, то есть не военизированной полиции. В этом ключе были разатестованы целые категории должностей, в

¹ Соловьева С.В. Этическое регулирование деятельности полицейского: теоретико-аналитический аспект// Вестник Московского университета МВД России. № 2, 2024. С.182-185. С.184.

² Затолокин А.А. Государственная автомобильная инспекция или Единая патрульная служба (необходимая целесообразность или целесообразная необходимость)// Актуальные проблемы современного российского права : Материалы VIII международной научно-практической конференции, Невинномысск, 23–24 июня 2016 года. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2016. – С. 40-44. С. 44.

штате полиции увеличился процент женщин, а в самой деятельности полиции постепенно стала возобладать модель социального менеджмента (предоставления услуг). В 2010 г. разрозненные полицейские ведомства в Эстонии (департамент полиции, центральная криминальная полиция, полиция безопасности, департамент погранохраны и департамент гражданства и миграции) были объединены в один орган – департамент полиции и погранохраны¹. Оптимизация модели построения органов внутренних дел в Эстонии качественно отразилась на эффективности ее деятельности. Основной показатель эффективности работы полиции в Эстонии является уровень доверия граждан, а он в настоящее время наиболее высокий за весь период проведения исследований (включая и социалистический период).

Российская Федерация, также, как и другие бывшие социалистические республики входит в постсоветское пространство. Так же, как и в других бывших социалистических республиках в 1991 г. была предпринята попытка оптимизации модели построения правоохранительных органов, отказавшись от закрепления в нормативных правовых актах идеологической составляющей деятельности. Стало уделяться внимание новому облику правоохранителя². В частности, в апреле 1991 г., был принят Закон Российской Федерации «О милиции» (утратил силу). Но кардинальных изменений в модели построения правоохранительного органа на территории бывшей РСФСР не произошло. Остались все те же подразделения, органы управления и службы, которые были в социалистические времена. Вместе с тем были введены некоторые, незначительные и особенно не прижившиеся нововведения. Милиция структурно была разделена на криминальную милицию и милицию общественной безопасности. В криминальную милицию входили подразделения, занимающиеся раскрытием и расследованием преступлений, все оперативные подразделения, а также ряд иных подразделений милиции. В милицию общественной безопасности входили участковые уполномоченные милиции, подразделения по делам несовершеннолетних, Государственная инспекция безопасности дорожного движения, а также подразделения охраны общественного порядка. Финансирование криминальной милиции осуществлялось за счет средств федерального бюджета, а финансирование милиции общественной безопасности осуществлялось за счет средств регионального и местных бюджетов. При этом допускалось возможность осуществления финансирования российской милиции за счет средств из внебюджетных фондов и пожертвований. В по-

¹ Машугина Е.В. Пути совершенствования кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации (на примере опыта Эстонской Республики)// Проблемы в российском законодательстве, № 4. 2014. С.189-191. С. 191.

² Хасанов Х.Х. Педагого-психологические особенности формирования профессиональной направленности будущих работников органов внутренних дел Таджикистана: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. нед. наук// Душанбе, 2010. С. 13.

добной «переходной» модели построения российская милиция просуществовала до 2011 г. В 2011 году был принят Федеральный закон «О полиции», который ознаменовал собой кардинальные реформы в модели построения органов внутренних дел. С этого времени в Российской Федерации не только изменилась правовая основа функционирования российской полиции, но и поменялась модель построения. В настоящее время полиция представляет собой единый государственный орган (без деления на криминальную и общественной безопасности), финансируется только за счет средств федерального бюджета и имеет единую централизованную систему управления. Вместе с тем, проведенные изменения в системе и структуре правоохранительных органов в 2016 г. (наделение МВД России полномочиями по контролю за незаконным оборотом наркотиков и осуществления функций в вопросах миграции) демонстрируют, что процесс оптимизации модели построения правоохранительных органов в Российской Федерации динамичен и еще не завершён.

Реформа органов внутренних дел 2011 г. в Российской Федерации положительно сказалась на эффективности деятельности и имидже полиции. Вышеназванный тезис в полной мере подтверждается проводимыми социологическими исследованиями, так согласно опубликованным результатам¹. По состоянию на 2024 г. «шесть из десяти наших сограждан ответили, что в той или иной степени доверяют сотрудникам полиции своего региона» и процент лиц, доверяющих полиции составляет – 62%². Уровень доверия граждан Российской Федерации к полиции растет год от года: в 2018 г. о доверии полиции утвердительно отвечали 39,4 %, в 2019 г. – 41,9%, в 2020 г. – 42,9%, в 2021 г. 45,4%.

Главный показатель эффективности деятельности правоохранительных органов – доверие граждан, свидетельствует о высокой результативности деятельности российской полиции после произведенной оптимизации модели построения правоохранительных органов.

Таким образом, в завершении необходимо сформулировать следующие выводы:

1. В современном Мире модели построения правоохранительных органов можно классифицировать на следующие виды:

- континентально-европейская модель (строгая централизация, наличие единой системы и структуры, включение правоохранительных органов в общую систему центральных органов государственной власти);
- англосаксонская модель (наличие разрозненных правоохранительных органов не имеющих между собой отношений власти-подчинения,

¹ Невский С.А., Черкасов Р.В., Яковлев О.В. Изучение общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации (организация мониторинга и его результаты) //Научный портал МВД России. № 2, 2023. С.9-14. С. 13.

² URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1> (дата обращения: 23.08.2025).

структурно имеющих построение по территориальному признаку, подчиняющихся губернатору или мэру, взаимодействующие с другими правоохранительными органами (из других территорий) только при необходимости);

– постсоветская модель (характеризуется изначальным отказом от прошлой социалистической модели построения, поиском наиболее удачного международного опыта и его интеграцией на национальную систему правоохранительных органов, динамичностью и неоконченностью в организационно-правовом построении).

2. Судить об эффективности той или иной модели построения правоохранительных органов можно лишь на основании статистических данных, свидетельствующих о снижении основных показателей преступности в стране (регионе), а также на основании объективных, независимых социологических исследований об уровне доверия граждан правоохранительным органам.

3. Модель построения правоохранительных органов Российской Федерации имеет постсоветский характер, что позволяет предполагать незавершенность проводимых реформ в сфере оптимизации основных направлений правоохранительных органов на настоящем этапе развития государственности.

Дальнейшее совершенствование модели построения органов внутренних дел в Российской Федерации должно исходить из положительного международного опыта и учитывать мнение общества, а также доверие граждан к правоохранительной системе.

Золотько Павел Сергеевич,
адъюнкт кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И ГАРАНТИИ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

«Кто владеет информацией, владеет миром»
Н. Ротшильд

Данную фразу произнес известнейший британский банкир еще в 19 веке, то есть можно сказать о том, что даже в то время информация была наиважнейшим ресурсом, владение которым дает власть, статус, возможности, что можно сказать про настоящее время? Она стала играть еще более весомую роль, только сейчас изменился подход к ее передаче, распространению и владению, появились технологии для ее удобного хранения в неограниченных количествах, ее быстрой передаче на неограниченные расстояния, ко всему этому приходится приспосабливаться не только людям всего мира, но и государствам, которые охраняют и защищают права своих граждан.

В ч.1 ст.1 ФЗ №3 «О полиции» указано, что основным назначением полиции в России является защита прав и свобод всех людей, вне зависимости от гражданской принадлежности. Применение цифровых технологий позволяет значительно расширить возможности по охране правопорядка. Но всегда стоит помнить о том, что при увеличении спектра возможностей, увеличивается и вероятность нарушения неотчуждаемых прав и свобод граждан, которые гарантируются государством.

В Российской Федерации основополагающим документом, который защищает информационную среду, является ее Конституция, посредством установления прав граждан, а также гарантий, что эти права будут соблюдены другими гражданами, а также самим государством при осуществлении деятельности его органов.

Таковыми правами и гарантиями являются:

1. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны. (ст. 23)

2. Право на то, что информация о частной жизни лица не будет собрана, распространена, использована без его согласия, а также обязанность органов государственной власти и местного самоуправления знакомить граждан с материалами, затрагивающими их права и свободы. (ст. 24)

3. Каждый имеет право свободно собирать, распространять, искать, получать, производить информацию любым законным путем. (ч.3 ст. 29)

4. Граждане имеют право направлять обращения в государственные органы власти (ст. 33) и др.¹

Таким образом перед государством стоит труднейшая задача по соблюдению баланса между использованием цифровых технологий для увеличения эффективности правоохранительной деятельности и государственного принуждения и соблюдением прав и свобод граждан.

Для соблюдения рамок необходимого предела деятельности полиции в информационной сфере законодатель предусмотрел систему сдержек и противовесов, структурно состоящую из следующих элементов:

1) Нормативно-правовое регулирование применения той или иной информационной технологии, устанавливающей исчерпывающий перечень задач, а также необходимые приделы применения такой технологии. В эту же группу можно отнести и устанавливаемые федеральными законами принципы деятельности полиции, на основе них, сотрудники полиции осуществляют служебную деятельность, кроме того на основе указанных в ФЗ «О полиции» принципов формируются нормативно-правовые акты, призванные регулировать деятельность сотрудников;

2) Система органов судебной и государственной власти, контролирующей и осуществляющей надзор за деятельностью сотрудников ОВД;

3) Различные виды ответственности за нарушение прав граждан.

Рассмотрим взаимодействие выделенных нами элементов системы сдержек и противовесов необходимого для обеспечения конституционных прав граждан, на примере средств автоматической фото и видеофиксации административных правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения, использование которых непосредственно посягает на право на неприкосновенность частной жизни.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование применения таких средств осуществляется при помощи системы нормативно-правовых актов, основными являются:

1. Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

2. Постановление Правительства России от 01.06.2024 г. №754-ФЗ «О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации»;

3. Гост Р 57144-2016 «Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением».

Совокупность выделенных нами нормативно-правовых норм определяет полный порядок установки и дальнейшего использования комплексов

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

автоматической фото- и видеофиксации административных правонарушений. Статьей 22.1 ФЗ-257 непосредственно определены места установки таких комплексов, а также порядок и основания их установки и демонтажа.¹

Стоит отметить, что в настоящее время деятельность Центров автоматической фиксации административных правонарушений Госавтоинспекции МВД России (далее ЦАФАП Госавтоинспекции) осуществляется при помощи использования следующих автоматизированных информационных систем «Паутина», «Авангард», использование выделенных нами информационных систем способствует автоматизации выполнения ручных операций сотрудников полиции, а также объединению данные собираемые всеми комплексами в единый банк данных.

Несмотря на то, что информационные системы выполняют множество операций в автоматическом режиме, все же конечной инстанцией, которая выносит постановление по делу об административном правонарушении является сотрудник ЦАФАП Госавтоинспекции.

Стоит также сказать о том, что информационная система «Паутина» способна при помощи встроенных в нее алгоритмов определять изображение, которое по какому-либо признаку отклоняется от нормального (государственный регистрационный знак загрязнен, сфотографирован нечетко или вовсе неразличим) в таком случае система направляет данный материал на ручное рассмотрение инспектору.

Рассматривая систему органов, которые осуществляют контроль и надзор за такой деятельностью можно сказать следующее, во исполнение конституционного права граждан направлять обращения в государственные органы власти, одним из которых является жалоба, законодательством, а именно статьей 30.1 КоАП РФ предусмотрен механизм обжалования постановления по делу об административном правонарушении, так лицо согласно положениям пункта 3 части 1 настоящей статьи имеет право обжаловать такое постановление в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу или же в районный суд по месту рассмотрения материала об административном правонарушении.²

В случае, если постановление было вынесено ошибочно, незаконно или имелись обстоятельства, в связи с которыми производство по делу стоило прекратить, должностное лицо прекращает производство, а сотрудник, который вынес такое постановление может быть привлечен к дисциплинарной или уголовной ответственности.

¹ Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 30.09.2025). – Текст: электронный.

Таким образом, на примере работы подразделений ЦАФАП Госавтоинспекции можем проследить, что в условиях цифровизации общества в России, применение информационных технологий в деятельности полиции строго регламентируется и существует четко налаженный механизм защиты прав граждан, конечно, в условиях постоянно и быстроразвивающегося общества в такую систему постоянно необходимо вносить изменения и дополнения, но в настоящее время она показывает свою эффективность.

Карсюк Дмитрий Сергеевич,
судья, заместитель председателя
суда Октябрьского района
города Минска

**ЗАПРЕТ ПОВОРОТА К ХУДШЕМУ
ПРИ НОВОМ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ
В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРОЦЕССЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В юридической литературе широко исследуется правило запрета поворота к худшему, действующее в различных юрисдикционных процессах¹. В общем виде данное правило означает недопустимость ухудшения положения лица, в отношении которого ведется процесс, относительно того положения, которое определено на предыдущих стадиях процесса.

Наличие запрета поворота к худшему в процессуальном законодательстве Республики Беларусь имеет важное значение исходя из необходимости выполнения конституционных предписаний о признании человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства, об обеспечении беспрепятственной реализации права на обжалование решений государственных органов и должностных лиц, судебных постановлений, о соблюдении принципов разделения властей, независимости и беспристрастности судей. Вместе с тем, абсолютный запрет поворота к худшему, на наш взгляд, не способствует укреплению законности и правопорядка, поскольку процедуры рассмотрения юридических дел на сегодняшний день не позволяют полностью исключить правоприменительные ошибки, влекущие принятие решений, противоречащих требованиям справедливости, в том числе вследствие их чрезмер-

¹ См., например: Будылин, Н. В. Запрет на поворот к худшему в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Н. В. Будылин. – Ульяновск, 2023. – 340 л.; Воробейников, М. А. Запрет преобразования к худшему в советском уголовном процессе / М. А. Воробейников. – Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 1976. – 101 с.; Зайцева, Л. Л. Пределы полномочий апелляционной инстанции по ухудшению положения обвиняемого / Л. Л. Зайцева // Судовы веснік. – 2016. – № 4. – С. 74–80; Калинкович, В. Л. О введении апелляционного производства по уголовным делам / В. Л. Калинкович // Судовы веснік. – 2004. – № 4. – С. 14–16; Килина, И. В. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции : монография / И. В. Килина. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 152 с.; Матюхевич, М. А. Понятие «Запрет преобразования к худшему» при кассационной проверке приговоров в уголовном процессе Республики Беларусь / М. А. Матюхевич // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 2. – С. 23–26; Потеружа, И. И. Роль суда второй инстанции в укреплении законности / науч. ред. В. Н. Артемова. – Минск : Наука и техника, 1980. – 192 с.

ной мягкости в отношении к лиц, нарушивших закон. Поэтому следует согласиться с мнением, что формирование на законодательном и доктринальном уровнях четкой системы правил, которые в одном случае позволяют, а в другом строго запрещают ухудшать правовое положение лица по сравнению с тем, которое оно занимало на предыдущем этапе производства по делу, позволит безбоязненно и свободно осуществлять право на защиту, свободу обжалования судебных решений, будет способствовать формированию режима законности¹.

Одним из условий запрета поворота к худшему, установленного отраслевым законодательством, является недопустимость ухудшения положения лица, в отношении которого ведется процесс, при новом рассмотрении дела в случае отмены первоначального постановления. Например, в силу ч. 2 ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь не допускается усиление наказания и иное ухудшение положения обвиняемого при новом судебном разбирательстве уголовного дела судом первой инстанции, если первоначальный приговор не был отменен по апелляционной жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их представителей либо по апелляционному протесту прокурора в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении либо за мягкостью наказания или иных мер уголовной ответственности, а равно и по другим основаниям, влекущим ухудшение положения обвиняемого.

В административно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь отсутствует прямое указание о запрете ухудшить положение лица, в отношении которого ведется административный процесс, если первоначальное постановление не было отменено по основаниям, влекущим ухудшение такого положения. Однако о наличии данного запрета, базирующегося на принципах административного процесса, свидетельствует существующая правоприменительная практика. Суды, исходя из системного толкования положений Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП Республики Беларусь), обеспечивают недопустимость ухудшения положения лица, в отношении которого ведется административный процесс, при вышеуказанных обстоятельствах.

Например, постановлением председателя Минского городского суда от 20.04.2023 изменено постановление заместителя начальника инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Первомайскому району города Минска от 23.01.2023 в отношении Г. в части наложенного административного взыскания в виде штрафа, снизив его размер с 5 до 3 базовых величин. Как указано в постановлении председателя суда, основанием к изменению постановления налогового органа явился факт

¹ Килина, И. В. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции : монография / И. В. Килина. – Москва : Юрлитинформ, 2020. С. 3.

того, что ранее отмененным по данному делу постановлением от 28.09.2022 на Г. было наложено административное взыскание в виде штрафа в размере 3 базовых величин, при этом данное постановление не было отменено по обстоятельствам, влекущим ухудшение положения Г., а потому при новом рассмотрении дела более строгое взыскание не могло быть наложено на указанное лицо¹.

Другой пример – постановление председателя Гомельского областного суда от 29.08.2023, которым изменено постановление начальника отдела Государственной автомобильной инспекции одного из территориальных органов внутренних дел данной области в части наложенного административного взыскания: срок взыскания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, назначенного А. по ч. 2 ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь и в соответствии со ст. 7.4 КоАП Республики Беларусь по совокупности правонарушений, предусмотренных ч. 12 ст. 18.13 КоАП Республики Беларусь и ч. 2 ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь, снижен с 18 до 12 месяцев. Из материалов дела следовало, что ранее оно рассматривалось дважды с вынесением постановлений о наложении административного взыскания. При этом каждый раз А. избиралось административное взыскание по ч. 2 ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 12 месяцев, и данные постановления были отменены по жалобам А. ввиду односторонности, неполноты и необъективного исследования обстоятельств административного правонарушения, а не по основанию несоответствия административных взысканий тяжести совершенного административного правонарушения².

Приведенные и иные многочисленные примеры судебной практики указывают о существовании запрета поворота к худшему в административно-деликтном процессе Республики Беларусь при новом рассмотрении дела об административном правонарушении в случае отмены первоначального постановления. Как представляется, отсутствие в законе прямого указания о наличии данного правила свидетельствует о необходимости внесения соответствующих дополнений в ПИКоАП Республики Беларусь с целью обеспечения единообразия правоприменительной практики.

¹ Материалы по жалобам и протестам на не вступившие и вступившие в законную силу постановления по делам об административных правонарушениях за 2023 год [Электронный ресурс] : Автоматизированная информационная система судов общей юрисдикции. – Минск, 2025.

² Там же.

Костюк Анастасия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
гражданского и трудового права
Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь
магистр права

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДОЛЖНИКА К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ЯВКИ К СУДЕБНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Восстановление нарушенных прав и интересов взыскателей в рамках исполнительного производства выступает одной из приоритетных задач, стоящих перед исполнительным производством. Для решения этой задачи судебный исполнитель наделяется широкими полномочиями по применению мер принуждения в отношении не только должника, но и других участников исполнительного производства, которые могут создавать препятствия к исполнению требований исполнительных документов или попросту злоупотреблять своими правами с различными целями.

Бесспорно, недобросовестное поведение должника, которое выражается в разнообразных способах уклонения от исполнения требований исполнительного документа, должно пресекаться со стороны государства. Одним из действенных правовых механизмов пресечения такой недобросовестности выступает институт административной ответственности, который позволяет путем административно-правового воздействия принудить должника к надлежащему исполнению обязанностей в рамках исполнительного производства.

Однако, как демонстрирует правоприменительная практика, в процессе привлечения к административной ответственности лиц за уклонение от явки к судебному исполнителю, возникает ряд трудностей, связанных с диаметрально противоположным толкованием правоприменителями правовых норм. Не всегда надлежащей оценке со стороны правоприменителей подвергается и поведение привлекаемого к административной ответственности с позиции добросовестности, несмотря на то что в законодательстве об исполнительном производстве нашел отражение принцип добросовестности сторон, обладающий, как и любой принцип права, универсальным характером действия.

Законодатель достаточно лаконично сформулировал диспозицию ст. 25.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), указав на то, что к административной ответственности может быть привлечено лицо, которое уклоняется от явки к судебному ис-

полнительно без уважительных причин¹. Исходя из такого законодательного установления, возникает несколько вопросов: каков круг субъектов данного правонарушения; какие действия будут свидетельствовать о том, что лицо уклоняется от явки к судебному исполнителю; возможно ли уклонение с уважительной причиной.

Отвечая на вопрос о перечне субъектов, которые могут привлекаться к ответственности по ст. 25.6 КоАП в части уклонения от явки к судебному исполнителю, стоит отметить, что ответственность может наступать только за неисполнение или ненадлежащее исполнение какой-либо обязанности, в том числе обязанности по воздержанию от совершения действий, нарушающих права других лиц. Исходя из диспозиции ст. 25.6 КоАП, ответственность наступает за неисполнение обязанности явиться к судебному исполнителю. Таким образом, необходимо определить лиц, на которых возложена обязанность явиться к судебному исполнителю в случае вызова. Анализируя положения Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), мы приходим к выводу, что обязанность по явке присутствует у сторон исполнительного производства (должник и взыскатель (ст. 18)), переводчика (ст. 25) и специалиста (ст. 27)².

Вопрос об обязательности явки понятых представляется неоднозначным, так как, с одной стороны, в ст. 26 Закона об исполнительном производстве указано, что понятой обязан «принять участие в совершении исполнительного действия», но, с другой стороны, «заставить» быть понятым судебный исполнитель не может, так как законодательством не предусмотрена ответственность за отказ от участия в исполнительных действиях в качестве понятого.

Следует также указать, что в ст. 9 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях» (далее – Закон о судебных исполнителях) законодатель при перечислении прав судебного исполнителя указывает на право вызова должника, его представителя, учредителей, участников или собственника имущества должника. В ст. 3 этого же закона отмечается, что ответственность наступает в случае неповиновения «законному требованию» судебного исполнителя при исполнении им служебных обязанностей³. А что представляет собой такое «закон-

¹ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. № 91-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.09.2025).

² Об исполнительном производстве : Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.09.2025).

³ О судебных исполнителях : Закона Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 440-З : в ред. от 6 янв. 2021 г. № 90-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.09.2025).

ное требование»? Каковы его границы? Исходя из буквального и обыденного толкования термин «законное требование» представляет собой требование, которое основано на законе. Законодатель не дает четкого ответа в отношении сущностного содержания термина «законное требование», поэтому обратимся к правовой доктрине.

Так, Б. В. Асаенко указывает, что для признания требования законным необходимо, чтобы, во-первых, такое требование заявлялось на основании полномочий должностного лица, которые основаны на законодательстве, а, во-вторых, такое требование будет признаваться законным в случае, если оно заявляется при исполнении должностным лицом служебных обязанностей¹. Аналогичным образом в числе признаков «законных требований» называют реализацию возложенных на сотрудников полномочий А. И. Смоляков и О. А. Строева. Дополнительно исследователи также указывают на то, что такое требование должно быть доведено в надлежащей форме и быть реально исполнимым². На двоякое понимание термина «требование» в правоотношениях указывает Ю. В. Виниченко: «с одной стороны, это возможность управомоченного лица обязать других лиц, с другой – обязанность самого управомоченного лица поступать установленным законом образом»³.

Представляется, что, исходя из буквального толкования законодательства об исполнительном производстве, а также сущностного содержания термина «законное требование», стоит признать, что понятой не может выступить в качестве субъекта правонарушения, предусмотренного ст. 25.6 КоАП, так как, во-первых, судебный исполнитель не наделен полномочиями в части указаний по явке понятого (иными словами, требование о вызове понятого не является «законным требованием»), а, во-вторых, за понятым не закреплена обязанность по явке к судебному исполнителю. Аналогичным образом будет решаться вопрос и с другими участниками исполнительного производства (хранителем имущества, а также лицами, которые обязаны совершить или воздержаться от совершения действий, направленных на исполнение требований исполнительных документов, и др.).

Очертив круг субъектов, которые могут быть привлечены к административной ответственности за уклонение от явки к судебному исполните-

¹ Асаенко, Б. В. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий : актуально на 1 июня 2022 г. / Б. В. Асаенко // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 16.09.2025).

² Смоляков, А. И. Проблемные вопросы квалификации административных правонарушений, связанных с невыполнением законных требований сотрудника полиции / А. И. Смоляков, О. А. Строева // Научный портал МВД России. – 2023. – № 4(64). – С.16

³ Виниченко, Ю. В. Требования в праве (общетеоретический аспект) / Ю. В. Виниченко // Право и законодательство. – 2010. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-v-prave-obscheteoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 16.09.2025).

лю, перейдем к анализу некоторых неоднозначных признаков объективной стороны данного правонарушения. Так, категория «уклонение» тесно связана с принципом добросовестности сторон исполнительного производства, который в узком понимании направлен на противодействие злоупотреблению правами в различных формах. Иными словами, должны пресекаться любые недобросовестные действия или бездействия даже в случае, если эти они совершаются в рамках правового поля и предоставленных законодательством прав. В абз. 4 п. 3 Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67 (далее – Инструкция № 67), принцип добросовестности раскрывается через установление обязанности сторон исполнительного производства добросовестно пользоваться принадлежащими им правами и не менее добросовестно исполнять возложенные на них обязанности¹.

Вряд ли мы можем говорить о добросовестном исполнении обязанностей и реализации предоставленных законом прав, когда должник умышленно не приходит в отделение почтовой связи получить повестку, а потом использует право на обжалование действий судебного исполнителя. Такими действиями должник умышленно затягивает исполнительное производство.

Итак, мы должны понимать, что термин «уклонение от явки» в контексте рассматриваемого административного правонарушения обладает некоторыми субстанциональными характеристиками.

Во-первых, уклонение от явки возможно путем действия или бездействия. К примеру, должник блокирует мобильный номер судебного исполнителя, что не позволяет вызывать должника в отдел принудительного исполнения посредством мобильных приложений («Viber», «Telegram» и др.). Бездействие выражается в получении повестки судебного исполнителя, но не прибытии к назначенному времени в место, указанное судебным исполнителем.

Во-вторых, уклонение от явки обусловлено волей уклоняющегося лица. Иными словами, должен присутствовать прямой умысел не явиться к судебному исполнителю. В данном аспекте возникает закономерный вопрос: насколько тогда уместно указывать в диспозиции ст. 25.6 КоАП дополнительно на отсутствие уважительных причин, если уклонение сопряжено с осознанным нежеланием лица исполнять возложенные на него обязанности. Если лицо не является к судебному исполнителю при наличии уважительных причин, то это неявка, а не уклонение от явки. То, что термин «уклонение» уже содержит в себе признак «без уважительных причин», косвенно подтверждают некоторые нормативные правовые акты, в

¹ Инструкции по исполнительному производству : утв. постановлением Мин-ва юстиции Респ. Беларусь от 7 апр. 2017 г. № 67 : в ред. от 21 нояб. 2024 г. № 100 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.09.2025).

которых используется рассматриваемая нами терминология. К примеру, ст. 422 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) называется «Уклонение от превентивного надзора», но при изложении диспозиции данной нормы законодатель уже не использует термин «уклонение», а раскрывает его через «неприбытие лица ... без уважительных причин к избранному им месту жительства ... а равно неявка ... в орган внутренних дел»¹. Только с прямым умыслом совершаются и преступления, предусмотренные ст. 174 и ст. 175 УК. Законодатель при изложении данных составов также справедливо отказался от указания на уважительность причин, так как в случае, если уважительные причины присутствуют, то и нет признаков прямого умысла или уклонения.

В-третьих, обязанность по явке к судебному исполнителю должна быть закреплена в законодательстве об исполнительном производстве, что предусмотрено бланкетным характером ст. 25.6 КоАП. Как мы уже отметили, такая обязанность возлагается на стороны исполнительного производства, переводчика и специалиста.

В-четвертых, уклонение от явки к судебному исполнителю выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанности явиться по вызову судебного исполнителя, что должно подтверждаться соответствующими доказательствами.

Таким образом, в конструкции ст. 25.6 КоАП законодатель два раза подчеркивает признак неуважительной причины (один раз прямо указывая на отсутствие уважительной причины, второй – используя термин «уклонение»). Полагаем, что такая законодательная некорректность должна быть устранена путем исключения из диспозиции ст. 25.6 КоАП словосочетания «без уважительных причин».

Таким образом, стоит заключить следующие значимые моменты относительно привлечения к административной ответственности за уклонение от явки к судебному исполнителю:

не все участники исполнительного производства могут выступать субъектами административного правонарушения, предусмотренного ст. 25.6 КоАП, а только те, в отношении которых требование судебного исполнителя о явке будет законным;

в конструкции ст. 25.6 КоАП законодатель два раза подчеркивает признак неуважительной причины (один раз прямо указывая на отсутствие уважительной причины, второй – используя термин «уклонение»), в связи с чем, полагаем, что такая законодательная некорректность должна быть устранена путем исключения из диспозиции ст. 25.6 КоАП словосочетания «без уважительных причин».

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.09.2025).

Куряшкин Алексей Николаевич,
старший преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел,
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Кузьменко Альбина Вячеславовна,
слушатель Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ И ВОЗМОЖНЫЕ НОВЕЛЛЫ

На сегодняшний день административно-юрисдикционная деятельность включает в себя различные функции: нормотворческие, регулятивные, правоохранительные. Это средство правового регулирования отношений, которые находятся под охраной органов внутренних дел¹.

Таким образом, административная юрисдикция представляет собой реализацию государственными органами полномочий по регулированию общественных отношений, оценке законности и правомерности действий лиц, разрешению споров и рассмотрению дел об административных правонарушениях.

Введение новых изменений в законодательство РФ может сильно повлиять на юрисдикционную деятельность как полиции в целом, так и отдельно на каждое подразделение. Ежедневный мониторинг подписания новых нормативных актов позволил проанализировать ряд изменений и выявить новые аспекты рассмотрения дел административных правонарушений.

Так, к примеру на основании Федерального закона от 8 августа 2024 года № 248 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» на начальника органа внутренних дел возложены полномочия по назначению административного выдворения за пределы РФ для иностранных граждан, что в свою очередь с одной

¹ Шевцов А. В. Правовые и организационные основы для исключения органов внутренних дел (полиции) и их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций) // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2019 – Текст: электронный. С. 187-201

стороны упрощает порядок самого выдворения, которое изначально могло быть назначено только по решению судом, но с другой стороны, усложняет работу сотрудников полиции, так как появляется необходимость в составлении определенных документов не типичных для полиции, самостоятельному определению вида выдворения: в принудительной форме либо самостоятельном выезде, с учетом ряда критериев, экономических (уплата налогов, штрафов), семейных (наличие зарегистрированного брака), отношения к воинской обязанности и т.д.¹ Если принято решение о принудительном выдворении иностранного гражданина, то необходимо обеспечить его дальнейшее препровождение в специальное учреждение полиции (приемник для лиц, подвергнутых административному выдворению).

В КоАП РФ в соответствии с ФЗ-№192 от 22.07.2024 г. внесены изменения, затронувшие и организационный компонент деятельности сотрудников полиции по применению административного законодательства. Данный нормативный акт внес ряд новелл, в частности были исключены из полномочий ОВД порядка 80 составов об административных правонарушениях^{2, 3}.

При этом, на основании действующего ФЗ-№3 «О полиции»⁴ и Инструкции, утвержденной Приказом МВД России №736 от 29 августа 2014 г. сотрудники полиции обязаны осуществлять регистрацию любых преступлений и административных правонарушений независимо от того относятся они к компетенции должностных лиц ОВД или нет⁵.

Если анализировать новые изменения, то стоит отметить, что Закон устранил некие «дублирующие» полномочия ОВД и других надзорных органов при рассмотрении одних и тех же административных деликтов.

¹ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/409493559/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

² «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 22.07.2024 № 192-ФЗ // ЭПС – Гарант <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1741709/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

⁴ Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

⁵ Приказ МВД России (Министерства внутренних дел РФ) от 29 августа 2014 г. №736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // ЭПС – Гарант <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

Например, ст. 8.5 КоАП РФ сокрытие или искажение экологической информации, которая перешла в ведение ряда органов исполнительной власти, осуществляющие соответствующий государственный экологический надзор¹. Или ст. 7.1 КоАП РФ самовольное занятие участка земли, также перешло в исключительное ведение земельного надзорного органа².

Еще одно изменение, затронувшее административно-юрисдикционную деятельность ОВД, это часть статей, предусматривающих ответственность за незаконную деятельность во внутренних водах (ст. ст. 8.17, 11.6 КоАП РФ), управление судном в состоянии опьянения (ст. 11.9 КоАП РФ) и т.д., данные составы стали подведомственны исключительно Росприроднадзору³.

В сфере предпринимательской деятельности, административные правонарушения, предусмотренные данными статьями (ст. ст. 14.17 и 14.18 КоАП РФ) рассматриваются должностными лицами Росалкогольтабакконтроль⁴.

Таким образом, административно-юрисдикционная деятельность сотрудников полиции была обосновано оптимизирована, исключены те составы административных правонарушений, которые для ОВД не являются «приоритетными», требуют дополнительной квалификации по сбору и оценке доказательств и для производства по делу об административном правонарушении и принятия обоснованного решения в установленный законом срок, необходимости использования ведомственных ресурсов уполномоченных органов.

По нашему мнению, целью оптимизации должно быть не только устранение «дублирующих» составов, но изменения положений главы 23 КоАП РФ в части наделения сотрудников органов внутренних дел (полиции) полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

¹ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

² «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

³ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 31.09.2025). – Текст: электронный.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 30.09.2025). – Текст: электронный.

Кушхов Хажмурат Лионович,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Кабардино-Балкарского
государственного университета

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ И ИНЫХ СИЛОВЫХ СТРУКТУРАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пропорционально происходящим в современной России социально-политическим процессам растет и значимость взаимодействия государства и религиозных объединений, являя собой одну из основ построения современного российского общества. Духовно-нравственные основы человека выступают важнейшим фактором стабильности государства и общества и формируются они у индивида посредством религии, которая выполняет мировоззренческую, регулятивную, воспитательную и консолидирующую функции¹.

Следует понимать, что синергия Вооруженных Сил и традиционных религиозных объединений содержит не только обеспечение прав военнослужащих на свободу совести и вероисповедания, но и реализацию воспитательных задач, направленных, прежде всего, на увеличение боевого потенциала силовых структур РФ.

Компонентами структуры духовности военнослужащих выступают совокупность идей, чувств, верований и ценностей, включая традиции национального и регионального компонента. Религия в данном аспекте выступает регулятором общественных отношений – обязывая общество, разрешая, запрещая или устанавливая действия, соответствующие тем или иным религиозным нормам. Отсюда, приходит осознание, что такой важнейший социальный институт как религия не может находиться и функционировать вне государства и общества, должна обладать авторитетом и влиянием, а также претендовать на особое место в системе социальных отношений российского общества.

Начавшееся в 90-е гг. прошлого столетия реформирование государства не могло не затронуть и Вооруженные Силы, которые были созданы на базе прежней советской военной организации. Как мы помним в этот период наступило время запретов и официальная партийная идеология, действовавшая с 60-х гг. табуировалась. Встал вопрос: на каких идеях теперь строить воинское воспитание? И все большую актуальность в сложившихся обстоятельствах стал приобретать вопрос синергии армии и ре-

¹ Кушхов Х.Л. Об административно-правовом статусе религиозных объединений // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6-3. С. 267-270.

лигии, детерминировалась свобода совести в условиях военной службы. Военные руководители заговорили о воспитании воина-патриота на основе возродившейся российской духовности. И на самом деле советско-коммунистическую идеологию начали «механически» заменять на религиозную, прежде всего, православную. Взаимоотношения Вооруженных Сил и религиозных объединений стали предметом регламентации федерального законодательства (Закона РСФСР от 25.10.1990 г. «О свободе вероисповеданий» (прим. утратил силу))¹, а главная задача звучала так: «обогащение духовной жизни и досуга воинских коллективов, оздоровление морально-нравственного климата, совершенствование индивидуально-воспитательной работы».

Российская Федерация является плацдармом для духовного и патристического воспитания военнослужащих, где религии отводится роль влияния на политическую стабильность общества и государства.

Изучив труды ученых, которые были также занимались изучением данного вопроса, можно увидеть, что большая часть из них сошлась во мнении, что налаживание отношений между Армией и религиозными организациями стало возможно благодаря тому, что государство на определенном этапе отказалось от своей идеи тотального отрицания религии и религиозных организаций и перешло к идее свободы вероисповедания. Свобода вероисповедания гарантируется Конституцией РФ, как и иные права и свободы граждан нашей страны. Так, в статье 28 Конституции говорится о том, что каждый гражданин РФ вправе примкнуть к любой религии и религиозным организациям, исповедовать любую религию или не исповедовать никакую². Военнослужащие не являются исключением, и они также вправе сами решать исповедовать им религию или нет, распространять свои религиозные убеждения или нет. Однако, данное право, дарованное Конституцией может как благоприятно влиять на межличностные отношения между военнослужащими, так и стать причиной разжигания между ними ненависти, подрывать авторитет и репутацию Армии. Религия всегда была, есть и будет почвой для возникновения конфликтов между людьми.

Обратившись к истории, мы можем увидеть, что с самых древних времен религия была причиной возникновения войн и различных конфликтов, об этом свидетельствуют многочисленные Крестовые походы против язычников и мусульман, гонения Еврейского народа, да на нашей

¹ Закон РСФСР от 25.10.1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3953/

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

родине переход от язычества к православию не обошелся без кровопролития и применения силы в отношении язычников. И связано это в первую очередь с конкретными людьми, чьи идеи и взгляды имели радикальный характер, которые нетерпимо относились к иноверцам и истребляли их, для провозглашения своей религии. В данном случае, не стоит исключать вероятность того, что и на современном этапе есть люди с радикальными взглядами, и их присутствие в рядах нашей Армии никоим образом не может сказаться благоприятно на других военнослужащих. Основной задачей радикалистов является распространение своих взглядов среди людей и поиск единомышленников и принижение достоинства людей, исповедующих иную религию. Сталкиваясь с такими явлениями в обществе, приходит понимание, что это может привести к крупному конфликту, либо же люди просто абстрагируются от этого, но в армии это имеет немного другое влияние. По этой причине необходимо, чтобы государство тщательно контролировало религиозность военнослужащих и не допускало распространения радикальных взглядов. Изучив различную статистику, приведенную в трудах, ученых можно заметить, что больше пятидесяти процентов военнослужащих сошлись во мнении, что свобода вероисповедания идет в армии только на пользу, является опорой и поддержкой военнослужащих, а также помогает сплочению в коллективе, и они приветствуют сплочение армии и наиболее крупных религиозных объединений. Благодаря данной статистике мы можем утверждать, что, во-первых, можно заметить рост религиозности среди населения, во-вторых, о настроенности военнослужащих быть более терпимыми друг к другу и отторжение всякого жесткого отношения в армии и желание к сплочению и добросовестному несению службы на благо своей родины¹.

Также, стоит отметить работу, проделанную военным руководством, которое приложило много усилий для достижения дружественных отношений с религиозными объединениями и понимало необходимость создания для военнослужащих благоприятной обстановки в том числе и в удовлетворении их религиозных потребностей. А еще, увидело возможность формирования патриотизма среди военнослужащих при помощи религии, и уже не первый год в военных частях и гарнизонах ведется совместная работа армии и религиозных учреждений по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию военных.

Подводя итоги отметим, что в рядах Вооруженных Сил распространение религиозных взглядов и желание военнослужащих примкнуть к той или иной вере на современном этапе в большей степени идут на пользу и

¹ Рубанцова Т.А. Конституционно-правовой статус религиозных объединений как субъектов гражданского общества в России // В сборнике: Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства. сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 томах. 2016. С. 110-115.

становятся причиной по которой, на сегодняшний день военнослужащие направлены друг к другу более дружелюбно и уже на протяжении долгих лет мы не наблюдаем случаев дедовщины в армии, а видим товарищеские и дружеские отношения между военнослужащими которые вытекают и за пределы армии и благоприятно влияют на межличностные отношения. Благодаря совместной работе государства, армии и религиозных организаций удалось воспитать не одно поколение доблестных, честных патриотичных профессиональных и не только военных, что было бы недостижимо без налаживания отношений с религиозными организациями.

Лапов Иван Николаевич,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Институт специального права управления транспортными средствами¹ формировался в России исторически. Его развитие шло параллельно со становлением системы государственного контроля в сфере транспорта, начиная с первых нормативных актов начала XX века, которые регламентировали порядок допуска к управлению ТС.

Современная система обеспечения транспортной безопасности строится на необходимости поддержания баланса между защитой публичных интересов государства и соблюдения прав и свобод граждан, обладающих правом управления ТС. Поскольку управление транспортом связано с повышенным риском причинения вреда жизни и здоровью людей, материального ущерба и экологических последствий, требуется эффективная система допуска кандидатов в водители.

Продолжая развитие научной проблематики, обратимся к анализу административно-правового статуса водителя. В качестве нормативной основы понятия «транспортное средство» выступает дефиниция, сформулированная законодателем в Федеральном законе «О транспортной безопасности». Согласно ей, ТС представляют собой устройства, чье целевое назначение заключается в перевозке людей, грузов, багажа, а также иного имущества или иного оборудования, в значениях, определенных транспортным законодательством².

Наделение физического лица специальным правом управления ТС, обуславливает его вхождение в круг субъектов административного права. Данный статус включает в себя комплекс прав, обязанностей и гарантий, а также ответственность за совершенные в административно-публичной сфере правонарушения³.

Под специальным правом управления ТС понимается индивидуализированное разрешение на управление ТС, предоставленное уполномоченным государственным органом, и реализуемое в рамках поведения, дозво-

¹ Далее – «ТС».

² Федеральный закон от 09.02.2007 № 16–ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

³ Лапов, И. Н. Сущностное содержание дееспособности физического лица, приобретающего специальное право управления транспортным средством // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2024. – № 2(64). – С. 99–103.

ленного государством. Институт специального права управления ТС, включающий порядок его предоставления, прекращения, ограничения и восстановления, занимает важное место в системе административно-правового регулирования транспорта.

Для управления любым видом ТС необходимо наличие административной правосубъектности, включающей административную правоспособность и административную дееспособность¹. В ряде случаев (например, при управлении велосипедами) достаточно общей дееспособности, однако управление большинством ТС требует наличие специальной дееспособности, в структуру которой входят профессиональные знания, навыки, профессиональное (профильное) образование, состояние здоровья, возраст, а также подтверждение квалификации.

Исторический опыт формирования системы допуска водителей в России свидетельствует о том, что требования к профессиональной подготовке всегда рассматривались государством как ключевой фактор обеспечения безопасности дорожного движения. Уже в начале XX века местные административные органы устанавливали порядок проведения экзамена, медицинского обследования и проверки знаний кандидата в водители.

Так, в Российской империи экзамены принимались комиссией, состоящей из числа представителей органов местной власти, в состав которой включали полицейского и врача. К сдаче экзамена и управлению ТС допускались кандидаты только после проверки полицейским документов, удостоверяющих личность, и осмотра врачом. На экзамене кандидату нужно было продемонстрировать знание правил дорожного движения, названия и местонахождение улиц, устройство автомобиля и обладать уверенными навыками управления ТС. Кандидату, выдержавшему испытания, органами местной власти выдавалось разрешение на управление конкретным автомобилем, в котором отображалась информация о марке, модели и номере транспортного средства, а также фотография его владельца. Срок действия такого разрешения не устанавливался, что отражало ранний этап развития системы административного контроля.

С развитием транспортной отрасли и усложнением транспортных систем расширялись и механизмы государственного регулирования допуска к управлению ТС. Создавались квалификационные комиссии, а позднее – регистрационно-экзаменационные подразделения Госавтоинспекции, обеспечившие единообразие требований и централизованный контроль за подготовкой водителей. По мнению исследователей, повышение уровня подготовки водительских кадров является ключевым инструментом сни-

¹ Братановский, С. Н., Вулах, М. Г. Административно-правовой статус граждан в сфере физической культуры и спорта // Спорт: экономика, право, управление. – 2015. – № 3. – С. 14 – 19.

жения аварийности, что подтверждается многолетней практикой государственного регулирования¹.

Для допуска к квалификационным экзаменам на право управления ТС кандидат обязан предъявить документ, подтверждающий прохождение соответствующего профессионального обучения (например, свидетельство о профессии водителя²). При отсутствии такого документа допуск к сдаче квалификационного экзамена исключен.

Объективная сложность управления отдельными видами ТС (воздушными судами, кораблями, локомотивами и т.п.) предопределила появление обязательных требований по периодическому повышению квалификации. Например, пилоты обязаны проходить обучение и тренировки на типах воздушных судов не реже одного раза в три года; при перерыве более года проводится полный цикл подготовки³. Аналогичные нормы действуют для судоводителей, машинистов и иных специалистов, чья деятельность непосредственно связана с повышенной опасностью.

С учетом этого представляется обоснованным вывод о необходимости распространения требований о повышении квалификации и переподготовке на всех лиц, управляющих ТС, включая водителей личного транспорта. Современное развитие транспортной инфраструктуры, усложнение логистических процессов, увеличение потоков движения, изменение нормативных требований и технических стандартов обуславливают необходимость регулярного подтверждения знаний и навыков, независимо от статуса транспортного средства.

Важным элементом специальной дееспособности является также стажировка (испытательный срок). Для ряда категорий ТС она давно закреплена нормативно. Так, при приеме на работу водителей маршрутного транспорта работодатель допускает их к самостоятельной деятельности только после обязательной стажировки под руководством наставника и

¹ Губенков, А. О. Становление и развитие института, наделенного административно-правовыми полномочиями по допуску водителей к участию в дорожном движении в России / Общество и право. – 2015. – № 1(51). – С. 251-255.

² Приказ МВД России от 20.02.2021 № 80 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений» (в ред. от 14.10.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2021. – 23 марта. – № 0001202103230031.

³ Приказ Министерства транспорта РФ от 07.11.2019 № 360 «Об утверждении типовой дополнительной профессиональной программы «Подготовка авиационного персонала для подтверждения уровня, соответствующего требованиям к обладателю свидетельства коммерческого пилота гражданской авиации (вид воздушного судна «самолет»)» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2020. – 3 июня.

подтверждения профессионального стажа¹. Аналогичные требования применяются к пилотам воздушных судов и судоводителям, что обусловлено высокой степенью опасности соответствующих видов деятельности.

Однако для водителей личных автомобилей подобные правила отсутствуют, что создает пробел в системе формирования компетентности начинающих водителей. Стаж управления легковым автомобилем засчитывается автоматически, начиная с даты выдачи водительского удостоверения, вне зависимости от практического опыта². Отсутствие обязательной стажировки снижает уровень контроля и препятствует формированию устойчивых безопасных навыков управления.

Прохождение испытания для водителей, впервые получивших право на управление такими ТС, также не предусмотрено законодательством. Отсутствие обязательного испытательного срока с наставником для начинающих водителей существенно снижает уровень контроля и качества формирования необходимых компетенций.

Таким образом, современное административно-правовое регулирование характеризуется дифференцированным подходом к установлению профессиональных и квалификационных требований в зависимости от вида ТС, но при этом сохраняет значительные пробелы в отношении водителей личного транспорта.

Принимая во внимание историко-правовой опыт развития института допуска к управлению ТС, а также подтвержденную многолетней практикой эффективность систематической подготовки и переподготовки профессиональных водителей, представляется целесообразным:

1. ввести обязательное периодическое повышение квалификации для всех категорий водителей, независимо от формы собственности ТС;
2. закрепить нормативно стажировку после первичного получения права управления ТС, предусматривающую практику под руководством наставника;
3. установить документальное подтверждение стажа управления ТС, что позволит учитывать фактический опыт водителя;
4. унифицировать и систематизировать требования к профессиональной компетентности водителей, обеспечив единый подход ко всем видам ТС.

¹ Приказ Министерства транспорта РФ от 29.07.2020 № 264 «Об утверждении Порядка прохождения профессионального отбора и профессионального обучения работниками, принимаемыми на работу, непосредственно связанную с движением транспортных средств автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2020. – 23 ноября. – № 0001202011230085.

² Федеральный закон от 10.12.1995 № 196–ФЗ «О безопасности дорожного движения» (в ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4873.

Реализация данных мер позволит не только устранить существующие пробелы, но и повысить уровень безопасности дорожного движения, улучшить качество подготовки водителей и обеспечить эффективное функционирование института специального права управления ТС в рамках административно-правовой системы Российской Федерации. Интеграция современных информационных технологий в административный контроль позволит сформировать динамичную и гибкую модель специальной правосубъектности водителей, отвечающую требованиям цифровой эпохи и потребностям транспортной системы XXI века.

Матюхин Дмитрий Сергеевич,
курсант 302 учебной группы
Владивостокского филиала Дальневосточного
юридического института
МВД России им. И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Сон Эдуард Вадимович,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной
и административной деятельности
Владивостокского филиала «Дальневосточного
юридического института
МВД России им. И.Ф. Шилова»

ПРИВОД КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Институт мер административного обеспечения играет ключевую роль в эффективном осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, направлен на обеспечение процесса рассмотрения таких дел, а также способствует предупреждению и пресечению административных правонарушений. Одной из менее распространенных мер административного обеспечения является привод.

Так в 2024 году данная мера обеспечения применялась 7178 раз, в то время как доставление применялось 298266 раз, административное задержание – 308054 раз¹. Вместе с тем привод, по нашему мнению, выступает наиболее эффективной мерой, позволяющей обеспечить явку лиц, в отсутствие которых осуществление объективного всестороннего производства по делам об административных правонарушениях не представляется возможным.

Данная тенденция, по нашему мнению, обусловлена наличием у правоприменителей трудностей при реализации привода, что связано с отсутствием в законодательстве Российской Федерации легального определения данной меры административного обеспечения. Нет однополярного понимания по данному вопросу и среди представителей научного сообщества.

Вместе с тем, сложившиеся обстоятельства негативно сказываются на эффективности производства по делам об административных правонарушениях, к тому же привод как мера административного обеспечения реализуется посредством ограничения конституционных прав граждан. В связи с этим, неправильное его применение влечет нарушение конституци-

¹ Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/adm/t/32/s/0>
(Дата обращения: 20.09.2025)

онных прав человека и гражданина, что не соответствует принципу законности административного законодательства Российской Федерации¹.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным провести исследование привода как меры административного принуждения с целью выявления его специфики и выработки авторского определения, направленного на устранение правовых пробелов, которые послужат повышению эффективности осуществления производства по делам об административных правонарушениях и исчерпания дискуссий среди специалистов.

Анализ административно-правовых норм, регламентирующих применение рассматриваемой меры административного обеспечения, позволяет сделать вывод об отсутствии легальной дефиниции исследуемого понятия. Однако административному приводу, посвящено достаточно научных исследований. Так, Д. В. Пивоваров в своем диссертационном исследовании определяет привод как совокупность процессуального решения, принимаемого уполномоченным лицом, рассматривающим дело об административном правонарушении, и последующих действий, направленных на принудительное препровождение физического лица либо его законного представителя, в отношении которых осуществляется производство по делу об административном правонарушении, а также законного представителя несовершеннолетнего, привлекаемого к административной ответственности, либо свидетеля, который без уважительных причин уклоняется от явки по надлежащему вызову для участия в процессуальных действиях².

Профессор А. С. Телегин под приводом понимает принудительное средство, обеспечивающее обязательное участие в административном производстве лица, привлекаемого к ответственности, целью которого является обеспечение исполнения названным лицом процессуальных обязанностей, обусловленных его противоправным поведением³.

Ю. В. Помогалова считает, что административный привод является мерой административного принуждения, представляющей собой принудительное препровождение лица, участвующего в деле об административном правонарушении, к месту рассмотрения дела с целью обеспечения его обязательного участия и своевременного, правильного разбирательства

¹ См. ст. 1.6 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 05.09.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.09.2025)

² Пивоваров Д. В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, применяемые к сотрудникам полиции: дис. ... канд. юрид. наук / Пивоваров Данила Владимирович. Омск, 2017. 191 с.

³ Телегин А. С. Меры административного процессуального принуждения: некоторые вопросы применения // Вестник Пермского университета. 2014. № 1. С. 65

дела, закрепленная в статье 27.15 КоАП РФ, и применяемая в случаях неявки без уважительной причины»¹.

На основе анализа научных дефиниций административного привода представляется возможным заключить, что в научных кругах сформировалось две позиции относительно объекта привода.

Одни ученые полагают, что административному приводу могут быть подвергнуты не только лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, но и в отношении иных участников административного производства – свидетелей или законных представителей лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении².

К примеру, присутствие свидетеля действительно необходимо для объективного установления фактических обстоятельств дела и подтверждения или опровержения вины лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Зачастую, свидетель играет одну из ключевых ролей в установлении истины по делу, обеспечивая справедливое рассмотрение и принятие решения на основании всех значимых фактов и доказательств.

Другие авторы полагают, что административному приводу может быть подвергнуто исключительно лицо в отношении, которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Поддерживается позицию авторов, согласно которой объектом административного привода могут выступать не только лица, в отношении которых прямо ведется производство по делу, но также и иные участники административного процесса следует отметить, что обеспечение принудительного присутствия в ходе производства по делу об административном правонарушении, не только правонарушителя, но и иных лиц, чье присутствие обязательно, способствует реализации принципов административного судопроизводства, закрепленных в положениях ст. 6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, так как их присутствие обеспечивает полное, объективное и всестороннее рассмотрение дела.

Анализ научных дефиниций привода позволяет нам выявить обязательные признаки характеризующие рассматриваемую меру административного обеспечения:

¹ Помогалова Ю. В. Административное задержание, доставление и привод в системе мер административного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук / Помогалова Юлия Викторовна. Саратов, 2004. 212 с.

² Настасюк Д. П., Поликарпов Д. И. Привод в системе мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и правоприменения // Юрист - Правоведъ. 2020. №1 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privod-v-sisteme-mer-obespecheniya-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-problemy-teorii-i-pravoprimeneniya> (дата обращения: 19.09.2025).

1. Меры обеспечения реализуется специально уполномоченным лицом. Перечень лиц, уполномоченных на производство административного привода, установлен в соответствии с п. 1, 2 ч. 2 ст. 27.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

2. Цель рассматриваемой меры административного обеспечения заключается в обеспечении присутствия лица, чье наличие необходимо для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела об административном правонарушении.

3. Приводу подлежит лицо, которое было заблаговременно извещено о необходимости явки к месту проведения процессуальных мероприятий, однако без уважительных причин не явилось. К обязательным условиям осуществления административного привода следует относить: официальное определение даты и места рассмотрения административного дела; уведомление лица, что его присутствие в рассмотрении дела об административном деле необходимо.

4. Административный привод носит принудительный характер, то есть его реализация не зависит от воли лица в отношении которого применяется данная мера административного обеспечения. Данный вывод согласуется с положениями 3 ст. 20 Федерального закона от 07.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции», в соответствии с которым сотрудники полиции имеют право применять физическую силу при осуществлении административного привода.

На основании изложенного мы предлагаем понимать под приводом как мерой административного обеспечения принудительное физическое препровождение уполномоченным на то должностным лицом, субъекта в отношении которого ведется административное производство либо иного участника административного производства, уведомленного в установленном законом порядке, и не явившегося без уважительной причины, в целях объективного всестороннего производства по делу об административном правонарушении. Считаем, что предложенное нами понятие могло бы найти свое отражение в положениях административного законодательства Российской Федерации в целях исключения разноречий в правоприменительной деятельности и научных кругах.

Полагаем, что предложенные нами нововведения способствуют более объективному и всестороннему производству по делам об административных правонарушениях.

Нехай Асиет Юрьевна,
доцент кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В Российской Федерации одной из приоритетных целей всей правовой системы выступает защита прав и свобод человека и гражданина. Необходимо отметить, что вопросы, связанные с обеспечением прав и свобод граждан, во многом носят универсальный характер, а каждый орган государственной власти и управления в пределах своей функциональной компетенции их защищает и охраняет¹. Административная деятельность органов внутренних дел не является исключением, наоборот, выступает одной из главных составных частей правоохранительных органов. Однако из этого вытекает и противоположное: в силу того, что именно в административной деятельности сотрудники чаще контактируют с гражданами, в этой отрасли наиболее часто возникают конфликты, связанные с выбором между необходимостью реализации государственных функций и соблюдением конституционных гарантий личности. Так, необходимо выделить ряд нарушений прав человека и гражданина в административной практике (из всех существующих) которые на данный момент встречается чаще всего.

В первую очередь, следует назвать одну из ключевых проблем, возникающих на поприще административной деятельности – несоблюдение процессуальных гарантий при осуществлении административных процедур. Наиболее распространённым нарушением следует считать задержание граждан, выполненное с нарушением требований действующего административного законодательства. Судебная практика фиксирует случаи превышения установленного срока задержания, отсутствия оснований для задержания, неправильного назначения, нарушения сроков давности, а также пренебрежением права использования защитника. Например: Решение по гражданскому делу (кассация) по иску гражданина Корзунова А.В. к сотрудникам УМВД России по г. Смоленску по факту незаконного задержания²; Решение Нижневартковского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры по административному исковому заявлению

¹ Грищенко А.Н. Проблемы «охраны», «защиты» и «обеспечения» прав и свобод граждан и административные функции полиции. Государство и право. 2018. № 8. С. 33-44.

² Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7.09.2021 г. № Дело № 88-18488/2021 г. Москва

ФИО1 к УМВД РФ по г.Нижневартовску о признании незаконным административного доставления и задержания¹ и др.

Особое внимание следует обратить на условия пребывания граждан в местах принудительного содержания подозреваемых, обвиняемых, административно-арестованных. Среди наиболее актуальных проблем – вопросы медицинского и санитарного обеспечения. В изоляторах временного содержания и помещениях для административно-арестованных часто отсутствуют душевые кабины, санпропускники с дезинфекционными камерами, не всегда соблюдаются санитарные нормы площадей камер. Требуется практического решения вопрос о раздельном содержании курящих и некурящих.

Имеют место случаи, когда задержанные размещаются в камерах, в которых отсутствуют не только принудительная вентиляция, но и естественное освещение². В них просто нет окон, и камера напоминает в буквальном смысле каменный мешок. Серьезная проблема – этапирование арестованных. При перевозке задержанные и сотрудники конвойных подразделений испытывают значительные неудобства. Содержание людей в летнюю жару или зимний холод в металлических отсеках спецтранспорта подобно мучениям и издевательствам³.

Анализ заключений экспертов позволяет сделать вывод о том, что наиболее характерными нарушениями прав и законных интересов лиц, находящихся в изоляторах временного содержания, факторами, влияющими на их ущемление, являются⁴:

- 1) плохо организованное информирование о правах содержащихся лиц, правилах внутреннего распорядка;
- 2) отсутствие в камерах радиоприемников;
- 3) отсутствие гигиенических принадлежностей для женщин;
- 4) отсутствие или необорудование прогулочных дворов;
- 5) содержание несовершеннолетних со взрослыми;
- 6) неудовлетворительное оборудование помещений для сотрудников ИВС;
- 7) отсутствие улучшенных условий пребывания несовершеннолетних;
- 8) отсутствие мебели в камерах;
- 9) отсутствие видеоконтроля;
- 10) отсутствие принудительной вентиляции;

¹ Решение Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры по административному делу №2а-327/2020 от 17.01.2020 г.

² Оводкова Л.С. Деятельность прокуратуры и уполномоченного по правам человека по обеспечению прав и законных интересов лиц в местах принудительного содержания : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.11 Рязань 2014

³ Канкулов А.Х. Характеристика нарушений прав человека в деятельности органов внутренних дел. Человек: преступление и наказание. 2015. № 4. С. 161-163

⁴ Оводкова Л.С. К вопросу о правах человека в условиях изолятора временного содержания. Человек: преступление и наказание. 2013. № 4 (83). С. 132-134

11) отсутствие изолированных туалетов.

Подобные действия, так или иначе, нарушают конституционные права граждан на свободу и личную неприкосновенность и, несомненно, свидетельствуют, во-первых, о недостаточном контроле должностных лиц, а во-вторых их некомпетентности и необходимости совершенствования существующей системы и порядка.

Следующим достаточно распространенным нарушением является необоснованное или неправильное применение физической силы и специальных средств. Хотя Федеральный закон «О полиции» достаточно чётко и подробно приписывает условия и пределы их применения, в практике до сих пор остаются случаи, когда сила применяется в несоразмерном соответствии с самой угрозой. Однако здесь необходимо уточнить о сохранении баланса, между ограничением силы сотрудника, и его возможностью с помощью неё защитить себя и других граждан, ведь не ограничивая права лиц, нарушающих общественный порядок и общественную безопасность, мы рискуем допустить нарушение прав и свобод других граждан.

Особое место в выделенных нами существующих проблемах административной деятельности стоит выделить проблеме обеспечения права на защиту персональных данных и неприкосновенности частной жизни. Как уже ранее отмечалось, в условиях активного внедрения различных цифровых систем и технологий в административную деятельность ОВД возникает всё большая вероятность возникновения случаев неправомерного сбора, хранения или передачи персональных данных¹. Особенно актуальным это становится в условиях внесения изменений в Федеральный закон «О персональных данных»². Установка и применение систем видеонаблюдения, применение биометрических технологий, а также поиск правонарушителей по их «цифровому следу» требует не только условия их эффективности, но и соблюдения норм указанного закона.

Быстро развивающиеся технологии обработки информации в современном мире позволяют использовать созданные человеком блага все эффективнее с каждым днем. Уже с 2017 года власти Москвы начали применять технологию распознавания лиц к городской системе видеонаблюдения, а с сентября 2020 года систему начали применять в московском метрополитене, охватывающая все станции метро.

На сегодняшний день система является одной из самых крупных в мире сетей с распознаванием лиц (более 200 тысяч задействованных камер). Её успешная апробация была доказана в 2020 году во время панде-

¹ Амелин Р.В., Богатырева Н.В., Волков Ю.В., Марченко Ю.А., Федосин А.С. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных». - Специально для системы ГАРАНТ, 2013 г.

² Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных»

мии, когда с ее помощью выявили более 200 нарушителей карантина и самоизоляции.

Правоохранительные органы, включая и органы внутренних дел, имеют доступ к данной системе с любого устройства, в том числе и мобильного. Такое обстоятельство делает практически неизбежными случаи злоупотребления использованием данной системы со стороны указанных органов. Например: для возможного незаконного сбора информации о конкретном лице¹.

Ещё одной не менее важной проблемой выступает формальный подход со стороны сотрудников правоохранительных органов к проведению профилактических работ. Несмотря на важность предупредительного направления работы в административной деятельности, в практике чаще прибегают к репрессивным подходам, в силу различных внешних и внутренних причин, таких, например, как нехватка кадров, огромное количество работы и т.д. В результате, снижается доверие граждан к органам внутренних дел, и происходят конфликты, которых можно было бы изначально избежать.

Таким образом, исследование современной практической административной деятельности позволяет разделить существующие нарушения прав человека на несколько групп:

- процессуальные, включающие ошибки сотрудников в совершении и проведении процессуальных действий и нарушении норм административного права;
- материальные, включающие необоснованное применение силы и спецсредств;
- цифровые, нарушающие права граждан на неприкосновенность частной жизни и на защиту персональных данных;
- профилактические, выраженные в пассивном характере осуществления предупредительных мер и активной их заменой репрессивными мерами.

Итак, перечисленные нарушения свидетельствуют о значимости дальнейшего совершенствования административной деятельности полиции с точки зрения обеспечения законности и приоритета прав и свобод. Необходимо системный пересмотр правовых и практических механизмов: усиление контроля, повышения компетентности сотрудников правоохранительных органов, внедрения отдельных механизмов мониторинга административной деятельности. Только добившись приоритета прав человека и гражданина, административные функции органов внутренних дел смогут реализовываться в полном соответствии с установленными конституцией нормами.

¹ Бернатанец А.Д. Проблемы определения границ законности обработки биоэтрических персональных данных граждан с использованием системы распознавания лиц. Вестник магистратуры. 2023. № 5-3(140). С. 84-86

Носиров Мирзокил Мухаммадович,
адъюнкт кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР

Административное принуждение является важнейшим элементом системы государственного управления и правоприменительной деятельности в Республике Таджикистан. Оно представляет собой совокупность мер, применяемых уполномоченными органами и должностными лицами в целях обеспечения соблюдения административно-правовых норм, пресечения правонарушений, а также наказания виновных. В условиях укрепления правового государства и повышения требований к законности деятельности государственных органов в сфере административного принуждения должна строго соответствовать нормам действующего законодательства.

В последние годы в Таджикистане произошли значительные изменения в правовом регулировании административной ответственности. Особое значение приобрёл Процессуальный административный кодекс Республики Таджикистан (ПАК РТ), принятый 14 июня 2022 года и вступивший в силу 1 января 2023 года. Данный кодекс систематизировал процессуальные нормы, регулирующие порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, и тем самым значительно повысил уровень правовой защиты участников административного процесса.

Цель данной статьи раскрыть понятие административного принуждения в Республике Таджикистан, проанализировать его правовую природу и функции, а также представить современную классификацию мер административного принуждения с учетом положений Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РТ) и Процессуального административного кодекса (ПАК РТ).

Административное принуждение – это система мер государственного воздействия, применяемых компетентными органами в случае нарушения административно-правовых норм или с целью предотвращения таких нарушений. Оно является одним из инструментов реализации исполнительной власти и служит для поддержания общественного порядка, защиты прав и свобод граждан, а также обеспечения функционирования государственного механизма.

Согласно статье 1 КоАП РТ, административное принуждение применяется в рамках административной ответственности и направлено на предупреждение, пресечение и наказание административных правонарушений. В свою очередь, ПАК РТ (статья 1) уточняет, что административное принуждение осуществляется в строгом соответствии с установленной

процессуальной формой, что подчёркивает его правовой характер и необходимость соблюдения процедуры.

Сущность административного принуждения заключается в принудительном характере государственного воздействия, которое осуществляется в интересах общества и государства. Оно отличается от уголовного наказания меньшей степенью общественной опасности деяний, к которым применяется, а также более упрощённой процедурой привлечения к ответственности.

К основным признакам административного принуждения относятся: государственный характер (меры применяются только уполномоченными органами); принудительность (действия осуществляются без согласия лица); законность (все меры должны быть основаны на законе); оперативность (многие меры применяются непосредственно на месте правонарушения); процессуальная обоснованность (с введением ПАК РТ особое значение приобретает соблюдение процессуальных норм).

Таким образом, административное принуждение – это не просто механизм наказания, а комплексный правовой институт, обеспечивающий реализацию государственной власти в административной сфере.

Правовое регулирование административного принуждения в Таджикистане базируется на нескольких ключевых нормативных актах.

Конституция Республики Таджикистан¹ закрепляет основные права и свободы человека, принципы законности, равенства перед законом и запрет произвольного вмешательства в частную жизнь (статьи 18, 19, 20, 51). Эти положения являются фундаментом для ограничения применения мер принуждения.

Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (КоАП РТ)² определяет виды административных правонарушений, круг субъектов, уполномоченных применять меры принуждения, а также виды административных взысканий.

Процессуальный кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (ПАК РТ)³ года и призван систематизировать процессуальные нормы, регулирующие производство по делам об административных правонарушениях. ПАК РТ установил единые правила возбуждения, расследования, рассмотрения и обжалования дел, что значительно повысило прозрачность и защиту прав участников процесса.

¹ Конституция Республики Таджикистан [//www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=me5hl5uka505850248](http://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=me5hl5uka505850248).

² Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414710&ysclid=me5hn4njq235345167.

Процессуальный кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях <https://sud.tj/upload/iblock/5a1/bbz7gduqtkvrguuskhtfl6vgbiw0mm.pdf?ysclid=me5hrs858k813469687>.

Отраслевые законы, такие как Закон «О милиции»¹, «О дорожном движении»² и др., в которых содержатся специальные нормы о применении мер принуждения в конкретных сферах.

Особое значение ПАК РТ заключается в том, что он чётко разделяет материальные (КоАП) и процессуальные (ПАК) аспекты административной ответственности. Это позволило избежать правовой неопределённости, повысить качество правоприменения и обеспечить соблюдение принципов состязательности, гласности и правовой защиты.

Административное принуждение выполняет ряд взаимосвязанных функций, которые способствуют эффективному функционированию системы государственного управления:

1) регулятивная функция заключается в поддержании установленного правопорядка и обеспечении выполнения обязанностей, возложенных на граждан и организации. Например, соблюдение правил дорожного движения или санитарных норм;

2) охранительная функция направлена на защиту прав и интересов граждан, государства и общества. Примером является задержание лица, совершившего хулиганство, или изъятие контрафактной продукции;

3) превентивная функция предполагает применение мер, предотвращающих возможные правонарушения. К ним относятся предупреждения, проверки, предписания;

4) воспитательная функция через наказание и разъяснение правовых норм формирует правосознание у граждан. ПАК РТ (статья 5) подчеркивает, что цель административного производства не только наказание, но и предупреждение правонарушений;

5) карательная функция реализуется через применение административных взысканий (штраф, арест и др.) к лицам, виновным в совершении правонарушений.

Все эти функции реализуются в строгом соответствии с положениями КоАП и ПАК РТ, что обеспечивает баланс между интересами государства и правами личности.

Меры административного принуждения в Таджикистане подразделяются на несколько групп в зависимости от целей, характера и порядка применения. Классификация основана на положениях КоАП РТ (глава 11) и ПАК РТ (разделы II–V).

По целям применения:

¹ Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 года №41 «О милиции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17 декабря 2020 года) // <https://www.trafficpolice.tj/ru/zakony-rt/qonunho/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-militsii>.

² Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2018 года № 1533 «О дорожном движении» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 февраля 2025 года) // <https://www.trafficpolice.tj/ru/zakony-rt/qonunho/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-dorozhnom-dvizhenii>.

– меры предупреждения применяются до совершения правонарушения или на стадии его начала (предостережение (ст. 70 КоАП РТ), проверка документов, предписание об устранении нарушений (ст. 71 КоАП), временный запрет на деятельность (ст. 72 КоАП));

– меры пресечения применяются для немедленного прекращения правонарушения (задержание лица (ст. 25 ПАК РТ), остановка транспортного средства, изъятие орудий или предметов правонарушения (ст. 80 КоАП));

– меры наказания (административные взыскания) применяются после установления вины (предупреждение, штраф, конфискация, лишение специального права (например, водительских прав), административный арест (до 15 суток), дисквалификация).

По характеру воздействия:

– имущественные меры: штраф, конфискация, возмещение ущерба;
– личные меры: административный арест, дисквалификация;
– организационные меры: приостановление деятельности, отзыв лицензии.

По степени строгости:

– легкие меры: предупреждение, устное замечание;
– средние меры: штраф, лишение права;
– тяжелые меры: арест, конфискация, дисквалификация.

По субъектам применения:

– судьи рассматривают дела, назначают арест, штрафы, дисквалификацию (ст. 21 ПАК РТ);

– органы внутренних дел — применяют задержание, штрафы, лишение прав (ст. 22 ПАК РТ);

– таможенные органы — вправе применять штрафы и конфискацию (ст. 24 ПАК РТ);

– санитарно-эпидемиологические и экологические службы – выдают предписания, приостанавливают деятельность.

Введение ПАК РТ позволило четко разграничить этапы применения мер принуждения и установить ответственность за их незаконное применение.

Административное принуждение в Республике Таджикистан представляет собой сложный и многогранный правовой институт, находящийся на стыке материального и процессуального права. Его развитие в последние годы, особенно с принятием Процессуального административного кодекса РТ, свидетельствует о движении страны в сторону более справедливого, прозрачного и защищённого правопорядка.

Понятие административного принуждения охватывает широкий спектр мер от профилактических до карательных, каждая из которых должна применяться в строгом соответствии с законом. Классификация

этих мер по целям, характеру, субъектам и процессуальным основаниям позволяет обеспечить их системное и сбалансированное применение.

Важнейшую роль в этом процессе играет ПАК РТ, который не только упорядочил производство по делам об административных правонарушениях, но и укрепил гарантии прав граждан. В будущем необходимо продолжать совершенствовать законодательство, повышать правовую культуру должностных лиц и расширять доступ к правосудию, чтобы административное принуждение служило не инструментом давления, а средством справедливости и правопорядка.

Оздоева Лейла Абубакаровна,
слушатель 5 курса
Краснодарского университета МВД России
Научный руководитель:
Денисенко Снежана Геннадьевна,
доцент кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ

Распространение непристойной информации на маркетплейсах представляет собой одну из наиболее острых проблем современной цифровой среды, требующую комплексного подхода к ее решению. Современное общество переживает этап активной цифровизации, в рамках которого традиционные формы коммерческой деятельности трансформируются под влиянием информационных технологий. Особое место в этой трансформации занимают маркетплейсы – многофункциональные цифровые платформы, объединяющие в едином информационном пространстве тысячи продавцов и миллионы потребителей.

Подобные платформы кардинально меняют привычные модели потребления, обеспечивая пользователям беспрецедентный доступ к товарам и услугам в режиме реального времени. Цифровизация торговли становится неотъемлемым элементом повседневной жизни граждан, формируя новые паттерны поведения и ожиданий в отношении коммерческих услуг. Однако наряду с очевидными преимуществами цифровой торговли – экономией времени, расширением ассортимента, удобством оформления заказов – возникает ряд серьезных правовых и социальных проблем, требующих немедленного внимания со стороны государства и бизнеса.

Одной из наиболее деликатных и социально значимых проблем становится распространение непристойной информации в рамках маркетплейсов, что создает угрозу прежде всего для наиболее уязвимой категории пользователей – несовершеннолетних, чья способность критически оценивать потребляемый контент еще не сформирована в полной мере.

Теоретико-правовое осмысление понятия «непристойная информация» требует особого внимания в контексте регулирования цифрового пространства. На сегодняшний день российское законодательство не содержит единого, исчерпывающего определения данного феномена, что создает правовую неопределенность при квалификации подобных правонарушений и затрудняет работу правоохранительных органов по выявлению и пресечению распространения вредоносного контента. В доктрине под

непристойной информацией понимается контент, содержащий откровенные сцены сексуального характера, изображения насилия, жестокости, пыток, убийств, а также материалы, унижающие человеческое достоинство и пропагандирующие девиантное поведение.

Ключевым признаком выступает нарушение общепринятых норм морали и нравственности, способное оказать деструктивное влияние на психику и мировоззрение потребителя информации. Особую тревогу вызывает воздействие подобного контента на несовершеннолетних, чья психоэмоциональная сфера находится в стадии активного формирования и особенно восприимчива к внешним информационным воздействиям. В связи с этим Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹ в статье 5 устанавливает дифференцированный подход к ограничению доступа к информации в зависимости от возрастной категории пользователей.

Однако ввиду того, что механизм отслеживания оборот такого рода контента не установлен, то привлечение к ответственности лиц, осуществляющих распространение в информационно-коммуникационной системе «Интернет» информации, являющейся непристойной, затруднен. В рамках деятельности сотрудников полиции не прописаны обязанности по осуществлению мониторинга сети «Интернет», в большинстве случаев о таких фактах, к числу которых можно отнести административные правонарушения, предусмотренные статьями 5.61, 6.17, 6.20, 6.21, 6.21.1, 6.21.2 20.1, 20.3.3 КоАП РФ², правоохранительные органы узнают непосредственно из заявлений и сообщений самих граждан.

На практике данные нормы часто не исполняются в полной мере из-за отсутствия эффективных механизмов технической реализации возрастных ограничений в цифровой среде, а также вследствие недостаточной проработанности правовых инструментов контроля за соблюдением установленных требований. Необходимо отметить, что правовая неопределенность в определении непристойной информации усугубляется динамичным характером цифровой среды, где постоянно возникают новые формы представления контента, требующие адаптации правовых норм и критериев оценки.

Разберем данную проблему на примере популярного на сегодняшний день маркетплейса Wildberries. На данной интернет-платформе каждый

¹ Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»// СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 20.09.2025);

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // ЭПС – Гарант <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 30.09.2025). – Текст: электронный.

день заказывают большое количество различных товаров от продуктов питания до бытовой техники. Представленный интернет-магазин хоть и имеет много плюсов, к числу которых можно отнести широкий ассортимент товаров, низкие цены, удобство покупки, возможность примерки, быстрая доставка, возможность возврата товара, система рейтингов и оценок, несёт в себе и достаточно большое количество проблем. Выделим некоторые из них:

1. Масштабность осуществляемой ежедневно работы огромна, что делает невозможным обрабатывать и осуществлять проверку всего товара, производить работу над текстами отзывов покупателей (к ним относятся также фото- и видеоизображения), содержащих непристойную информацию. Данный материал является доступным остальным пользователям сайта, к числу которых также относятся несовершеннолетние, что может оказать негативное воздействие на их здоровье и эмоциональное состояние¹;

2. Проблема возрастного ограничения. На странице Wildberries может зарегистрироваться любое лицо, пройдя простую регистрацию, включающую введение персональных данных, но как таковых ограничений в покупке товаров нет. В связи с чем несовершеннолетний может беспрепятственно заказать товар +18 если укажет в всплывающем окне сайта дату рождения старше своего возраста. Опасность состоит в том, что в этом онлайн-магазине представлены различные категории товаров, в числе которых в каталоге указаны «Товары для взрослых», которые также несовершеннолетний может без каких-либо ограничений посмотреть и заказать;

3. Консультанты на пункте выдачи заказанных товаров не проверяют документы, удостоверяющие личность для подтверждения возраста лица, т.е. подросток может забрать товар, которых не только способен навредить его психическому состоянию, но и навредить его физическому здоровью;

4. Сложность в определении степени ответственности самой платформы Wildberries за контент, размещаемый в ней. Связано это с тем, что эта платформа работает на международном уровне, т.е. в ней размещена наряду с отечественной продукцией, продукция зарубежных продавцов, отследить и тем более привлечь к ответственности, которых за распространение непристойной информации достаточно сложно;

5. Существующий перечень запрещенной к продаже в интернет-магазине продукции установленный Роспотребнадзором на основе закона Российской Федерации от 7.02.1992 г. №2300-1 «О защите прав потребителей»² и Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 №2463 «Об

¹ Внимание прокуратуры к проблеме распространения непристойной информации. URL: <https://myslo.ru/amp/news/mir/2024-11-05-prokuratura-proverit-wildberries-ozon-i-aliexpress-na-nalichie-kontenta-18> (дата обращения: 25.09.2025).

² Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 25.09.2025).

утверждении правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»¹ устанавливает запрет на продажу продукции пропагандирующую наркотики, экстремизм, терроризм, однако, используя различные приёмы обхода систем модерации продавцы всё равно распространяют данный товар (например, футболки с изображением листьев конопли).

Правовые пробелы и сложности привлечения к ответственности за распространение непристойной информации на маркетплейсах становятся очевидными при анализе действующего законодательства и практики его применения. Существующая нормативная база предусматривает административную ответственность за подобные правонарушения, однако механизм отслеживания оборота такого рода контента в цифровой среде не установлен в должной мере, что существенно затрудняет привлечение нарушителей к ответственности. В рамках полномочий сотрудников полиции не прописаны конкретные обязанности по осуществлению систематического мониторинга сети «Интернет» в профилактических целях.

В большинстве случаев о фактах распространения непристойной информации правоохранительные органы узнают исключительно по заявлениям и сообщениям самих граждан, что снижает оперативность реагирования и позволяет правонарушителям продолжать свою деятельность в течение длительного времени.

Дополнительную сложность представляет определение субъекта ответственности: маркетплейсы позиционируют себя как технические посредники, не несущие прямой ответственности за контент, размещаемый третьими лицами – продавцами. При этом многие продавцы зарегистрированы за пределами Российской Федерации, что создает непреодолимые юрисдикционные барьеры при попытках привлечения их к ответственности в соответствии с российским законодательством.

Отсутствие единой методологии квалификации непристойной информации также затрудняет правоприменительную практику, поскольку

¹ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 (ред. от 17.05.2024) "Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации"// СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 25.09.2025).

экспертиза подобного контента требует привлечения специалистов различных профилей и занимает значительное время. Важно подчеркнуть, что правовая ответственность за распространение непристойной информации должна учитывать не только прямых распространителей, но и технических посредников, чья роль в цифровой экосистеме постоянно возрастает, что требует пересмотра традиционных подходов к распределению ответственности в информационной среде.

Анализ проблем распространения непристойной информации на примере популярных маркетплейсов позволяет выявить системные недостатки существующих механизмов контроля. Масштабность ежедневной деятельности подобных платформ создает объективные трудности для осуществления полноценной проверки всего размещаемого контента. Помимо карточек товаров с их описаниями и изображениями, особую сложность представляет модерация пользовательских отзывов, которые могут содержать как текстовые описания непристойного характера, так и фото- и видеоматериалы, доступные для просмотра всеми пользователями платформы, включая несовершеннолетних. Проблема возрастного ограничения приобретает особую актуальность в условиях, когда регистрация на платформе требует лишь указания даты рождения без подтверждения подлинности предоставленных данных. Это позволяет несовершеннолетним пользователям беспрепятственно регистрироваться как совершеннолетние и получать доступ к категориям товаров и контента, предназначенных исключительно для взрослой аудитории.

Дополнительную угрозу создает отсутствие контроля на этапе получения заказа: сотрудники пунктов выдачи не уполномочены проверять документы, удостоверяющие личность получателя, что делает возможным для несовершеннолетних забрать заказанные товары, относящиеся к категории 18+. Сложность в определении степени ответственности самой платформы за размещаемый контент усугубляется международным характером деятельности маркетплейсов, когда наряду с отечественными продавцами на платформе представлены зарубежные контрагенты, находящиеся вне досягаемости российского законодательства. Несмотря на существование перечня запрещенной к продаже продукции, продавцы нередко используют изощренные методы обхода систем модерации, маскируя запрещенный контент под допустимые категории товаров или используя эвфемизмы в описаниях. Следует также учитывать, что современные технологии позволяют легко модифицировать визуальный контент, что создает дополнительные трудности для автоматических систем фильтрации и требует постоянного совершенствования алгоритмов распознавания потенциально опасного материала.

Для решения описанных проблем представляется необходимым разработать и внедрить комплекс мер правового, технологического и организационного характера.

На законодательном уровне требуется закрепить четкое и исчерпывающее определение непристойной информации, включающее критерии ее идентификации и квалификации. Это позволит унифицировать подходы правоохранительных органов, экспертов и самих платформ к выявлению и удалению вредоносного контента.

Следует установить обязательные требования к системам модерации, применяемым маркетплейсами, включая использование современных технологий искусственного интеллекта, обученных на российских данных, а также внедрение многоуровневой системы проверки контента перед его публикацией.

Необходимо усовершенствовать механизмы возрастной верификации, перейдя от простого указания даты рождения к многофакторной аутентификации с использованием подтвержденных источников данных. На пунктах выдачи заказов следует ввести обязательную проверку документа, удостоверяющего личность, при получении товаров категории 18+, что создаст дополнительный барьер для доступа несовершеннолетних к потенциально вредному контенту.

Целесообразно дополнить Федеральный закон «О полиции»¹ положением, предоставляющим сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних и подразделений по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий право на проведение выборочного мониторинга открытых разделов маркетплейсов в целях выявления нарушений законодательства о защите детей, при обязательном соблюдении правовых гарантий и ограничений для предотвращения злоупотреблений.

Важным шагом станет создание межведомственного реестра недобросовестных продавцов, включение в который будет влечь автоматическую блокировку возможности регистрации на любых российских маркетплейсах.

Необходимо также рассмотреть вопрос о введении института субсидиарной ответственности маркетплейсов за контент, размещаемый продавцами, при условии неисполнения платформой установленных законом обязательных мер модерации. При этом важно найти баланс между необходимостью защиты несовершеннолетних и сохранением принципов свободы предпринимательской деятельности, что требует тщательной правовой проработки предлагаемых мер.

Проблема распространения непристойной информации в маркетплейсах является серьезным вызовом, находящимся на стыке права, технологий и социальной политики. Ее решение невозможно без тесного взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества.

¹ Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 25.09.2025).

С одной стороны, требуется совершенствование законодательной базы, устранение пробелов в правовом регулировании и усиление полномочий правоохранительных органов в цифровой среде. С другой стороны, маркетплейсы как ключевые участники цифровой экосистемы должны взять на себя большую ответственность за качество размещаемого контента, инвестировать в современные технологии модерации и внедрять передовые практики возрастной верификации.

Особое внимание следует уделить профилактической работе с несовершеннолетними и их родителями: развитию медиаграмотности, формированию навыков критического потребления информации в цифровой среде. Только при условии комплексного подхода – правового, технологического и просветительского – возможно создание безопасной цифровой среды для всех пользователей, особенно для детей и подростков. В условиях стремительного развития цифровой экономики защита прав и интересов несовершеннолетних должна стать приоритетом государственной политики, а маркетплейсы – не только торговыми площадками, но и ответственными участниками формирования здоровой информационной культуры в обществе.

Необходимо осознавать, что решение данной проблемы требует не только правовых мер, но и формирования у граждан культуры ответственного потребления цифровых услуг, что возможно лишь через системную образовательную работу и повышение правовой грамотности населения.

Поделякин Александр Александрович,
старший преподаватель кафедры административной
деятельности органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ЛИЦАМИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

В системе мер правового воздействия на участников дорожного движения центральное место занимает административная ответственность, которая в случаях совершения правонарушений приобретает особую социальную и правовую значимость. Несмотря на постоянное совершенствование законодательства, вопросы, связанные с административной ответственностью в этой области, продолжают вызывать значительный научный и правотворческий интерес, что подчеркивает их неснижаемую актуальность.

Теоретические подходы к определению административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения позволяют выявить ее специфические черты и признаки. Особое внимание уделяется системе административных наказаний за управление транспортным средством¹ в состоянии опьянения, их эффективности и эволюции правового регулирования.

Административная ответственность, будучи разновидностью юридической ответственности, представляет собой сложное многогранное явление. Вместе с тем в административном законодательстве отсутствие четкого определения административной ответственности порождает множественность научных подходов к ее осмыслению.

Многообразие научных взглядов на административную ответственность подчеркивает ее сложность и важную роль в правовой системе. В доктрине административного права исследование административной ответственности рассматривалось через уточнение сущности административного правонарушения. Как справедливо отмечают Ахмадуллина И.А. и Фардеева И.Н. в научной юридической литературе можно выделить несколько подходов в понимании административной ответственности. Одни авторы акцентируют внимание на правоотношении, возникающем между правонарушителем и государством, тогда другие подчеркивают ее превентивно-восстановительную функцию, связанную с обязанностью лица претерпеть неблагоприятные последствия и осознать противоправность своих действий².

¹ Далее – ТС.

² Ахмадуллина, И. А. К вопросу о понятии административной ответственности как вида юридической ответственности / И. А. Ахмадуллина, И. Н. Фардеева // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 1(70). – С. 231-236. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.70.1245. – EDN XSVHAI.

Липинский Д.А. определяет административную ответственность через призму управленческих отношений, указывая, что она наступает за нарушение норм, охраняющих интересы личности, общества и государства и находящихся в сфере контроля исполнительных органов власти¹. Агапов А.Б. рассматривает ее как вид публично-правовой ответственности за деяния, причиняющие малозначительный реальный или возможный ущерб охраняемым законом интересам².

Бельский К.С. предлагает трехаспектный подход к пониманию административной ответственности: как совокупности материальных и процессуальных норм; как охранительного правоотношения; и как производства по делам об административных правонарушениях³. Подобный комплексный взгляд позволяет наиболее полно раскрыть содержание данного института.

Таким образом, обобщая различные точки зрения, под административной ответственностью следует понимать правовой механизм, предусматривающий применение установленных государством санкций к субъектам административных правоотношений за совершение административных проступков. Данный механизм включает не только карательные меры, но и превентивные подходы, направленные на предупреждение правонарушений, возмещение вреда и защиту прав лиц, привлекаемых к ответственности.

К числу ключевых признаков административной ответственности относятся:

- нормативное закрепление составов административных правонарушений в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ и законах субъектов Российской Федерации;
- применение административного наказания;
- наличие административного правонарушения в качестве основания для привлечения к ответственности;
- субъектный состав, включающий физических и юридических лиц;
- соблюдение установленной процессуальной формы при привлечении к ответственности;

¹ Липинский, Д. А. Функции административной ответственности / Д. А. Липинский // NB: Административное право и практика администрирования. – 2015. – № 3. – С. 63-93. – DOI 10.7256/2306-9945.2015.3.15975. – EDN UCTDPF.

² Агапов, А. Б. Административная ответственность : учебник для вузов / А. Б. Агапов. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 495 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17833-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/559765> (дата обращения: 09.09.2025).

³ Бельский, К. С. К вопросу об определении понятия административной ответственности // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы. Сборник статей. - М.: Юрист, 2004. - С. 180-183.

⁴ Далее – КоАП РФ.

- отсутствие судимости и, как правило, возможности увольнения как правовых последствий;
- превентивная и воспитательная цели;
- широкий круг уполномоченных субъектов, применяющих административную ответственность.

Институт административной ответственности базируется на фундаментальных принципах законности, презумпции невиновности, равенства перед законом, неотвратимости наказания, справедливости, гуманизма и обеспечения права на защиту.

Рассматривая административную ответственность в области дорожного движения, стоит отметить, что все составы административных правонарушений указанной категории сконцентрированы в главе 12 КоАП РФ. Однако ни в самой главе, ни в КоАП РФ в целом не содержится дефиниции такой ответственности, что затрудняет однозначное понимание данного правового института. В связи с этим разработка его четкого определения имеет ключевое значение для доктринального осмысления и эффективного применения.

В юридической научной литературе также не выработано единого подхода в понимании административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения. Так, Попова М.М. определяет ее как механизм, основанный на нормах федерального и регионального законодательства¹, что является чрезмерно общим. Более содержательным представляется определение Лохбаума В.А., который рассматривает административную ответственность как средство правовой защиты общественных отношений, направленное на поддержание их стабильности, защиту участников дорожного движения и предупреждение новых правонарушений².

Таким образом, административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения представляет собой юридически значимое последствие противоправного деяния, выражающееся в комплексе правоограничений, возлагаемых на виновное лицо (участника дорожного движения, юридическое или должностное лицо) на основании санкции административно-правовой нормы.

Содержание данного вида административной ответственности включает:

- юридический состав правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона);

¹ Семисчастнов, Е. А. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения: актуальные вопросы теории / Е. А. Семисчастнов // Молодой ученый. – 2022. – № 41(436). – С. 191-193. – EDN PWKJVE.

² Лохбаум, В. А. Административная ответственность в системе предупреждения административных правонарушений в области дорожного движения / В. А. Лохбаум // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. – 2020. – № 3. – С. 105-108. – EDN LVUMKP.

- квалификацию фактически совершенного деяния по соответствующей административно-правовой норме;
- назначение вида административного наказания, предусмотренного санкцией нормы¹.

Эволюция законодательства об административной ответственности в области дорожного движения, как отмечает Молчанов П.В., прошла три этапа: до 1984 г. (отсутствие единого подхода), 1984–2002 гг. (кодификация) и с 2002 г. по настоящее время (период действия КоАП РФ, основанного на Конституции Российской Федерации и постоянно совершенствующегося)².

Ключевым элементом административной ответственности является административное наказание. Одним из наиболее распространенных видов административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения, совершаемых лицами в состоянии опьянения, является административный штраф (применяется в качестве основного наказания). Согласно статистике в 2024 г. было назначено 253,5 млн административных штрафов за все правонарушения в области дорожного движения, из них непосредственно сотрудниками полиции, а также судьями назначено 16,9 млн административных штрафов³. Важным нововведением является увеличение в 2024 г. размера административного штрафа за управление ТС в состоянии опьянения с 30 000 до 45 000 рублей.⁴ Однако, одной лишь фискальной меры недостаточно для обеспечения неотвратимости ответственности и достижения превентивного эффекта.

В системе административных наказаний особое место занимает лишение специального права в виде права управления ТС, применяемое судом в качестве дополнительного наказания на срок от 1,5 до 2 лет. В 2024 г. данный вид административного наказания применялся 298 631 раз, причем в половине случаев (50,8%) – за управление ТС в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ), а 41,7% – за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ)⁵.

¹ Мукабенов, М. В. Субъекты административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 205 с.

² Молчанов, П. В. Законодательство об административной ответственности в области дорожного движения: основные этапы и тенденции развития (часть 2) / П. В. Молчанов // Административное право и процесс. – 2018. – № 6. – С. 43-46. – EDN XRNUTJ.

³ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году [Электронный ресурс] // URL:https://нцбдд.мвд.рф/dop_stranici/ аналитические-обзоры-за-2024-год (дата обращения: 13.09.2025).

⁴ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 26 декабря 2024 г. № 490-ФЗ // ИПО «Гарант». URL: <https://study.garant.ru/#/document/411208665/paragraph/23:6> (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ Там же. С. 32.

Еще одним видом административного наказания, применяемым за правонарушения в области дорожного движения, совершаемые лицами в состоянии опьянения, является административный арест (применяется в качестве основного наказания). Административный арест применяется исключительно судом в качестве наиболее строгого административного наказания на срок до 15 суток. В 2024 г. назначался 110 627 раз, причем 34,1% административных арестов были связаны с управлением ТС в состоянии опьянения лицами, не имеющими или лишенными права управления ТС (ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ), а 19,7% за невыполнение водителем ТС, не имеющим либо лишенным права управления, законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ)¹.

Проблема эффективности административных наказаний заключается в том, что они зачастую не формируют у граждан устойчивой нетерпимости к правонарушениям. Ключевым условием достижения этой цели является реализация принципа неотвратимости наказания через безусловное исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях, в том числе принудительное взыскание административных штрафов и изъятие водительских удостоверений у лиц, лишенных права управления ТС.

Особого внимания заслуживает вопрос административной преюдиции. Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ введена уголовная ответственность по ст. 264.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации² для лиц управляющих ТС в состоянии опьянения, которые ранее были привлечены к административной ответственности за аналогичное административное правонарушение или за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Кроме того, действие закона распространяется на тех, кто имеет судимость за преступления, указанные в ч. 2, 4 или 6 ст. 264, или ст. 264.1 УК РФ. Это создает комплексный межотраслевой механизм ответственности, требующий согласованного применения норм административного и уголовного права.

Таким образом, административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения, совершаемые лицами в состоянии опьянения, представляет собой специализированный правовой инструмент, характеризующийся ужесточением санкций и усложнением процедурных механизмов. Повышение ее эффективности достигается не только усилением репрессивных мер, но и комплексным подходом, сочетающим реализацию принципа неотвратимости наказания, проведение профилактической работы и обеспечение гарантий прав и свобод граждан.

¹ Там же. С. 33.

² Далее – УК РФ.

Савочкина Дарья Олеговна,
старший преподаватель кафедры
административного права и
административной деятельности ОВД
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 6.1.1 КОАП РФ

Семейно-бытовое насилие является серьёзной и широко обсуждаемой социальной проблемой мирового сообщества в целом, так и для Российской Федерации в частности. Оно представляет собой любое физическое, сексуальное, психологическое или экономическое насилие, совершаемое одним членом семьи или партнёром в отношении другого до 40% всех тяжких насильственных преступлений в России совершается в семье. В соответствии с отчётом о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2022-2024 г.г. всего по ст.6.1.1 КоАП поступило дел за 2022 год 170112, в 2023 146 837, в 2024 128545, что свидетельствует о позитивной динамике.

Согласно статистике обращений на Всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от домашнего насилия, за 2024 год приведённой автономной некоммерческой организации социальной реабилитации и адаптации женщин и детей «Центр ресурсной помощи» попытки обратиться в полицию предпринимали только 34% женщин, до судебного разбирательства дошло только 5,9% дел.¹ Несмотря на сложность сбора точных данных в большей степени связанной с латентностью данных противоправных деяний, имеющиеся факты указывают на сложившуюся острую ситуацию в данной сфере.

Охрана неприкосновенности личности осуществляется, в том числе, посредством применения мер административной ответственности.² Действующее законодательство о домашнем насилии на данный момент регулируется Уголовным кодексом (УК РФ) и Кодексом об административных правонарушениях (КоАП РФ), которые содержат статьи за конкретные действия: Побои (ст. 116.1 УК РФ, ст. 6.1.1 КоАП РФ).

Сравнительный анализ составов, предусмотренных указанными нормами права, свидетельствует об общности объекта правовой охраны. Так,

¹ <https://rusfond.ru/news/4028>

² Недоступенко Т. А. Побои: проблемы реализации административной ответственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 70–73.

при нанесении административно- и уголовно-наказуемых побоев причиняется вред общественным отношениям, охраняющим право человека на телесную неприкосновенность¹.

Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит ст. 6.1.1 «Побои», однако применение этой нормы вызывает некоторые сложности.

В 2016 году был принят закон, который перевёл побои, совершенные впервые в отношении близких лиц, из уголовного преступления в административное правонарушение. Нормативный перевод семейно-бытовых побоев в сферу административного регулирования стимулировал реализацию статьи 6.1.1 КоАП РФ, переводя технико-юридические дефекты нормативного определения побоев из доктринального обсуждения в факторы, блокирующие применение статьи 116.1 УК РФ на практике.²

Процесс доказывания по делам об административных правонарушениях в России регулируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и тесно взаимосвязан с квалификацией таких деяний. Этот процесс имеет свои особенности, отличающие его от уголовного и гражданского судопроизводства, хотя базовые принципы сходны.

Таким образом, доказывание в административном процессе — это строго регламентированная процедура, где наибольшая ответственность за сбор допустимых и достаточных доказательств лежит на органе, возбуждавшем дело, хотя активное участие других сторон, особенно лица, привлекаемого к ответственности, имеет так же решающее значение.

Законодательно определение понятия «побои или иные насильственные действия» не закреплено, что приводит к затруднениям в вынесении решения о виновности лица.³

Побои — это, как правило, многократное нанесение ударов. Они могут оставить следы (ссадины, кровоподтёки, небольшие раны), но эти повреждения не влекут кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности (отсутствие лёгкого вреда здоровью).

Иные насильственные действия — это причинение физической боли, не являющееся побоями в узком смысле (например, щипание, скручивание, связывание, если они причинили боль). Таким образом, статья 6.1.1 КоАП

¹ Ефимова Д.Р., Артюшина О.В. Ответственность за побои (по материалам правоприменительной практики) // Учёные записки Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 10. № 1 (19). С. 24 – 29.

² Скрипченко Н.Ю. Побои: новая редакция-новые проблемы // УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. 2023. С. 540-552

³ Водяная М.Ю., Ляшук А.В. — Доказывание по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ (Побои) // Административное и муниципальное право. – 2022. – № 1. – С. 1 - 9.

РФ регулирует сферу первичных побоев, не повлёкших лёгкого вреда здоровью и не совершенных из особых мотивов. Обязательный признак данного состава заключается в наступлении последствия в виде физической боли.

Основная проблема при квалификации побоев по КоАП заключается в точном отграничении административного правонарушения от уголовно наказуемых деяний (ст. 115, 116, 116.1 УК РФ), а также в доказывании ключевого признака — причинения физической боли.

К проблемным вопросам доказывания побоев по статье 6.1.1 — «Побои» можно отнести так же то, что эти дела, требуют от потерпевшего активных действий в самом производстве по делу об административных правонарушениях на предмет доказывания по делу.

Разберём некоторые проблемные стороны в данном аспекте:

1. Отсутствие объективного медицинского освидетельствования. Наиболее острая проблема: для привлечения лица в отношении, которого ведётся производство по делу к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ требуется документально зафиксировать последствия. Тут можно выделить несколько проблемных моментов:

- слабая выраженность следов: побои, как правило, не оставляют тяжкого вреда здоровью и могут иметь лишь незначительные следы (синяки, ссадины), которые быстро проходят. Если пострадавший не обратился к врачам или в травмпункт незамедлительно, получить справку с фиксацией следов становится невозможно.

- отказ потерпевшего от прохождения судебно медицинской экспертизы. Для суда необходимо, чтобы в заключении было чётко указано, что эти повреждения не повлекли расстройства здоровья (чтобы отграничить уголовную квалификацию данного деяния) и могли быть причинены в результате указанных действий.

2. К следующему фактору необходимо отнести сложность сбора свидетельских показаний. Побои чаще всего происходят в закрытом пространстве (дома), что делает сбор независимых и объективных свидетельств крайне сложным. Как правило свидетели — члены семьи, дети или другие родственники, которые часто зависимы от агрессора или не хотят вмешиваться в конфликт. Их показания не всегда могут свидетельствовать о полном и объективном получении доказательств по делу. Соседи могут слышать крики или шум борьбы, но они не являются прямыми очевидцами самого факта причинения побоев, что снижает вес их показаний.

Ограниченность сроков: привлечь к административной ответственности можно только в течение ограниченного срока с момента совершения правонарушения. При двухгодичном сроке давности привлечения к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ законодателем определён достаточно короткий срок проведения административного расследования в два месяца и не предусмотрена возможность дальнейшего его про-

дления.¹ Затягивание по возникшим объективным причинам производства по делу может привести к истечению этого срока и не возможности привлечения лица к ответственности.

Так же очевидной проблемой является то что в 2017 году побои в отношении близких лиц, совершенные впервые, были переведены в разряд административных правонарушений. "Первый раз — не страшно": Если агрессор привлекается к ответственности по КоАП, его действия считаются менее опасными, что влияет на мотивацию совершения таких действий. Повторность — критерий уголовной квалификации (ст. 116.1 УК РФ) при этом необходимо доказать факт того, что агрессор был ранее подвергнут административному наказанию за аналогичное правонарушение. Это создаёт замкнутый круг: без привлечения к административной ответственности невозможно реализовать нормы уголовного законодательства.

И самой на наш взгляд большей проблемой в данной сфере является зависимость жертвы и примирение сторон. В делах о домашнем насилии пострадавшие часто находятся в финансовой, эмоциональной или жилищной зависимости от своего агрессора. Жертва под давлением агрессора (угрозы, манипуляции, обещания) может отозвать своё заявление или отказаться от дачи показаний, что делает не возможным объективно и своевременно квалифицировать противоправные деяния. "Прощение" своего преследователя под воздействием общественного мнения, может давить на жертву, призывая её к "примирению" игнорируя факт насилия.

В итоге, квалификация побоев по КоАП РФ требует от пострадавшего не только физической и психологической стойкости, но и серьёзной процессуальной грамотности и немедленной фиксации всех обстоятельств. К основным критериям которые не дают возможность снизить показатели противоправного поведения в данной сфере это отсутствие механизма, который позволял бы оперативно изолировать агрессора от жертвы (обязать покинуть жилище, запретить приближаться и контактировать) на основании только угрозы насилия или систематических нарушений по ст.6.1.1, до того как произошло тяжкое преступление. Действующее законодательство фокусируется на наказании постфактум, а не на предотвращении и предупреждении насилия. Отсутствует единая система учёта, обязательной реабилитации агрессоров и гарантированной помощи пострадавшим.

¹ Байрамов А.А. Проблемы, возникающие при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьёй 6.1.1 КоАП РФ «Побои» // НАУЧНЫЙ ПОРТАЛ МВД РОССИИ. 2024. №1. С 53-59.

Телятицкая Татьяна Валерьевна,
профессор кафедры
международного экономического права
Белорусского государственного
экономического университета (г. Минск),
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОТ ЕВРОПЕЙСКИХ МОДЕЛЕЙ К БЕЛОРУССКОМУ КОНТЕКСТУ

Административная ответственность представляет собой важный элемент правовой системы любой страны, определяющий порядок и меры воздействия на лиц, нарушивших административные нормы. Исторически подходы к административной ответственности существенно различались в разных правовых системах, что было обусловлено культурными, политическими и социальными факторами. В последние десятилетия, на фоне глобализации и интеграционных процессов, наблюдается тенденция к гармонизации правовых норм в различных странах, однако национальные особенности и уникальные модели остаются актуальными.

Система административной ответственности в Беларуси, хотя и основывается на традициях советского права, периодически требует реформирования в условиях меняющейся общественно-политической ситуации. Действующее законодательство, несмотря на проведенную значительную работу по его либерализации, до сих пор не в полной мере соответствует требованиям правового государства, не обеспечивает должного уровня защиты прав граждан и юридических лиц, часто характеризуется избыточной репрессивностью. Можно согласиться с С.М. Зыряновым, который подчеркивал, что «важным фактором, негативно влияющим на развитие законодательства об административных правонарушениях, является даже не беспорядочное внесение изменений и дополнений, а то, что за почти сто лет существования в нашей стране административной ответственности так и не были сформированы основы, фундаментальные представления об административной ответственности, о ее соотношении с иными видами юридической ответственности»¹.

Кроме того, наблюдается недостаточная гибкость в применении мер административного воздействия, ограничения в применении иных мер, широко распространенных и хорошо зарекомендовавших себя в зарубежных правовых системах.

¹ Зырянов, С. М. О перспективах развития законодательства об административных правонарушениях / С. М. Зырянов // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12(1–4), № 4. – С. 486–489, с. 112.

Таким образом, изучение зарубежного опыта позволяет глубже понять разнообразие подходов к регулированию административных правонарушений, выявить преимущества и недостатки тех или иных решений, предложить новые практики для повышения эффективности административной ответственности в Республике Беларусь, поскольку «вся история Беларуси имеет много общего с историей развития европейских соседей, что не могло не отразиться на развитии белорусской государственности»¹, а следовательно – и административной ответственности.

Административное право как отдельная отрасль начало формироваться в странах Западной Европы еще в XVIII–XIX веках, когда усиливалось государственное регулирование общественных отношений и возникла потребность в создании механизмов управления и контроля. Родоначальницей системы административного права считается Франция: в 1799 году был создан Государственный совет (Conseil d'État), который с самого начала выполнял двойную роль: как консультативный орган при разработке законодательства и как высший суд, решающий административные споры. Совет также принимал участие в разработке важнейших законодательных актов и регулировании вопросов государственной администрации. Такой подход к отделению административных функций от судебной власти оказал значительное влияние на становление административного права во многих странах мира, включая Францию и государства с романо-германской правовой системой².

В XIX веке аналогичные структуры появились в Германии, Италии и других европейских странах, что способствовало развитию концепции административной ответственности как отдельного правового института.

Так, в Германии система административной юстиции начала активно развиваться в конце XIX века, когда была создана система административных судов. Этот шаг стал основой для последующего укрепления правового государства (Rechtsstaat), которое подразумевало, что любое административное решение подлежит судебному контролю. Такие реформы были важны для развития института административной ответственности в Германии, где административные суды обеспечивали справедливое рассмотрение дел, связанных с действиями государственной власти, обеспечивая профессионализм и точность нормативных правовых актов и принятых законов³.

¹ Доўнар, Т. І. Характэрныя рысы і асаблівасці прававога развіцця Беларусі на важнейшых гістарычных этапах / Т. І. Доўнар // Весн. БДУ. Сер. 111. – 2009. – № 1. – С. 112–122, с. 112.

² Contant, D. France's Council of State / D. Contant [Электр. рэсурс]. – URL: https://www.napoleon-series.org/research/government/c_council.html – Дата доступа: 04.09.2025.

³ Мислицкая, А. А. Административная юстиция в зарубежных странах (на примере Германии) / А. А. Мислицкая // Молодой ученый. – 2021. – № 15 (357). – С. 224–225, с. 225.

В Италии процесс формирования административного права был тесно связан с созданием специальных органов для разрешения споров между гражданами и государством. Примером может служить создание Государственного совета (Consiglio di Stato) в 1831 году. Этот орган, подобно французскому Conseil d'État, взял на себя функции не только консультативного органа по вопросам государственного управления, но и высшего административного суда, что позволило ему сыграть ключевую роль в развитии административной ответственности в Италии¹.

В странах СНГ, напротив, административное право стало оформляться значительно позже. На протяжении долгого времени регулирование административных вопросов осуществлялось через уголовное право и систему полицейского контроля. В России, а затем и в других странах СНГ, административное право приобрело юридические формы лишь в XX веке, особенно после революции 1917 года. В этот период были заложены основы советской правовой системы, которая предполагала жесткий контроль государства над правонарушениями, регулируемые административными нормами.

Советское административное право ориентировалось на централизованный контроль и репрессивные меры. Оно было частью общей системы государственного управления, и основной упор делался на поддержание порядка и устранение угроз для государственной власти. В отличие от правовых систем западных стран, советская модель была менее ориентирована на права и свободы граждан, а также на судебный контроль за действиями органов власти.

С распадом СССР многие страны СНГ, включая Беларусь, унаследовали эту систему. В постсоветский период начались попытки реформирования административного права. «Белорусская правовая система, ориентируясь на традиционный способ континентального законодательного создания нормативного массива, достаточно полно восприняла и элемент административного нормотворчества, способного оперативно формировать нормы второстепенной значимости. ... Административное право, непосредственно содержащее такие нормы или санкционирующее возможность издания определенными субъектами нормативных властных предписаний, превратилось в значимый элемент национальной нормативной системы»², в котором сохраняются определенные элементы репрессивного подхода,

¹ Mazzamuto, M. 11 The Formation of the Italian Administrative Justice System, European Common Principles of Administrative Law, and 'Jurisdictionalization' of Administrative Justice in the Nineteenth Century / M. Mazzamuto [Электр. ресурс]. – URL: <https://academic.oup.com/book/39621/chapter-abstract/339568509?redirectedFrom=fulltext&login=false/> – Дата доступа: 03.09.2025.

² Егоров, А. В. Компаративные свойства национальной правовой системы / А. В. Егоров // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2014. – №14. – С. 18–27, с. 24.

недостаточная гибкость в применении санкций и ограниченные возможности для обжалования административных решений. В этом контексте современные практики зарубежных стран, направленные на гуманизацию административных процедур и усиление защиты прав граждан, демонстрируют значительные отличия и предлагают новые решения, которые способствуют повышению эффективности административной ответственности и могут служить примерами для совершенствования белорусского административно-деликтного законодательства.

Например, в Германии широко применяется система обязательных предупреждений перед наложением штрафов. Гражданин, допустивший правонарушение, получает возможность исправить свое поведение до наложения штрафных санкций, что значительно снижает нагрузку на судебную систему и позволяет урегулировать мелкие нарушения без участия судов, что особенно эффективно при массовых правонарушениях. Такой подход не только стимулирует законопослушное поведение, но и способствует развитию диалога между гражданами и органами власти. В белорусской системе административной ответственности возможность предупредительного воздействия отсутствует, что делает правоприменение более жестким и менее гибким. Внедрение подобной практики могло бы снизить количество дел об административных правонарушениях и увеличить доверие к административным органам.

Во Франции система административных судов предоставляет гражданам уникальную возможность защищать свои права от незаконных действий государственных органов. Французские административные суды выступают независимыми арбитрами в спорах между гражданами и государством. В белорусской системе, хотя и существует возможность обжалования решений административных органов, независимость судов и равноправие сторон в административных спорах остается под вопросом.

Интересен также опыт США, где используется административная медиация, позволяющая урегулировать спор на досудебной стадии. Данный инструмент направлен на уменьшение конфликтов между гражданами и государственными органами, а также минимизацию затрат времени и ресурсов на судебные разбирательства. Медиация способствует добровольному и взаимовыгодному урегулированию административных споров. Представляется, что введение медиации в белорусский административный процесс могло бы существенно сократить количество дел, рассматриваемых органами административной юрисдикции, поскольку «основные преимущества примирительных процедур должны быть направлены на исправление существующего положения путем возложения ответственности за итоговый результат на субъектов юридического конфликта и разгрузки судов, иных органов, уполномоченных рассматривать дела об администра-

тивных правонарушениях, за счет тех категорий споров, которые могут быть самостоятельно урегулированы сторонами¹.

Швеция предлагает инновационную систему наложения штрафов, основанную на уровне дохода нарушителя. Это гарантирует соразмерность наказания и его адаптацию к финансовым возможностям гражданина, делая административное правосудие более справедливым².

В Бутане привлечение к любому виду юридической ответственности основывается на философии «всеобщего национального счастья», провозглашенного в 1974 году: все государственные меры, включая административные санкции, рассматриваются с точки зрения влияния на общественное благополучие и «валовое национальное счастье» (Gross National Happiness), то есть любые санкции должны налагаться с учетом их воздействия на качество жизни граждан³. В белорусском контексте такие подходы кажутся слишком далекими, однако, учитывая растущую значимость социального благополучия в обществе, подобные философские концепции могут стать стимулом для пересмотра целей административного взыскания в сторону большего внимания к профилактике правонарушений и социальной реабилитации правонарушителей.

В Объединенных Арабских Эмиратах за оскорбления в социальных сетях применяются необычные санкции – обязательство публично извиниться через ту же платформу, на которой было совершено правонарушение⁴.

В Малайзии применяются телесные наказания, такие как удары розгами, за некоторые административные правонарушения, например, вандализм или порчу имущества⁵.

На Бали правонарушители, чтобы искупить вину перед сообществом, участвуют в религиозных или культурных церемониях. Участие в этих церемониях может включать в себя участие в процессиях, ритуальных под-

¹ Шкляревский, А. Н. Медиация как инструмент либерализации административного процесса / А. Н. Шкляревский // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – Серыя 2: Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2020. – № 2. – С. 124–129, с. 129.

² Новости Швеции [Электр. ресурс]. – URL: <https://ruletka.se/2024/04/24/razmer-shtrafa-kotoryj-vy-poluchaete-v-shvecii-mozhet-zaviset-ot-vashego-doxoda/> – Дата доступа: 04.09.2025.

³ Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 15 а) приложения к резолюции 5/1 совета по правам человека: Бутан / Женева, 30.11. – 11.12.2009 [Электр. ресурс]. – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/lib-docs/HRBodies/UPR/Documents/Session6/BT/A_HRC_WG.6_6_BTN_1_Bhutan_R.pdf. – Дата доступа: 05.09.2025, п. 37.

⁴ Русские эмираты [Электр. ресурс]. – URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/v-oae-napomnili-o-nakazaniyakh-za-oskorbleniya/>. – Дата доступа: 05.09.2025.

⁵ Caning in Malaysia [Электр. ресурс]. – URL: https://wikimili.com/en/Caning_in_Malaysia. – Дата доступа: 01.09.2025.

ношениях или других формах коллективных действий, направленных на очищение и примирение¹.

В Новой Зеландии нарушителям предлагается пройти специальные курсы, направленные на повышение осведомленности о совершенном правонарушении (например, курсы по экологии или управлению гневом). Такие программы помогают людям осмыслить последствия их действий и развить навыки для предотвращения рецидивов².

Таким образом, опыт зарубежных стран демонстрирует, что эффективное административное правосудие должно быть не только средством наказания, но и способом восстановления социальной справедливости, профилактики правонарушений и укрепления доверия к государственной системе. Совершенствование белорусского административно-деликтного законодательства, с учетом зарубежного опыта, может стать важным шагом к модернизации системы административной юстиции и улучшению взаимодействия государства с гражданами. Внедрение более гибких, справедливых и гуманных санкций, таких как восстановительное правосудие, образовательные программы, обязанность принести извинение и т.п. может способствовать не только снижению рецидивов, но и повышению доверия к правовой системе. Для государства это означает более эффективное правоприменение, уменьшение социальной напряженности и улучшение общественного порядка, что положительно отразится на долгосрочном развитии общества.

¹ Bali Culture and Traditions Explained [Электр. ресурс]. – URL: <https://baliexplorer.or.id/bali-culture-and-traditions-explained/>. – Дата доступа: 30.08.2025.

² About Positive Change Programmes [Электр. ресурс]. – URL: <https://www.positivechanges.org.nz/>. – Дата доступа: 30.08.2025.

Ушаков Руслан Михайлович,
аспирант кафедры
административного и финансового права
Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Публично-частное (государственно-частное, муниципально-частное) партнерство образует комплексный правовой институт, состоящий из норм публичного (конституционного, административного, муниципального, финансового) и частного права, направленный на выполнение работ, оказание услуг и производство товаров в публичных целях.

В российской практике находит отражение адаптация романо-германской модели-подхода с учетом социально-экономических, политических, культурных и правовых особенностей страны. В качестве особенностей российской модели-подхода можно выделить множественность, структурированность и высокую детализированность нормативной правовой базы с учетом федеративного государственного устройства, относительно узкий перечень принципов публично-частного партнерства в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве»)¹, отсутствие в нем статьи, содержащей гарантии прав и законных интересов публичного партнера, закрытый перечень объектов соглашений о партнерстве, регулирование государственно-частного партнерства и концессий разными законами и их обособление в самостоятельные правовые институты, отсутствие специализированных составов в КоАП РФ, предусматривающих административную ответственность для публичных и частных партнеров и др.

В формате данной статьи в целях совершенствования законодательства о государственно-частном партнерстве следует остановиться на двух направлениях.

1. Согласно ст. 2 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве» законодательство РФ о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве основывается на положениях Консти-

¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

туции РФ и ряда кодексов (Гражданского, Бюджетного, Земельного, Градостроительного, Лесного, Водного, Воздушного) и состоит из данного федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ, а также нормативных правовых актов субъектов РФ, нормативных правовых актов органов публичной власти федеральной территории, муниципальных правовых актов. Таким образом, круг нормативно-правовых актов является открытым (относительно определенным). Вместе с тем конструкция ст. 2 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве» не только основывается на положениях ст. 3 Модельного закона СНГ «О публично-частном партнерстве»¹, но и развивает их на иной лад: новой идеей российского законодателя является закрытый детализированный перечень кодексов, которые образуют основу соответствующего законодательства, в отличие от подхода вышеуказанного модельного закона. Полагаем, в настоящее время данный перечень нуждается в корректировке и актуализации.

В частности, имеется явный законодательный пробел, выраженный в отсутствии в ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве» указания на то, что законодательство РФ о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве основывается на положениях Налогового кодекса РФ (при этом в статье указан второй системообразующий для финансового права акт — Бюджетный кодекс РФ²). Изложенное обусловлено наличием налоговых норм, регламентирующих отношения в исследуемой сфере и обуславливающих необходимость устранения данного пробела: 1) согласно п. 4.1 ч. 3 ст. 39 Налогового кодекса РФ³ (далее — НК РФ) не признается реализацией товаров, работ или услуг передача имущества и (или) имущественных прав по соглашению о государственно-частном партнерстве, соглашению о муниципально-частном партнерстве в соответствии с законодательством РФ; 2) согласно п. 37 ч. 1 ст. 251 НК РФ⁴ при определении налоговой базы не учитываются доходы в виде имущества и (или) имущественных прав, полученных по соглашению о государственно-частном партнерстве, соглашению о муниципально-частном партнерстве в соответствии с законодательством РФ, за исключением денежных средств, полученных от публичного партнера по указанным соглашениям; 3) в соответствии с абз. 7 ч. 4.1 ст. 271 НК РФ

¹ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 28.11.2014 № 41-9 «О модельном законе «О публично-частном партнерстве» (принято в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2015. № 62 (часть 1).

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31 ст. 3824.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

денежные средства, полученные от публичного партнера по соглашению о партнерстве, признаются в порядке, предусмотренном настоящим пунктом для учета субсидий¹. В законодательстве субъектов РФ также имеются указания на предоставление налоговых льгот на основаниях, в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством РФ и законодательством субъекта о налогах и сборах².

Для решения данной проблемы представляется целесообразным предложить законодателю реализовать один из двух путей: 1) дополнить ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве» указанием на то, что законодательство РФ о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве основывается также на положениях НК РФ; либо полагаем возможным (и приоритетным по юридико-техническим причинам) использовать альтернативный подход — 2) ограничиться указанием конституции как основы для построения указанного законодательства без детализации кодексов, что отражено в законах о государственно-частном партнерстве дружественных государств: Республики Беларусь (ч. 1 ст. 4)³, Республики Казахстан (ч. 1 ст. 2)⁴, Кыргызской Республики (ч. 1 ст. 2)⁵, Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 3)⁶.

2. Целесообразен учет опыта субъектов РФ. Например, значимым и отличным от федерального законодательства является указание в ч. 1 ст. 3 Закона Республики Татарстан от 01.08.2011 № 50-ЗРТ «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан» в качестве одной из целей государственно-частного партнерства концентрации материальных и финансовых ресурсов для развития коммунальной, транспортной, социальной

¹ Также имеется письмо Департамента налоговой политики Минфина РФ от 1 ноября 2021 г. № 03-03-07/88370, в котором разъяснен порядок учета для целей налога на прибыль организаций доходов и расходов, возникающих у частного партнера в рамках соглашения о государственно-частном партнерстве.

² Например, в п. 1 ст. 8 Закона Нижегородской области от 31.08.2016 № 134-З «О государственно-частном партнерстве в Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2016. № 110.

³ Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве». URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500345> (дата обращения: 20.08.2025).

⁴ Закон Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 379-V ЗПК «О государственно-частном партнерстве». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37704720 (дата обращения: 20.08.2025).

⁵ Закон Кыргызской Республики от 22 февраля 2012 года № 7 «О государственно-частном партнерстве в Кыргызской Республике» // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112275/edition/1077389/ru> (дата обращения: 16.09.2025).

⁶ Закон Республики Таджикистан от 28.12.2012 № 907 «О государственно-частном партнерстве» // URL: https://ncz.tj/system/files/Legislation/907_ru.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

и иной инфраструктуры субъекта¹, что, по существу, является указанием на целевое назначение проектов партнерства, ориентированных на развитие публичной инфраструктуры. Полагаем, что опыт Татарстана является передовым в рамках принятой в 2022 г. правительством субъекта Концепции развития государственно-частного партнерства (муниципально-частного партнерства) в Республике Татарстан². Общий объем финансирования концепции составляет значительные 9 615 000,0 тыс. рублей — подобных действующих документов в других субъектах не найдено. Целями данной концепции являются: привлечение внебюджетных инвестиций в экономику субъекта, создание правовых, экономических и административных механизмов, стимулирующих применение механизмов государственно-частного (муниципально-частного) партнерства в субъекте; усиление роли и развитие инициативности республиканских органов исполнительной власти и органов местного самоуправления для реализации соответствующих проектов. Поставлены ряд задач, в то числе: совершенствование механизмов реализации государственной политики в сфере государственно-частного партнерства, разработка стимулирующих мер, развитие компетенций сотрудников республиканских органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, повышение ответственности и мотивации данных органов и др. Утвержден перечень мероприятий по осуществлению концепции, в том числе строительство (реконструкция) ряда объектов в различных сферах (спорт, образование, культура, здравоохранение и др.) на территории республики и создание IT-технологий. В результате ее реализации планируется достичь: темпы роста количества реализуемых проектов общегосударственного значения с применением основных форм анализируемого партнерства, уровня удовлетворенных потенциальных потребителей качественными товарами и современными услугами, привлечение внебюджетных средств в процесс создания и управления имуществом и др.

Считаем, подход Республики Татарстан в данном аспекте является ориентирующим как для субъектового, так и для федерального уровней власти. Целесообразно принятие подобных концепций как высшими исполнительными органами государственной власти других субъектов РФ, так и Правительством РФ, что следует закрепить как обязанность в ч. 1 ст. 16, ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве», поскольку данные документы увязывают общественные потребно-

¹ Закон РТ от 01.08.2011 № 50-ЗРТ «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2011. № 8 (I часть).

² Постановление Кабинета Министров РТ от 29.12.2022 № 1442 «Об утверждении Концепции развития государственно-частного партнерства (муниципально-частного партнерства) в Республике Татарстан» // Собрание законодательства РТ. 2023. № 7.

сти, выраженные в развитии социальной инфраструктуры, публичный интерес органов государственной власти как объективное осознание и отражение данных потребностей и государственное управление, направленное на их реализацию в рамках целенаправленной упорядочивающей деятельности, которая должна опираться на документы стратегического планирования с отраженными в них конкретными целями, задачами и системно организуемыми мероприятиями по ее осуществлению, а также учитывать потребности РФ и субъектов РФ в развитии конкретной инфраструктуры. Принятая в форме постановления либо распоряжения Правительства РФ, Концепция развития государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства в РФ может быть исходным и ключевым документом в данной сфере, ориентирующим в том числе для субъектов РФ и побуждающим их принять подзаконные акты в его исполнение. В смежных областях концепции активно применяются, например, в отношении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема¹. При этом для реализации комплексного подхода следует связать данный документ с иными документами стратегического планирования, в частности, со стратегиями социально-экономического развития — РФ и субъектов.

¹ Примеры: Распоряжение Правительства РФ от 26 июня 2024 г. № 1636-р «Об утверждении Концепции совершенствования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема на период до 2027 г.» // Собрание законодательства РФ. 2024 г. № 28. Ст. 4046; Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964; Постановление Правительства РФ от 7 марта 2000 г. № 198 «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 12. Ст. 1286.

Чунихина Екатерина Игоревна,
преподаватель-методист
группы методического обеспечения
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИНФОДЕМИЯ КАК УГРОЗА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫМ ЦЕННОСТЯМ

Необходимость административно-правовой защиты духовно-нравственных ценностей продиктовано ускоренным развитием телекоммуникационных технологий. Социальные сети и медиаресурсы прочно вошли в социальную жизнь российских граждан. Зачастую распространяемая вредоносная информация становится источником искажения традиционных ценностей и силой, оказывающей деструктивное влияние на общество. Традиционные ценности выступают основой российского общества, позволяют защищать и укреплять государственный суверенитет, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании Совета Безопасности Российской Федерации подчеркнул: «важно продолжать выстраивать системную государственную политику в сфере сохранения и защиты традиционных ценностей на долгосрочную перспективу, совершенствовать законодательные и нормативно-правовые акты, направленные на защиту традиционных ценностей»¹.

Настоящее время характеризуется наступлением эры информационных технологий. Наряду с этим трудно не согласиться с утверждением Н.Р. Шевко «угрозы информационной безопасности – это обратная сторона использования информационных технологий»².

Ввиду обострения политической обстановки в мире в 2020 году набрал популярность термин инфодемия – хаотично распространяющаяся непроверенная информация, не приносящая пользы и способная нанести вред окружающим. Инфодемия характеризуется активным дезинформационным воздействием с целью создания у граждан стрессовой ситуации посредством распространения слухов, фейков, деструктивных контентов, утрирования ситуации или её отрицание.

Информационно-телекоммуникационные технологии и интернет-пространство имеют большое число положительных сторон, предоставляют широкие возможности для развития личности. Вместе с тем очевидны и

¹ Заседание Совета Безопасности Российской Федерации от 10 июня 2025 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160> (дата обращения: 02.08.2025).

² Шевко Н.Р. Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности современного общества // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 8. – С. 59.

их отрицательные проявления, связанные с возникновением определенных факторов риска, приводящих к девиантному поведению людей, получающих бесконтрольно распространяемую информацию. На формирование ценностных ориентиров современного человека существенное влияние оказывают сеть Интернет (в первую очередь, социальные сети) и средства массовой информации¹. Доступность и мгновенность получения практически любой информации привело к изменению информационных потребностей человека. Информационная картина мира современного человека лишь на 10-15% состоит из знаний, приобретенных в результате собственного интеллектуально-творческого опыта, а основным источником получения информации и средством формирования мировоззрения является массовая коммуникация². Особенностью распространения информации в сети Интернет является её фрагментарное восприятие и поверхностный анализ, что способствует «клиповому» мышлению. Его угроза заключается в формировании навязанных моделей поведения, ложных убеждений и чуждых ценностных ориентиров с учетом возрастания активной целевой аудитории в особенности среди несовершеннолетних. Как свидетельствуют результаты исследования³, среднесуточная продолжительность пользования Интернетом в 2023 году среди подростков 12–17 лет составила примерно 380 минут, что представляется чрезмерным в период формирования мировоззренческого фундамента личности в целом.

В результате активного использования информационно-телекоммуникационных сетей происходит формирование так называемой виртуальной личности и искажения чувства реальности. Опасение вызывает тот факт, что результат виртуальных коммуникаций воплощается в реальных действиях, носящих зачастую отрицательный характер. Формирование личности происходит не благодаря жизни в реальном мире, а под влиянием мира виртуального, построенного с заранее поставленной целью – склонить пользователя к определенной модели поведения, ориентирам и установкам.

Поддержим мнение В.Н. Верютина, который отмечает: «необходимо понимать, что угрозы информационной безопасности в настоящее время носят не абстрактный характер, каждой из них соответствует целенаправленные действия конкретных носителей враждебных намерений. В резуль-

¹ Богомолова Е.И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей интернета: автореф. дис.... канд. психол. наук. Краснодар, 2015. – 26 с.

² Павлова Е.Д. Проблема информационного воздействия на сознание в постиндустриальном обществе // Личность. Культура. Общество. – 2007. –Т. 9. № 1 (34). – С. 231.

³ URL <https://d-russia.ru/internetom-v-rossii-polzujutsja-bolee-80-detej-chetyrjoh-pjati-let-issledovanie.html> (Дата обращения 12.09.2025)

тате таких деяний может быть нанесен урон жизненно важным интересам государства, обществу и отдельным гражданам»¹.

Инфодемия обнажила и обострила существующие проблемы в обществе, спровоцированные усложнением информационного пространства в связи с быстрым развитием технологий.

В реалиях современного мира информация не редко выступает в качестве «оружия», что закономерно нашло своё отражение в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы².

Мощным информационным потоком для искажения нравственных норм, формирования отрицательных социальных стереотипов и установок, ложных ориентаций и ценностей служит не только медиaproстранство, средства массовой информации (СМИ), но и кинематограф. Отмеченное нашло своё отражение в принятых Государственной Думой (вступают в силу с 1 марта 2026 года) поправках, согласно которым наличие в фильме материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности или пропагандирующие их отрицание, будет являться основанием для отказа в выдаче прокатного удостоверения³.

Экспансия идеологии стран глобального Запада, направленная на одобрение и внедрения нормальности нетрадиционных сексуальных отношений, смена пола, толерантного отношения к движению «чайлдфри», преследует несколько целей. Во-первых, возбудить потенциальный интерес к такому контенту. Во-вторых, сформировать психологические установки на поддержание данных направлений и движений, которые носят диаметрально противоположное отличие от социальных ориентиров и идеалов, сложившихся у многонационального и многоконфессионального народа российского государства.

Нетривиальной задачей является формирование осознанного негативного отношения к деструктивным идеологиям и движениям, в целях недопущения деформации и разрушения общенационального мировоззренческого фундамента российского народа и передачи его ценностей последующим поколениям. Повышение медийной грамотности, пропаганда «здорового» и критичного информационного потребления, способствуют снижению факторов риска для проникновения деструктивной информации,

¹ Верютин В.Н. Административно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности как составной части национальной безопасности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 138.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 15.05.2017. – № 20

³ Федеральный закон от 31.07.2025 № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 5 и 5.1 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ее распространения и принятия в социальной, культурной, духовной жизни нашей страны. Полагаем, что противодействие инфодемии требует интегративного подхода, заключающегося, во-первых, в активных профилактических мероприятиях, формировании личностных верных установок, своевременного блокирования и изъятия из информационного пространства деструктивного контента, политической активности в исследуемой области, и, во-вторых, усиление и актуализация административно-правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей посредством нейтрализации угроз мерами юридической ответственности, позволяющими снизить проявления антисоциального (делинквентного) девиантного поведения, вызванного поведенческими проявлениями личности.

Шарлова Марина Николаевна,
старший преподаватель,
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

КВАЛИФИКАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Общественная безопасность является одним из ключевых факторов, обеспечивающих защиту здоровья, жизни, достоинства, чести и других прав и законных интересов граждан, а также создающих необходимые условия для нормального функционирования организаций и поддержания общественного спокойствия. Эффективность правового регулирования во многом определяется тем, насколько содержание норм права отвечает потребностям развития общественных отношений.

На этапе совершенствования законодательства ныне существующего общества, социально-экономического и политического строя России, важную роль в обеспечении общественной безопасности играет совокупность нормативно-правовых актов, регламентирующих охранительную сферу, базовыми началами которой являются нормы административного и уголовного права. В связи с тем, что нормы административного права организуют комфортные условия жизни общества и гарантируют охрану и защиту прав и свобод граждан, они касаются интересов каждого человека.

Итак, общественная безопасность представляет собой совокупность отношений, формирующихся в ходе предотвращения и устранения угроз здоровью, жизни граждан и их имуществу. Общественная безопасность является главной составной частью безопасности личности государства и общества, выступает совокупностью общественных правоотношений, регулирование которых обеспечивает локализацию, предотвращение и ликвидацию факторов и условий, создающих для жизненно важных интересов реальную и потенциальную опасность как для отдельных личностей, так в целом государства и общества.

Составом административного правонарушения, посягающего на общественную безопасность, является система (совокупность) установленных нормами административного права признаков и элементов, которые характеризуют деяние как административное правонарушение¹.

¹ О ведомственном контроле в процессе юрисдикционной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, осуществляющих функции обеспечения общественной безопасности и правопорядка / А. А. Исаев // Международный журнал конституционного и государственного права. - 2024. - № 1. - С. 22-24

Отметим, что на общественную безопасность так же могут посягать иные правонарушения, предусмотренные в других главах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), например в 12 главе. Данные правонарушения не содержатся в 20 главе КоАП РФ, поэтому они не будут, является объектом нашего внимания.

Рассматриваемые административные правонарушения различаются конструкцией состава, которые могут быть материальными и формальными. Объективная сторона данных правонарушений может предусматривать обязательность наступления последствий, а может и не предусматривать их. Материальный состав представляет собой обязательное наступление вредных материальных последствий. Например, ч. 6 ст. 20.4, ч. 2 ст. 20.32 и др. Формальный состав административного правонарушения не требует наступления какого-либо вредного материального последствия. Например, статьи 20.3, 20.9, 20.10, 20.11, 20.14, 20.16 и т.д. Следует отметить, что для материальных составов так же обязательно наличие такого признака объективной стороны административного правонарушения как причинно-следственная связь.

Объективная сторона характеризуется некоторыми факультативными признаками, которые в силу законодательной конструкции становятся для ряда административных правонарушений обязательными. Одним из них является место, которое в правонарушении, предусмотренном ст. 20.13 является обязательным признаком. Также примером сказанного могут служить статьи 20.5, 20.6, 20.7, 20.21 и т.д.

Также объективная сторона характеризуется таким признаком как повторность. Повторностью административных правонарушений будет являться совершение двух или более одинаковых правонарушений, предусмотренных одной и той же статьей или ее частью. Примером может послужить правонарушение, предусмотренное статьей ч. 5 ст. 20.4 (нарушение требований пожарной безопасности).

Практика правоприменения показывает наличие многих проблем и противоречий в нормативно-правовом регулировании, которые целесообразно устранить законодателю.

Изначально, говорится о бланкетности правил установленных в большинстве статей 20 главы КоАП РФ. Бланкетными признаются те статьи, диспозиции которых прямо не содержат конкретного правила поведения, а предусматривают наличие других норм, часто содержащихся в иных нормативно-правовых актах. Такими являются ст. 20.6, 20.7, 20.12, 20.13, 20.16, 20.19, 20.31.

Составы правонарушений, посягающих на общественную безопасность, которые содержатся в 20 главе КоАП РФ, содержат общий объект правонарушения. Это позволяет отделить их от иных составов административных правонарушений, содержащихся как в данной главе (посяга-

ющих на общественный порядок), так и в иных главах КоАП РФ, а так же имеют свои особенности в конструкции составов.

Выделим следующие разновидности правонарушений главы 20 КоАП РФ:

- 1) аморальное поведение, нарушающее общественный порядок;
- 2) несоблюдения норм права, касающиеся использования, лицензирования, хранения, ношения оружия;
- 3) игнорирование норм и обязанностей, связанных с режимом чрезвычайного положения, противопожарной безопасности и гражданской обороны;
- 4) правонарушения, в сфере использования специальных средств, предназначенных для тайного завладения сведениями.

Таким образом, административные правонарушения, посягающие на общественную безопасность, могут быть классифицированы по различным основаниям. Однако анализ КоАП РФ показывает, что большинство данных составов правонарушений содержатся в главе 20 КоАП РФ, а именно их двадцать шесть составов административных правонарушений, которые носят отсылочный характер и предусматривают ответственность за нарушения различных организационно-технических правил, несоблюдение которых, может повлечь реальную и потенциальную угрозу. Угрозу как для отдельных личностей, так в целом для государства и общества.

Отметим, что составом административного правонарушения, посягающего на общественную безопасность, будет являться совокупность элементов (признаков), закрепленных нормативно-правовыми актами, наличие которых может повлечь административную ответственность. Составы правонарушений, посягающих на общественную безопасность, которые содержатся в 20 главе КоАП РФ, содержат общий объект правонарушения. Это позволяет отделить их от иных составов административных правонарушений, содержащихся в иных главах КоАП РФ, а так же они имеют свои особенности в конструкции составов, которые мы частично рассмотрели в данной научной статье.

Говоря об ответственности за совершение административных правонарушений, посягающих на общественную безопасность можно сказать, что она является такой же как и для других составов, закрепленных в других главах КоАП РФ. Административные наказания, перечень которых приведен в главе 20 КоАП РФ имеют ряд характерных особенностей при назначении наказания за совершение правонарушения, посягающего на общественную безопасность, при этом они обладают такими же общими признаками, как и другие наказания, предусмотренные в остальных главах КоАП РФ.

Таким образом, в условиях современного совершенствования государства и общества, общественная безопасность становится одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной вла-

сти. В данной области ключевую роль выполняют органы внутренних дел, которые, согласно Конституции России, обязаны защищать права и свободы граждан, а также поддерживать общественный порядок, законность и беспристрастность в общественных местах.

Именно поэтому такая категория, как «общественная безопасность», требует глубокого философского, юридического и исторического осмысления.

Современное развитие цифровых технологий и глобализация экономических отношений обуславливают усиление роли интеллектуальной собственности как объекта правовой охраны. Одновременно с этим наблюдается рост масштабов незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности, что требует эффективного правового реагирования со стороны государства. В Российской Федерации за нарушения в сфере интеллектуальной собственности предусмотрена многоуровневая система ответственности, включающая гражданско-правовую, административную и уголовную. При этом соотношение административной и уголовной ответственности представляет собой одну из наиболее дискуссионных проблем правовой теории и практики, требующую глубокого теоретического осмысления.

Актуальность изучения данного вопроса обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, в условиях цифровой трансформации традиционные критерии разграничения административных правонарушений и преступлений, прежде всего количественные – размер ущерба, – становятся все менее определенными из-за сложности оценки вреда в онлайн-среде. Массовое распространение контента через интернет, использование файлообменных сетей и стриминговых платформ создают новые вызовы для правоприменителей, вынуждая пересматривать устоявшиеся подходы к квалификации деяний.

Во-вторых, сохраняется неоднозначность в правоприменительной практике при квалификации однородных нарушений, что ведёт к нарушению принципа равенства перед законом и создаёт правовую неопределенность для участников оборота интеллектуальных прав.

В-третьих, международные обязательства Российской Федерации в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности и других договоров требуют обеспечения адекватного уровня защиты интеллектуальных прав, включая соразмерность применяемых санкций характеру и степени общественной опасности посягательств.

В связи с этим встает ряд вопросов, требующих теоретического осмысления. Каковы понятийные основы ответственности за посягательства на объекты интеллектуальной собственности и как соотносятся категории «нарушение», «правонарушение» и «преступление» в данной сфере? Каковы специфические черты административной ответственности за

нарушения интеллектуальных прав и в чем проявляются ее недостатки в условиях цифровой экономики? Какие критерии общественной опасности лежат в основе уголовной ответственности и как решается проблема определения крупного и особо крупного размера ущерба? Каковы природа и формы проявления коллизий между административной и уголовной ответственностью, и какие пути их преодоления возможны в современных условиях? Ответы на эти вопросы составляют предмет настоящего исследования.

Интеллектуальная собственность в российском праве представляет собой совокупность исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, что закреплено в статье 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации. Нарушением в сфере интеллектуальной собственности признается любое несанкционированное использование объектов интеллектуальных прав, влекущее за собой юридическую ответственность. Классификация нарушений может проводиться по различным основаниям: по объекту посягательства выделяют нарушения авторских и смежных прав, патентных прав, прав на товарные знаки и знаки обслуживания, права на секреты производства (ноу-хау) и другие; по форме проявления различают воспроизведение, распространение, публичный показ или исполнение, доведение до всеобщего сведения (в том числе через интернет), импорт оригинальных или контрафактных экземпляров без разрешения правообладателя. Особую категорию составляют нарушения, связанные с обходом технических средств защиты прав и искажением информации об управлении правами. Важнейшим критерием для определения вида ответственности является общественная опасность деяния. Именно степень общественной опасности выступает в качестве фундаментального основания разграничения административных правонарушений и преступлений. Общепринято считать, что общественная опасность представляет собой материальный признак преступления, определяющий его качественную и количественную характеристику. В сфере интеллектуальной собственности общественная опасность проявляется не только в ущербе, причиняемом конкретному правообладателю, но и в посягательстве на экономические основы инновационного развития общества и государства, подрыве стимулов к творческой и изобретательской деятельности. Следует подчеркнуть, что не всякое нарушение исключительных прав влечет административную или уголовную ответственность. Гражданское законодательство предусматривает случаи свободного использования произведений без согласия автора и без выплаты вознаграждения (цитирование, использование в информационных, научных, учебных целях и др.). Лишь посягательства, выходящие за рамки добросовестного использования и причиняющие существенный вред интересам правообладателя, могут рассматриваться как основание для привлечения к публично-правовой ответственности.

Административная ответственность за нарушения в сфере интеллектуальной собственности предусмотрена главой 7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Наиболее значимыми составами являются статья 7.12 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение авторских и смежных прав, а также изобретательских и патентных прав; статья 14.10 КоАП РФ – за незаконное использование товарного знака, знака обслуживания или наименования места происхождения товара. Статья 7.12 КоАП РФ состоит из двух частей: часть первая устанавливает ответственность за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода, а также иное нарушение авторских и смежных прав с корыстной целью; часть вторая предусматривает ответственность за незаконное использование изобретения, полезной модели либо промышленного образца, разглашение сущности охраноспособного объекта до официального опубликования, присвоение авторства или принуждение к соавторству. Объективная сторона административных правонарушений характеризуется действиями (бездействием), нарушающими установленный законом порядок использования объектов интеллектуальной собственности. Составы большинства статей главы 7 КоАП РФ являются формальными — для привлечения к ответственности не требуется наступления конкретных вредных последствий, достаточно самого факта незаконного использования. Например, по статье 7.12 КоАП РФ ответственность наступает за незаконное воспроизведение, распространение или иное использование объектов авторских прав независимо от размера причиненного ущерба. Субъективная сторона административных правонарушений в данной сфере, как правило, характеризуется умышленной формой вины. Неосторожная форма вины в отношении нарушений интеллектуальных прав в КоАП РФ не предусмотрена, что соответствует общему подходу к ответственности за посяательства на интеллектуальную собственность.

Однако административно-правовая регуляция имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, отсутствует единая система критериев для определения степени тяжести правонарушения. Размер штрафов по части 1 статьи 7.12 КоАП РФ составляет от 1 500 до 2 000 рублей для граждан, от 10 000 до 20 000 рублей – для должностных лиц и от 30 000 до 40 000 рублей – для юридических лиц с обязательной конфискацией контрафактных экземпляров, материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения. По части 2 указанной статьи штрафы аналогичны, однако конфискация не предусмотрена. При этом не учитывается реальный масштаб причинённого вреда, что делает санкции недостаточно сдерживающими для крупного бизнеса, получающего многократно превышающую штрафы прибыль от нелегального использования интеллектуальных прав.

Во-вторых, в условиях цифровой экономики возникают сложности с квалификацией массового нелегального распространения контента через интернет. Административные нормы разрабатывались преимущественно для офлайн-среды, и их применение к онлайн-нарушениям требует интерпретационных усилий со стороны правоприменителей. Так, распространение пиратского контента через файлообменные сети или стриминговые платформы формально подпадает под действие статьи 7.12 КоАП РФ, однако установление субъекта правонарушения и доказывание его вины в цифровой среде представляет значительные трудности, связанные с анонимностью пользователей, трансграничным характером нарушений и технической сложностью фиксации доказательств.

В-третьих, административная ответственность не учитывает фактор рецидива. Лицо, неоднократно привлекавшееся к административной ответственности за аналогичные нарушения, несёт ту же ответственность, что и лицо, совершившее правонарушение впервые. Это снижает превентивный потенциал административных санкций и создаёт условия для систематического нарушения прав интеллектуальной собственности при относительно низких издержках нарушителя.

В отличие от административной ответственности, уголовная ответственность за посягательства на интеллектуальную собственность предусмотрена главой 24 Уголовного кодекса Российской Федерации и наступает лишь при наличии повышенной степени общественной опасности деяния. Ключевыми составами преступлений являются статья 146 УК РФ – нарушение авторских и смежных прав; статья 180 УК РФ – незаконное использование товарного знака; статья 147 УК РФ – нарушение патентных прав (в части завладения изобретением). Важнейшим отличием уголовно наказуемых деяний от административных правонарушений является обязательное наличие крупного размера ущерба либо совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также в случае извлечения дохода в крупном или особо крупном размере (в зависимости от конкретной статьи). Критерий крупного размера ущерба является центральным при разграничении административной и уголовной ответственности. Согласно примечанию к статье 146 УК РФ, крупным размером ущерба, причинённого автору или иному правообладателю, признаётся стоимость экземпляров произведений или фонограмм в размере не менее 100 000 рублей, а также стоимость прав на использование произведений в случаях, предусмотренных законом. Особо крупным размером признаётся стоимость не менее 1 000 000 рублей. Аналогичные критерии установлены и для статьи 180 УК РФ. Однако именно определение размера ущерба становится основным источником правоприменительных коллизий. Проблема заключается в методологии оценки. В практике используются различные подходы: рыночная стоимость легальных экземпляров,

стоимость лицензионного использования, упущенная выгода правообладателя.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 июля 2022 г. № 25-П указал, что при определении размера ущерба должны учитываться реальные потери правообладателя, а не гипотетическая стоимость всех незаконно распространённых копий. Тем не менее единообразия в оценке до сих пор не достигнуто, что приводит к существенным расхождениям в квалификации однотипных деяний различными судами. Особую сложность представляет квалификация деяний в цифровой среде. При нелегальном размещении контента в интернете количество скачиваний или просмотров может исчисляться миллионами, однако установить прямую причинно-следственную связь между каждым фактом доступа и убытками правообладателя практически невозможно. В этой связи Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 26 апреля 2023 г. № 8 рекомендовал при оценке ущерба от онлайн-пиратства учитывать не только количество незаконных копий, но и характер использования (коммерческое или некоммерческое), продолжительность доступа к контенту, а также меры, предпринятые правообладателем для защиты своих прав. Субъективная сторона преступлений против интеллектуальных прав характеризуется исключительно умышленной формой вины. При этом обязательным признаком является корыстная цель или мотив извлечения выгоды. Это принципиально отличает уголовно наказуемые деяния от административных правонарушений, где корыстная цель не требуется, что создаёт дополнительный критерий разграничения двух видов ответственности.

Соотношение административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности характеризуется наличием так называемой «конкуренции» норм КоАП РФ и УК РФ. Под конкуренцией норм понимается ситуация, когда одно и то же деяние формально подпадает под признаки как административного правонарушения, так и преступления. В теории уголовного права данный феномен получил название «межотраслевой коллизии». Ключевым критерием разграничения выступает размер ущерба. Однако на практике возникает проблема «серой зоны» — когда ущерб близок к пороговому значению крупного размера (100 000 рублей). В таких случаях правоприменитель сталкивается с дилеммой: квалифицировать деяние как административное правонарушение с наложением штрафа в размере от 1 500 до 40 000 рублей в зависимости от статуса нарушителя или как преступление с возможным назначением лишения свободы до шести лет. Отсутствие четких методических рекомендаций по оценке ущерба в спорных случаях приводит к неоднородности судебной практики и нарушению принципа справедливости наказания. Ещё более сложной является ситуация, когда одно продолжаемое деяние содержит эпизоды, подпадающие под разные виды ответственности.

Например, незаконное распространение контента в интернете в течение длительного периода: часть скачиваний произошла до достижения порога крупного размера, часть — после. Вопрос о том, следует ли квалифицировать всё деяние как преступление или разделять его на административные и уголовные эпизоды, остаётся дискуссионным и порождает противоречивые судебные решения. Существенную роль в разграничении ответственности играет принцип «не двойного наказания за одно деяние» (принцип *non bis in idem*), закрепленный в статье 50 Конституции Российской Федерации, по смыслу которой административное и уголовное преследование за одно и то же деяние может нарушать указанный принцип, если санкции носят карательный характер. В российской практике данная проблема проявляется при последовательном привлечении лица сначала к административной, а затем к уголовной ответственности за продолжаемое правонарушение, что создаёт угрозу нарушения конституционных прав граждан. Для преодоления указанных коллизий необходима разработка комплексного подхода к разграничению ответственности, включающего уточнение методики определения размера ущерба с учетом специфики цифровой среды, где целесообразно закрепить в законодательстве приоритет оценки реальных потерь правообладателя над гипотетической стоимостью незаконных копий. Важным элементом может стать введение института «административной преюдиции» — при условии полного возмещения ущерба и отсутствия рецидива деяния, не достигшие крупного размера, должны квалифицироваться исключительно как административные правонарушения, что соответствует принципу соразмерности наказания. Необходима также дифференциация ответственности с учётом характера нарушения: для некоммерческого использования контента (например, личное копирование) — административная ответственность, для коммерческого извлечения выгоды — уголовная при достижении пороговых значений. Кроме того, требуется совершенствование процессуальных механизмов установления фактических обстоятельств нарушения в цифровой среде, включая стандартизацию методов фиксации доказательств и экспертных заключений. Важным шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона от 8 декабря 2025 г. № 489-ФЗ, внесшего изменения в статьи 146 и 180 УК РФ, установившего дифференцированные критерии крупного размера для офлайн- и онлайн-нарушений. Однако полное разрешение проблемы требует дальнейшей кодификации подходов в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и развития доктринальных основ разграничения административной и уголовной ответственности.

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, соотношение административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности базируется на критерии общественной опасности деяния, конкретизируемом

через размер причиненного ущерба. Однако в условиях цифровой экономики традиционные количественные критерии (крупный/особо крупный размер) теряют свою определенность, что требует разработки новых методологических подходов к оценке вреда.

Во-вторых, ключевой проблемой правоприменительной практики остаётся отсутствие единообразия в квалификации однородных деяний, что обусловлено пробелами в законодательстве, недостаточной разработанностью методики оценки ущерба и сложностью установления доказательств в цифровой среде.

В-третьих, для преодоления коллизий между административной и уголовной ответственностью необходим комплексный подход, включающий совершенствование материального права (уточнение критериев разграничения), процессуальных механизмов (стандартизация доказывания) и развитие институтов досудебного урегулирования споров.

В-четвертых, перспективным направлением развития законодательства является дифференциация ответственности не только по размеру ущерба, но и по характеру нарушения (коммерческое/некоммерческое использование), наличию рецидива и степени умышленности субъекта.

Таким образом, эффективная защита интеллектуальной собственности требует баланса между необходимостью жёсткого пресечения массового пиратства и недопустимостью избыточного уголовного преследования за деяния, не представляющие высокой общественной опасности. Достижение этого баланса возможно лишь при условии системного совершенствования правовых механизмов ответственности с учетом вызовов цифровой эпохи.

Шевченко Виктор Михайлович,
директор ООО «Юридическая компания
«Шевченко и партнеры» (г. Ростов-на-Дону)

О СООТНОШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Современное развитие цифровых технологий и глобализация экономических отношений обуславливают усиление роли интеллектуальной собственности как объекта правовой охраны. Одновременно с этим наблюдается рост масштабов незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности, что требует эффективного правового реагирования со стороны государства. В Российской Федерации за нарушения в сфере интеллектуальной собственности предусмотрена многоуровневая система ответственности, включающая гражданско-правовую, административную и уголовную. При этом соотношение административной и уголовной ответственности представляет собой одну из наиболее дискуссионных проблем правовой теории и практики, требующую глубокого теоретического осмысления.

Актуальность изучения данного вопроса обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, в условиях цифровой трансформации традиционные критерии разграничения административных правонарушений и преступлений, прежде всего количественные – размер ущерба, – становятся все менее определенными из-за сложности оценки вреда в онлайн-среде. Массовое распространение контента через интернет, использование файлообменных сетей и стриминговых платформ создают новые вызовы для правоприменителей, вынуждая пересматривать устоявшиеся подходы к квалификации деяний.

Во-вторых, сохраняется неоднозначность в правоприменительной практике при квалификации однородных нарушений, что ведёт к нарушению принципа равенства перед законом и создаёт правовую неопределенность для участников оборота интеллектуальных прав.

В-третьих, международные обязательства Российской Федерации в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности и других договоров требуют обеспечения адекватного уровня защиты интеллектуальных прав, включая соразмерность применяемых санкций характеру и степени общественной опасности посягательств.

В связи с этим встает ряд вопросов, требующих теоретического осмысления. Каковы понятийные основы ответственности за посягательства на объекты интеллектуальной собственности и как соотносятся категории «нарушение», «правонарушение» и «преступление» в данной сфере?

Каковы специфические черты административной ответственности за нарушения интеллектуальных прав и в чем проявляются ее недостатки в условиях цифровой экономики? Какие критерии общественной опасности лежат в основе уголовной ответственности и как решается проблема определения крупного и особо крупного размера ущерба? Каковы природа и формы проявления коллизий между административной и уголовной ответственностью, и какие пути их преодоления возможны в современных условиях? Ответы на эти вопросы составляют предмет настоящего исследования.

Интеллектуальная собственность в российском праве представляет собой совокупность исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, что закреплено в статье 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации. Нарушением в сфере интеллектуальной собственности признается любое несанкционированное использование объектов интеллектуальных прав, влекущее за собой юридическую ответственность. Классификация нарушений может проводиться по различным основаниям: по объекту посягательства выделяют нарушения авторских и смежных прав, патентных прав, прав на товарные знаки и знаки обслуживания, права на секреты производства (ноу-хау) и другие; по форме проявления различают воспроизведение, распространение, публичный показ или исполнение, доведение до всеобщего сведения (в том числе через интернет), импорт оригинальных или контрафактных экземпляров без разрешения правообладателя. Особую категорию составляют нарушения, связанные с обходом технических средств защиты прав и искажением информации об управлении правами. Важнейшим критерием для определения вида ответственности является общественная опасность деяния. Именно степень общественной опасности выступает в качестве фундаментального основания разграничения административных правонарушений и преступлений. Общепринято считать, что общественная опасность представляет собой материальный признак преступления, определяющий его качественную и количественную характеристику. В сфере интеллектуальной собственности общественная опасность проявляется не только в ущербе, причиняемом конкретному правообладателю, но и в посягательстве на экономические основы инновационного развития общества и государства, подрыве стимулов к творческой и изобретательской деятельности. Следует подчеркнуть, что не всякое нарушение исключительных прав влечет административную или уголовную ответственность. Гражданское законодательство предусматривает случаи свободного использования произведений без согласия автора и без выплаты вознаграждения (цитирование, использование в информационных, научных, учебных целях и др.). Лишь посягательства, выходящие за рамки добросовестного использования и причиняющие существенный вред интересам правообла-

дателя, могут рассматриваться как основание для привлечения к публично-правовой ответственности.

Административная ответственность за нарушения в сфере интеллектуальной собственности предусмотрена главой 7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Наиболее значимыми составами являются статья 7.12 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение авторских и смежных прав, а также изобретательских и патентных прав; статья 14.10 КоАП РФ – за незаконное использование товарного знака, знака обслуживания или наименования места происхождения товара. Статья 7.12 КоАП РФ состоит из двух частей: часть первая устанавливает ответственность за ввоз, продажу, сдачу в прокат или иное незаконное использование контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода, а также иное нарушение авторских и смежных прав с корыстной целью; часть вторая предусматривает ответственность за незаконное использование изобретения, полезной модели либо промышленного образца, разглашение сущности охраноспособного объекта до официального опубликования, присвоение авторства или принуждение к соавторству. Объективная сторона административных правонарушений характеризуется действиями (бездействием), нарушающими установленный законом порядок использования объектов интеллектуальной собственности. Составы большинства статей главы 7 КоАП РФ являются формальными — для привлечения к ответственности не требуется наступления конкретных вредных последствий, достаточно самого факта незаконного использования. Например, по статье 7.12 КоАП РФ ответственность наступает за незаконное воспроизведение, распространение или иное использование объектов авторских прав независимо от размера причиненного ущерба. Субъективная сторона административных правонарушений в данной сфере, как правило, характеризуется умышленной формой вины. Неосторожная форма вины в отношении нарушений интеллектуальных прав в КоАП РФ не предусмотрена, что соответствует общему подходу к ответственности за посягательства на интеллектуальную собственность.

Однако административно-правовая регуляция имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, отсутствует единая система критериев для определения степени тяжести правонарушения. Размер штрафов по части 1 статьи 7.12 КоАП РФ составляет от 1 500 до 2 000 рублей для граждан, от 10 000 до 20 000 рублей – для должностных лиц и от 30 000 до 40 000 рублей – для юридических лиц с обязательной конфискацией контрафактных экземпляров, материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения. По части 2 указанной статьи штрафы аналогичны, однако конфискация не предусмотрена. При этом не учитывается реальный масштаб причиненного вреда, что делает санкции недостаточно сдерживающими для крупного

бизнеса, получающего многократно превышающую штрафы прибыль от нелегального использования интеллектуальных прав.

Во-вторых, в условиях цифровой экономики возникают сложности с квалификацией массового нелегального распространения контента через интернет. Административные нормы разрабатывались преимущественно для офлайн-среды, и их применение к онлайн-нарушениям требует интерпретационных усилий со стороны правоприменителей. Так, распространение пиратского контента через файлообменные сети или стриминговые платформы формально подпадает под действие статьи 7.12 КоАП РФ, однако установление субъекта правонарушения и доказывание его вины в цифровой среде представляет значительные трудности, связанные с анонимностью пользователей, трансграничным характером нарушений и технической сложностью фиксации доказательств.

В-третьих, административная ответственность не учитывает фактор рецидива. Лицо, неоднократно привлекавшееся к административной ответственности за аналогичные нарушения, несёт ту же ответственность, что и лицо, совершившее правонарушение впервые. Это снижает превентивный потенциал административных санкций и создаёт условия для систематического нарушения прав интеллектуальной собственности при относительно низких издержках нарушителя.

В отличие от административной ответственности, уголовная ответственность за посягательства на интеллектуальную собственность предусмотрена главой 24 Уголовного кодекса Российской Федерации и наступает лишь при наличии повышенной степени общественной опасности деяния. Ключевыми составами преступлений являются статья 146 УК РФ – нарушение авторских и смежных прав; статья 180 УК РФ – незаконное использование товарного знака; статья 147 УК РФ – нарушение патентных прав (в части завладения изобретением). Важнейшим отличием уголовно наказуемых деяний от административных правонарушений является обязательное наличие крупного размера ущерба либо совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также в случае извлечения дохода в крупном или особо крупном размере (в зависимости от конкретной статьи). Критерий крупного размера ущерба является центральным при разграничении административной и уголовной ответственности. Согласно примечанию к статье 146 УК РФ, крупным размером ущерба, причинённого автору или иному правообладателю, признаётся стоимость экземпляров произведений или фонограмм в размере не менее 100 000 рублей, а также стоимость прав на использование произведений в случаях, предусмотренных законом. Особо крупным размером признаётся стоимость не менее 1 000 000 рублей. Аналогичные критерии установлены и для статьи 180 УК РФ. Однако именно определение размера ущерба становится основным источником правоприменительных коллизий. Проблема заключается в методологии оценки. В практике использу-

ются различные подходы: рыночная стоимость легальных экземпляров, стоимость лицензионного использования, упущенная выгода правообладателя.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 июля 2022 г. № 25-П указал, что при определении размера ущерба должны учитываться реальные потери правообладателя, а не гипотетическая стоимость всех незаконно распространённых копий. Тем не менее единообразия в оценке до сих пор не достигнуто, что приводит к существенным расхождениям в квалификации однотипных деяний различными судами. Особую сложность представляет квалификация деяний в цифровой среде. При нелегальном размещении контента в интернете количество скачиваний или просмотров может исчисляться миллионами, однако установить прямую причинно-следственную связь между каждым фактом доступа и убытками правообладателя практически невозможно. В этой связи Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 26 апреля 2023 г. № 8 рекомендовал при оценке ущерба от онлайн-пиратства учитывать не только количество незаконных копий, но и характер использования (коммерческое или некоммерческое), продолжительность доступа к контенту, а также меры, предпринятые правообладателем для защиты своих прав. Субъективная сторона преступлений против интеллектуальных прав характеризуется исключительно умышленной формой вины. При этом обязательным признаком является корыстная цель или мотив извлечения выгоды. Это принципиально отличает уголовно наказуемые деяния от административных правонарушений, где корыстная цель не требуется, что создаёт дополнительный критерий разграничения двух видов ответственности.

Соотношение административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности характеризуется наличием так называемой «конкуренции» норм КоАП РФ и УК РФ. Под конкуренцией норм понимается ситуация, когда одно и то же деяние формально подпадает под признаки как административного правонарушения, так и преступления. В теории уголовного права данный феномен получил название «межотраслевой коллизии». Ключевым критерием разграничения выступает размер ущерба. Однако на практике возникает проблема «серой зоны» – когда ущерб близок к пороговому значению крупного размера (100 000 рублей). В таких случаях правоприменитель сталкивается с дилеммой: квалифицировать деяние как административное правонарушение с наложением штрафа в размере от 1 500 до 40 000 рублей в зависимости от статуса нарушителя или как преступление с возможным назначением лишения свободы до шести лет. Отсутствие четких методических рекомендаций по оценке ущерба в спорных случаях приводит к неоднородности судебной практики и нарушению принципа справедливости наказания. Ещё более сложной является ситуация, когда одно продолжаемое деяние

содержит эпизоды, подпадающие под разные виды ответственности. Например, незаконное распространение контента в интернете в течение длительного периода: часть скачиваний произошла до достижения порога крупного размера, часть — после. Вопрос о том, следует ли квалифицировать всё деяние как преступление или разделять его на административные и уголовные эпизоды, остаётся дискуссионным и порождает противоречивые судебные решения. Существенную роль в разграничении ответственности играет принцип «не двойного наказания за одно деяние» (принцип *non bis in idem*), закрепленный в статье 50 Конституции Российской Федерации, по смыслу которой административное и уголовное преследование за одно и то же деяние может нарушать указанный принцип, если санкции носят карательный характер. В российской практике данная проблема проявляется при последовательном привлечении лица сначала к административной, а затем к уголовной ответственности за продолжаемое правонарушение, что создаёт угрозу нарушения конституционных прав граждан. Для преодоления указанных коллизий необходима разработка комплексного подхода к разграничению ответственности, включающего уточнение методики определения размера ущерба с учетом специфики цифровой среды, где целесообразно закрепить в законодательстве приоритет оценки реальных потерь правообладателя над гипотетической стоимостью незаконных копий. Важным элементом может стать введение института «административной преюдиции» — при условии полного возмещения ущерба и отсутствия рецидива деяния, не достигшие крупного размера, должны квалифицироваться исключительно как административные правонарушения, что соответствует принципу соразмерности наказания. Необходима также дифференциация ответственности с учётом характера нарушения: для некоммерческого использования контента (например, личное копирование) — административная ответственность, для коммерческого извлечения выгоды — уголовная при достижении пороговых значений. Кроме того, требуется совершенствование процессуальных механизмов установления фактических обстоятельств нарушения в цифровой среде, включая стандартизацию методов фиксации доказательств и экспертных заключений. Важным шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона от 8 декабря 2025 г. № 489-ФЗ, внесшего изменения в статьи 146 и 180 УК РФ, установившего дифференцированные критерии крупного размера для офлайн- и онлайн-нарушений. Однако полное разрешение проблемы требует дальнейшей кодификации подходов в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и развития доктринальных основ разграничения административной и уголовной ответственности.

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, соотношение административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности бази-

руется на критерии общественной опасности деяния, конкретизируемом через размер причиненного ущерба. Однако в условиях цифровой экономики традиционные количественные критерии (крупный/особо крупный размер) теряют свою определенность, что требует разработки новых методологических подходов к оценке вреда.

Во-вторых, ключевой проблемой правоприменительной практики остаётся отсутствие единообразия в квалификации однородных деяний, что обусловлено пробелами в законодательстве, недостаточной разработанностью методики оценки ущерба и сложностью установления доказательств в цифровой среде.

В-третьих, для преодоления коллизий между административной и уголовной ответственностью необходим комплексный подход, включающий совершенствование материального права (уточнение критериев разграничения), процессуальных механизмов (стандартизация доказывания) и развитие институтов досудебного урегулирования споров.

В-четвертых, перспективным направлением развития законодательства является дифференциация ответственности не только по размеру ущерба, но и по характеру нарушения (коммерческое/некоммерческое использование), наличию рецидива и степени умышленности субъекта.

Таким образом, эффективная защита интеллектуальной собственности требует баланса между необходимостью жёсткого пресечения массового пиратства и недопустимостью избыточного уголовного преследования за деяния, не представляющие высокой общественной опасности. Достижение этого баланса возможно лишь при условии системного совершенствования правовых механизмов ответственности с учетом вызовов цифровой эпохи.

Янчин Виталий Олегович,
старший преподаватель
Академии МВД Республики Беларусь

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА В ОТНОШЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Благополучие и развитие, жизнь и здоровье несовершеннолетних, как наиболее уязвимых в силу психофизических особенностей граждан, находится под защитой государства. Вместе с тем, такие негативные проявления, как агрессия и жестокость по отношению к несовершеннолетним угрожает их физическому и психическому здоровью, а также полноценному развитию их личности. Наиболее пагубные последствия для несовершеннолетних наступают, когда такое насилие к ним применяют их собственные родители, которые в соответствии белорусским законодательством о браке и семье (статья 65 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, далее – КоБС) должны быть полностью ответственны за воспитание, содержание и защиту несовершеннолетних детей.¹ Речь идет о семейно-бытовом характере действий, ситуации максимальной уязвимости несовершеннолетних, когда люди, которые обязаны обеспечивать защиту прав и законных интересов своих детей, сами нарушают их базовые права на неприкосновенность, защиту от эксплуатации и насилия.²

Также достаточно точно охарактеризовала данное негативное явление Довгалюк Н.В.: «Агрессивность родителей по отношению к несовершеннолетнему ребенку, являясь крайней стадией семейного неблагополучия, исключает непосредственную возможность нормального нравственного формирования личности несовершеннолетнего в семейной среде.»³

В связи с этим профилактика насилия и иных вредных воздействий в отношении несовершеннолетних, особенно в семейном окружении, является приоритетным направлением социального развития белорусского об-

¹Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 26-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 24.07.2025)

²Профилактика жестокого обращения с несовершеннолетними в Российской Федерации и Республике Беларусь: учеб.-методич. пособие / Л.Ю. Понежина, Ю.В. Каприанова, Д.И. Поликарпов, О.Г. Каразей, В.О. Янчин – Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО МВД России; Минск: Академия МВД, 2023. – С. 81.

³Довгалюк, Н. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Довгалюк Наталья Владимировна. – Москва, 2010. – С. 117.

щества. Концепцией правовой политики Республики Беларусь (пп. 26.1 п. 26) в качестве положительных тенденций формирования и развития национальной правовой системы, наряду с иными, выделена поддержка социально уязвимых категорий граждан.¹

Законодательство об административных правонарушениях² (далее – КоАП), также как и специальные законодательные акты о профилактике правонарушений, призвано осуществлять воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, обеспечивать предупреждение повторных правонарушений, как с его стороны, так и иными гражданами. Тому подтверждением является сбалансированная система основных и дополнительных административных взысканий наряду с мерами профилактического воздействия.

Как показывает практика, одним из наиболее эффективных, действенных административных взысканий, способствующих достижению указанных целей, является административный арест, применение которого позволяет поддерживать общественный порядок и обеспечивать общественную безопасность, непосредственно способствует решению и такой задачи КоАП как предупреждение административных правонарушений.³ Одновременно, вместе с общественными работами и лишением права заниматься определенной деятельностью, административный арест относится к одному из наиболее строгих административных взысканий, который состоит в содержании физического лица в условиях изоляции в течение определенного срока и накладывается только лишь в случае совершения грубого административного правонарушения (по характеру деяния наиболее общественно вредное из трех законодательно регламентированных категорий: административный проступок, значительное и грубое административное правонарушение).

Подтверждая данный тезис, Каразей О.Г. и Молодых В.А. отмечают: «При этом реализация такой меры принуждения напрямую затрагивает конституционные права и законные интересы граждан. Традиционно административный арест рассматривается исследователями как самое строгое административное взыскание, применяемое к физическим лицам, которое не только связано с временной изоляцией лица от общества, но и влечет для него иные негативные последствия (потеря работы, разрыв се-

¹Концепция правовой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 24.07.2025).

²Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. № 365-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 24.07.2025).

³Тимошенко, И.В. Административный арест в общей системе административных взысканий / И.В. Тимошенко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2015. – № 2. – С. 46.

мейных отношений и т.д.)»¹. Поэтому абсолютно оправданно по ряду объективных причин законодатель наложил запрет на применение данного вида взыскания в отношении определенного перечня субъектов административных правонарушений.

Так, административный арест не может быть наложен на:

- несовершеннолетних;
- беременных;
- инвалидов I и II группы;
- лиц, имеющих на иждивении инвалидов I группы либо осуществляющих уход за престарелыми лицами, достигшими восьмидесятилетнего возраста;
- женщин и одиноких мужчин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей и некоторых других лиц (часть 2 статьи 6.6 КоАП).

Вместе с тем, по нашему мнению, законодатель не учел следующее обстоятельство: лица, совершившие грубые административные правонарушения в отношении несовершеннолетних детей, находящихся при этом у них на иждивении, а, следовательно, совместно проживающих, представляют для последних реальную угрозу их жизни и здоровью. Это особенно важно в случаях умышленного причинения телесных повреждений и иных насильственных действий (статья 10.1 КоАП)].

В большинстве случаев такие противоправные деяния совершаются в возбужденном или неадекватном состоянии, состоянии алкогольного опьянения или вызванном потреблением наркотических средств, что наряду с иными условиями при совместном нахождении субъекта правонарушения и несовершеннолетнего потерпевшего повлечет повышенный риск совершения повторного, с высокой вероятностью, более опасного деяния. Эти обстоятельства вызывают необходимость изоляции правонарушителя от несовершеннолетнего, в том числе посредством наложения судом административного взыскания в виде административного ареста в рамках административного процесса.

При этом возникает вопрос о форме устройства несовершеннолетнего на воспитание ввиду отсутствия попечения со стороны родителей или иных близких родственников на период вышеназванной изоляции. Государство предусмотрело разные основания и варианты временного устройства несовершеннолетнего на воспитание.

Первый – при непосредственной угрозе жизни или здоровью несовершеннолетнего законодательно предоставлена возможность немедленного его отобрания у родителей или других лиц, на воспитании которых он фактически находится, по решению органа опеки и попечительства с одновременным уведомлением прокурора и последующим обращением в суд с

¹ Каразей, О. Г. Административный арест: проблемы правового регулирования и правоприменения / О. Г. Каразей, В. А. Молодых // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2024. – № 2 (48). – С. 18.

иском о лишении родителя-агрессора родительских прав (часть вторая статьи 85 КоБС).

Второй – если ребенок находится в социально опасном положении вследствие ненадлежащего выполнения родителями своих обязанностей по его воспитанию и содержанию (ведут аморальный образ жизни, страдают хроническим алкоголизмом или наркоманией и др.), по решению комиссии по делам несовершеннолетних ребенок признается нуждающимся в государственной защите, отбирается у родителей, ему устанавливается статус оставшегося без попечения родителей и ребенок помещается на государственное обеспечение на срок до шести месяцев (статья 85-1 КоБС).

В обоих случаях несовершеннолетний временно помещается в социально-педагогическое учреждение.

Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь по состоянию на 01.01.2025 более 22,5 тысяч детей признаны находящимися в социально опасном положении. В органы опеки и попечительства из органов внутренних дел направлено более 29 тысяч информации о неблагополучии в семьях, в которых воспитываются несовершеннолетние. По результатам социальных расследований, проведенных по указанным информациям, более 3 тысяч детей (10,5%) впоследствии были признаны нуждающимися в государственной защите. Незначительный процент отбираемых детей констатирует достаточно высокий уровень эффективности налаженной системы профилактической работы в неблагополучных семьях, недопустимости отобрания детей без веских оснований, минимизации числа родителей, лишенных родительских прав, и, как следствие, недопущение необоснованного роста уровня социального сиротства¹.

С целью более эффективного обеспечения защиты жизни и здоровья несовершеннолетних в семьях предлагаем снять запрет на наложение административного взыскания в виде административного ареста на женщин и одиноких мужчин, совершающих грубые административные правонарушения в отношении несовершеннолетних детей в сфере домашнего насилия путем внесения дополнения в пункт 4 части 2 статьи 6.6 КоАП, а именно: после слов «несовершеннолетних детей» дополнить словами «за исключением лиц, совершивших правонарушения (насильственные действия) в отношении указанных несовершеннолетних».

Предложенное изменение законодательства об административных правонарушениях позволит устранить существующую, по нашему мнению, правовую коллизию, обеспечив в полной мере защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, страдающих от домашнего насилия.

¹ Профилактика жестокого обращения с несовершеннолетними в Российской Федерации и Республике Беларусь: учеб.-методич. пособие / Л.Ю. Понежина, Ю.В. Каприанова, Д.И. Поликарпов, О.Г. Каразей, В.О. Янчин – Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО МВД России; Минск: Академия МВД, 2023. – С. 148.

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА**

Материалы
XX Международной научно-практической конференции
(2 октября 2025 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка Г. А. Артемовой

ISBN 978-5-9266-2260-4

Подписано в печать 16.02.2026.

Авт. л. 9,7. Заказ 422.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.